

ПРОБЛЕМЫ НАРОДО- НАСЕЛЕНИЯ

СОВРЕМЕННАЯ
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
СИТУАЦИЯ
В
РАЗВИВАЮЩИХСЯ
СТРАНАХ

ПРОБЛЕМЫ НАРОДО- НАСЕЛЕНИЯ

СОВРЕМЕННАЯ
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
СИТУАЦИЯ
В
РАЗВИВАЮЩИХСЯ
СТРАНАХ

Сборник переводных статей

Редакция и предисловие Д. И. Валентея
и А. П. Судоплатова

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1982

Составитель А. П. Судоплатов
Переводчики: С. Ф. Иванов, О. Д. Комарова, М. С. Любский,
А. С. Переушин, И. А. Хрипунов, В. П. Яковлев, Ю. А. Ярошевский

Издательство «Прогресс» продолжает выпуск работ зарубежных ученых, посвященных актуальным проблемам народонаселения современного мира. В изданных ранее сборниках статей были проанализированы вопросы демографического развития социалистических и капиталистических стран.

Данный сборник написан ведущими учеными ГДР, Кубы, Индии, Ганы, Филиппин, Японии, США, руководителями и экспертами международных демографических учреждений ООН и посвящен наиболее острой демографической проблеме наших дней — ускоренному росту народонаселения развивающихся стран, его социально-экономическим аспектам и последствиям. Среди рассматриваемых тем: специфика демографической ситуации в развивающихся странах; стратегия национального социально-демографического развития; программы демографической политики; международное сотрудничество в области проблем народонаселения; народонаселение и окружающая среда; народонаселение и производство продовольствия.

Сборник предназначен для демографов, экономико-географов, социологов, экономистов и всех тех, кто интересуется актуальными вопросами социально-демографического и экономического развития государств, освободившихся от колониальной зависимости.

Редакция литературы по географии

© Сокращенный перевод на русский язык, предисловие и примечания, «Прогресс», 1982

П 20901—002 50—82
006(01)—82

0703000000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Высокие темпы роста населения в развивающихся странах привлекают все более растущее внимание общественности и широкого круга специалистов во всем мире. Демографические процессы в этих государствах, в которых сегодня проживает значительное большинство населения Земли, в настоящее время оказывают долгосрочное воздействие на тенденции современного мирового развития. Их интенсивность вызвала к жизни в последние десятилетия XX в. ряд сложных проблем глобального характера, решение которых стало объектом активной деятельности правительств развивающихся стран, ООН и других международных организаций.

Всемирная Конференция ООН по народонаселению (Бухарест, 1974 г.) и принятый ею Всемирный план действий ООН в области народонаселения еще более стимулировали расширение международного сотрудничества в сфере демографии, а также осуществление мер по регулированию воспроизводства населения в развивающихся странах. В свете этих событий научное изучение процессов народонаселения в странах, освободившихся от колониальной зависимости, приобретает важное идеологическое и практическое значение.

Настоящий сборник продолжает серию изданий, посвященных актуальным проблемам народонаселения современного мира. В двух первых публикациях¹ получили

¹ См.: Проблемы народонаселения. Над чем работают ученые социалистических стран. «Прогресс», М., 1976; Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. «Прогресс», М., 1977.

раскрытие вопросы демографической эволюции стран социалистического сотрудничества и развитых капиталистических государств. В данном сборнике читатель знакомится с проблематикой демографической ситуации и политики в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки. Его содержание имеет существенную познавательную ценность. Статьи, включенные в сборник, представляют собой теоретическое обобщение огромного фактического материала, накопленного ООН и другими международными организациями по проблемам экономического и социального прогресса, вопросам народонаселения, сырья и продовольствия, охраны окружающей среды и т. д., а также различных эмпирических исследований и практического опыта в проведении политики народонаселения в молодых независимых государствах.

Авторы сборника — видные ученые-демографы, большинство из которых руководители и эксперты специализированных демографических учреждений ООН. Их высказывания охватывают весьма обширный спектр взглядов по исследуемой проблеме, подчас отличных друг от друга, прежде всего из-за различий в теоретической интерпретации и оценке параметров интенсивности процессов народонаселения, а также из-за неодинакового толкования терминологии и новизны постановки ряда вопросов. Уже само понятие «развивающиеся страны» неоднозначно в интерпретации ученых-марксистов и представителей буржуазной науки, нередко оперирующих в своих работах также термином «третий мир». Официальная статистика ООН, которой широко пользуются ученые-немарксисты, руководствуется главным образом, по существу, количественными, формальными критериями уровня экономического развития и относит к развивающимся странам также некоторые страны социалистической системы (Вьетнам, Кубу, Албанию, КНДР). Тем самым вне поля зрения этих авторов остается принцип группировки стран с позиции различий в социально-экономической организации общества.

Отметим также ошибочность некоторых методологических посылок авторов-немарксистов. Признавая тот факт, что демографические процессы социально предопределены, одновременно эти авторы переоценивают значение регулирования процессов народонаселения в реализации социальной политики современного общества. В своих тео-

ретических построениях и при анализе статистических данных эти авторы, как увидит читатель, игнорируют реальность существования развивающихся государств, которые провозгласили целью своего будущего построение социализма. Наблюдаемое в развивающихся странах обострение проблем народонаселения буржуазные авторы не рассматривают как проявление колониального наследия и общего кризиса капитализма и — как следствие такого подхода — не делают резюмирующего вывода о том, что полностью решить задачи национального возрождения стран, освободившихся от колониальной зависимости, можно лишь вне рамок капиталистического развития. Отсюда очевидна необходимость критического восприятия опыта изучения буржуазными авторами демографических процессов в развивающихся странах.

Вместе с тем нельзя не отметить одну общность во взглядах авторов сборника, которую надо рассматривать как отражение объективных перемен, происходящих в современном мире, успехов национально-освободительных движений и все возрастающего влияния мировой социалистической системы. Все авторы сходятся в одном. Прямо или косвенно, с гуманистических позиций, они опровергают неомальтузианские взгляды на пути устранения существующих проблем народонаселения, подвергают критике неокOLONIALISTские по своей сути рекомендации «модернизации» стран Азии, Африки и Латинской Америки, подчеркивают необходимость установления нового международного экономического порядка в качестве одной из кардинальных предпосылок решения актуальных проблем демографического развития мира.

При подборе статей был учтен также момент широкого географического представительства. В сборнике участвуют авторы из Ганы, ГДР, Индии, Кубы, Пакистана, США, Филиппин, Финляндии, Англии, Франции, Японии.

Современная демографическая ситуация в развивающихся странах чрезвычайно подвижна и многообразна. Ее подвижность — составная часть стремительного хода развития современного мира в целом, когда цифры и факты, еще вчера казавшиеся стабильными и убедительными ориентирами, сегодня сменяются новой информацией и зачастую качественно иной ее оценкой. Неоднозначность в

первую очередь определяется дифференциацией освободившихся государств по уровню развития производительных сил и производственных отношений, выбором прокапиталистической либо некапиталистической ориентации в их внутренней и внешней политике. Именно в этом несходстве причины разных демографических тенденций в странах и регионах Азии, Африки и Латинской Америки.

При общем увеличении численности населения мира в течение первых двух третей XX в. в 2 раза население Африки выросло почти в 3 раза, стран Латинской Америки в 3,5 раза. Ныне в Азии живет 2,5 млрд. человек — столько же, сколько проживало людей на всей планете в 1950 г. Население Центральной Америки, Юго-Западной Азии и Северной Африки увеличивается на 2,8—3,2% в год (в некоторых странах — 3,4%), в других развивающихся странах этот среднегодовой темп составляет 2,2%. В последнее десятилетие наметилось перемещение эпицентра ускоренного роста населения из Латинской Америки в страны Азии и Африки.

Важной характерной чертой быстрого роста населения в современном мире, получившего название «демографического взрыва», является его относительная историческая кратковременность. В самом деле, численность населения планеты, согласно оценкам, достигла первого миллиарда за период от возникновения человеческого рода до 20-х годов XIX в., второго миллиарда — за следующие 110 лет, третьего — еще за 30 лет (примерно к 1960 г.). Для достижения четвертого миллиарда человечеству потребовалось всего лишь 15 лет. По прогнозам ООН, население мира к 2000 г. составит не менее 6 млрд. человек, а к концу XXI столетия стабилизируется на рубеже 11—12 млрд. человек. Таким образом, тенденция сравнительно быстрого возрастания численности населения Земли как результат демографического роста в развивающихся регионах сохранится в длительной перспективе.

Другая характерная особенность динамики народонаселения — это то обстоятельство, что современный ускоренный прирост населения в развивающихся странах является следствием значительного снижения в них уровня смертности при сохранении высокой рождаемости. В Азии, Африке и Латинской Америке за последние десятилетия удалось снизить общий коэффициент смертности с 35—40 до 10—20‰. Средняя продолжительность жизни возросла

(в основном за счет снижения детской смертности) с 25—30 до 60 лет в Латинской Америке и Восточной Азии, до 50—60 лет — в Южной Азии и Северной Африке и до 40—45 лет — в Тропической Африке. При этом нормой демографического поведения населения остается раннее вступление в брак, практически стопроцентная брачность и высокая рождаемость (среднее число детей, рожденных одной женщиной за репродуктивный период жизни, составляет в странах Азии, Африки и Латинской Америки — без учета мертворождений — 5,3).

В истории человечества и ранее наблюдались периоды резкого ускорения роста населения. Так, в XIX в. произошло значительное увеличение численности населения в Европе и в Северной Америке. Хотя тогда в этих регионах проживало менее 1/3 всех жителей Земли, они обеспечивали на протяжении столетия около 60% прироста численности всего населения планеты.

Однако современный «демографический взрыв» в развивающихся странах имеет иные важнейшие показатели демографической динамики. «Взрыв» XIX в. характеризовался повышением среднегодовых темпов роста населения в европейских странах и Северной Америке с 0,4 до 1% и был растянут практически на все столетие. С точки зрения мировой демографической динамики этот рост имел ограниченное, локальное значение. Он, по существу, компенсировал некоторое снижение показателей в остальной части планеты и «поддерживал» общий темп роста мирового населения на уровне 0,5% ежегодно до начала XX в. Наблюдаемый в наше время прирост населения в развивающихся странах в два с лишним раза превышает максимальный уровень, достигнутый тогда в Европе и Северной Америке, и обеспечивает удвоение населения Азии, Африки и Латинской Америки через каждые 25—30 лет. Таким образом, современный «демографический взрыв» носит более масштабный характер. Порождаемые им глобальные проблемы требуют комплексного решения, одним из аспектов которого является разработка демографической политики в интересах социального прогресса.

Тем не менее при оценке динамики демографического роста в развивающихся странах было бы неправомерно недооценивать исторический опыт течения процессов народонаселения на Европейском континенте. Анализ интенсивности мировой динамики народонаселения в прошлом

показывает, что ускоренный рост населения не может быть *постоянной тенденцией*. Утверждение и развитие индустриальной экономики на протяжении XIX в. выявило противоречия между традициями многодетной семьи, характерной для докапиталистических архаичных форм общественного разделения труда, и нарождавшимися новыми социально-экономическими условиями. Разрешение этих противоречий происходило под влиянием процессов капиталистического развития, связанных с промышленной революцией (повышенная потребность в женском и детском труде, изменившая характер отношений в семье и ее место в обществе; рост образования и культуры; распространение медицинских знаний и т. д.). Формирование крупной промышленности, пролетаризация рабочей силы и утверждение городского образа жизни создали новые социально-экономические основания семьи¹ и повлекли за собой отмирание экономической потребности в многодетности.

В результате постепенно складывался новый тип демографического поведения, обязательными элементами которого стали представление об «идеальном» и «желаемом» числе детей в семье (причем отчетливо проявилась тенденция к снижению этого числа) и сознательное внутрисемейное регулирование времени рождения каждого последующего ребенка.

Однако надо сказать, что механизм воспроизводства населения перестраивался в европейских странах — при определенной общности тенденций — неравномерно и противоречиво. Уровень рождаемости, заболеваемости, смертности, брачности видоизменялся по-разному в различных социальных группах населения. Целые поколения людей обрекались и обрекаются при капитализме на физические и нравственные страдания. Модификация демографического поведения в условиях капиталистической эксплуатации рабочей силы отнюдь не способствует решению злободневных проблем общественного прогресса.

Современная демографическая ситуация в странах, освободившихся от колониальной зависимости, в некоторой степени напоминает картину развития процессов народонаселения, характерную для Европы XIX в. Сходство относится к основной непосредственной причине снижения уровня смертности (внедрение достижений медицины и

распространение правил санитарии и гигиены), которая позволила резко сократить количество смертных случаев, вызываемых внешними для организма обстоятельствами, например инфекционными заболеваниями. В то же время в развивающихся странах уровень смертности хотя и определяется главным образом также экзогенными факторами, но вместе с тем имеет существенную качественную особенность: младенческая смертность в них намного более высока, чем в экономически развитых странах.

Ускорение роста населения в молодых независимых государствах также совпало с периодом перехода от преимущественно аграрной экономики к народному хозяйству, в структуре которого все более весомую роль начинает играть промышленность. Однако по своим масштабам этот рост не имеет прецедента в европейской истории. В развивающихся странах «взрыв» численности населения связан с формированием многоукладной социально-экономической структуры. Поэтому в этих странах сохраняются такие типы семьи и воспроизводства населения, которые нацеливают семью в целом на максимизацию числа рождений и объективно ведут к многодетности. Следствием «демографического взрыва» является также омоложение населения, то есть преобладание в его составе молодежи и детей. «Молодая» возрастная структура не только сама по себе снижает общий коэффициент смертности, но, увеличивая в населении долю женщин детородного возраста, накапливает тем самым потенциал демографического роста в будущем.

Особо отметим, что высокие темпы роста народонаселения в развивающихся странах обуславливаются не одними параметрами естественного движения населения, то есть соразмерностью уровней рождаемости и смертности, но также тем, как соотносятся между собой три основных вида движения населения — естественный прирост, территориальная мобильность и изменения в социально-классовой структуре. Процессы социального и территориального движения населения оказывают все более возрастающее воздействие на демографическое поведение людей, на формирование определенных репродуктивных установок семьи.

Выше уже отмечалось, что, хотя пространственные рамки современного «демографического взрыва» обозначаются вполне четко границами развивающихся стран, он представляет собой не только местное или региональное,

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 500.

но одновременно и глобальное явление. В той или иной мере с «демографическим взрывом» связаны такие мировые проблемы, как необходимость значительного роста производительных сил человечества, снятие напряженности в обеспечении его сырьевыми ресурсами, энергией и продовольствием, поддержание экологического равновесия.

Особую остроту современной демографической ситуации в развивающихся странах придают три аспекта.

Во-первых, хотя «демографический взрыв» не является причиной экономической отсталости стран Азии, Африки и Латинской Америки, вместе с тем он создает дополнительные трудности при ее преодолении, вызывая обострение социально-экономических проблем и придавая им более масштабный характер. Увеличивается разрыв в уровнях экономического развития, выраженных в показателях производства и потребления сырьевых, энергетических и продовольственных ресурсов на душу населения, между развитыми капиталистическими и развивающимися странами. Быстрый рост населения в последних осложняет усилия по изменению этой тенденции.

Во-вторых, демографические проблемы развивающихся стран теснейшим образом связаны с проблемой голода и недоедания. Как подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС¹, обеспечение продовольствием растущего населения планеты превратилось в одну из острейших проблем современного мирового развития. Хотя темпы роста сельскохозяйственной продукции в мире в целом превышают темпы роста населения, это превышение неустойчиво, недостаточно и неповсеместно. В странах Азии, Африки и Латинской Америки неразвитость материально-технического базиса производства, а также архаичные социальные отношения служат коренной причиной наметившегося несоответствия между производством продовольствия и динамикой роста населения.

В-третьих, обостряется проблема занятости. От четверти до трети экономически активного населения стран Азии, Африки и Латинской Америки не занято постоянно в общественном производстве. В сельском хозяйстве доля избыточных трудовых ресурсов составляет от трети до половины, а в ряде стран достигает 70%. При переходе от докапиталистических укладов к капитализму, сопровож-

даемому разрушением общинных структур и вытеснением значительных масс людей из сельского хозяйства, острота проблемы занятости еще более возрастает. Она усугубляется еще и тем, что в условиях высоких темпов естественного прироста населения и рабочей силы (в 1970-е годы ежегодный прирост рабочей силы в развивающихся странах составил около 2%) вытеснение избыточного аграрного населения в города ведет к образованию маргинальных групп — значительного слоя выходцев из деревни, обреченных в силу ограниченности рынка труда и отсутствия у них какой-либо производственной квалификации на хроническую безработицу.

Таким образом, развитие процессов народонаселения в странах, освободившихся от колониальной зависимости, в связи с распадом докапиталистических укладов и быстрым анклавным развитием в их социально-экономической структуре капиталистических производственных отношений приобретает — в условиях высоких темпов демографического роста — характер *демографического кризиса*, находящего проявление в образовании неоднородных форм перенаселения. В той мере, в какой развивающиеся страны оказываются интегрированы в систему мирового капиталистического хозяйства, демографический кризис в них не представляет собой самоизолированного явления; его необходимо рассматривать при таких обстоятельствах как один из важных факторов, предопределяющих историческую бесперспективность мировой хозяйственной системы капитализма.

Современная демографическая ситуация в развивающихся странах стала предметом напряженной идейной борьбы. На ее обострение наука о населении откликнулась серией концепций. Главным направлением в этих построениях является совершенствование теории и практики познания реальных тенденций движения населения и выработка демографической политики в области снижения уровня рождаемости. Это направление, безусловно, симптоматично. В нем зафиксированы не только факт усиления внимания к изучению исходных позиций и ориентиров демографического роста, но и наметившаяся тенденция рассматривать вопрос о практических мероприятиях по воздействию на динамику народонаселения в рамках широкого комплекса мер социально-экономической политики отдельных стран, государств, международных организаций.

¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. Политиздат, 1981, с. 26.

Авторы сборника в этой связи ставят имеющий принципиальное значение в методологии исследования вопрос о характере и социально-экономической обусловленности динамики народонаселения и демографической политики в развивающихся странах. Однако большинство из этих авторов дают оценку указанным факторам с немарксистских позиций, игнорирующих главные тенденции общественного развития, связанные со стратегией выбора капиталистического или социалистического пути. Противоречивый характер взаимодействия общественного развития и процессов народонаселения получает в работах Р. Саласа, Л. Таба, А. Митры, Р. Анкера и Г. Фарука лишь описательное освещение. Проблема современности, возникающая в связи с переживаемым ныне человечеством «демографическим взрывом», который обусловил усиление воздействия демографического фактора на социальное развитие и необходимость перехода от нерегулируемого, стихийного роста народонаселения к его сознательному, контролируемому обществом воспроизводству, трактуется преимущественно с позиций снижения темпов прироста народонаселения развивающихся стран. Но еще классики марксизма-ленинизма в свое время указывали, что регулирование воспроизводства населения отнюдь не исчерпывается мерами контроля над рождаемостью в сторону ее снижения¹. Главным в проведении эффективной демографической политики в обществе является такое воздействие на демографические структуры, которое способствует упрочению семьи, созданию лучших условий для сочетания материнства с активным участием женщин в труде и общественной деятельности, увеличению продолжительности жизни и трудовой активности людей, укреплению их здоровья.

Тенденцию западных теоретиков и экспертов рассматривать процессы народонаселения и вопросы демографической политики в рамках преимущественно количественных оценок, с позиций «демографической классификации» стран по уровню общего коэффициента рождаемости и смертности, отражает работа Б. Берельсона. Высокие темпы роста населения, согласно этой позиции, порождены как причинами внутреннего демографического порядка, так и асинхронностью в движении общих коэффициентов рождаемости и смертности в результате достижений научно-технического прогресса в области современной медици-

ны и изменчивости конкретных социально-экономических условий.

При таком подходе качественные факторы формирования демографической ситуации в освободившихся странах и социально-экономический механизм развития процессов народонаселения на длительную перспективу рассматриваются на искусственно «узкой основе» противопоставления уровней рождаемости и смертности. Это приводит к упрощенной трактовке содержания демографического развития в будущем. Перспективная эволюция уровня рождаемости возводится в работе Б. Берельсона в ранг «основного вопроса» демографического развития. При всех заслуживающих внимания интересных оценках временного периода снижения уровня рождаемости по отдельным группам освободившихся стран нельзя согласиться с абсолютизацией автором тенденций колебаний естественного движения населения. Следует разграничивать качественно различные уровни воздействия на динамику народонаселения достижений социально-экономического прогресса и научно-технической революции. Снижение общего уровня рождаемости и смертности лишь видоизменяет интенсивность тенденций естественного движения населения. Но нельзя забывать, что существуют еще территориальная миграция населения и его социальная мобильность.

Принципиально важно, что социально-экономический механизм динамики процессов народонаселения следует рассматривать под углом зрения взаимодействия роста народонаселения и процесса общественного развития в целом. Поэтому изменения в уровне рождаемости по отдельным регионам согласуются не с глобальными «пороговыми величинами» узкосоциологического характера, а с наиболее существенными территориальными и региональными показателями, уходящими своими корнями в характер производственных отношений. Иными словами, вызревающие предпосылки перехода к более низкой рождаемости и смертности в отдельных районах отнюдь не являются закономерностями демографического развития стран и регионов в целом. И действительно, репрезентативная статистика указывает на нелинейную форму зависимости между уровнем рождаемости и показателями экономического, социального и культурного прогресса стран, освободившихся от колониальной зависимости.

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, с. 124.

Индикаторы уровня социально-экономического развития тесным образом связаны именно с общими темпами роста населения как функцией социальных и экономических аспектов естественного, территориального и социального движения населения. Этот вывод подтверждают данные о соотношении темпов роста населения и динамики валового внутреннего продукта, экономической активности населения и производительности труда. Согласно международной экономической статистике, в 1950—1980 гг. прослеживалась общая направленность социально-экономических и демографических процессов в развивающихся регионах мира: ускорение темпов роста населения в целом сопровождалось общим повышением темпов экономического развития.

Этот вывод в известной мере разделяют А. Митра, Р. Анкер и Г. Фарук, указывающие на взаимообусловленный характер динамики народонаселения и экономического роста. Знаменательно, что эти авторы аргументированно выступают против концепции демографического детерминизма, согласно которой изменения в народонаселении имеют определяющее значение для перспектив социальной эволюции общества.

Вместе с тем нельзя не отметить, что указанные авторы в известной мере поверхностно подходят к теоретической трактовке вопроса социально-экономической обусловленности демографической динамики. Из их поля зрения выпадает, в частности, характеристика социально-экономического механизма высоких темпов демографического роста, отвечающего в некоторых случаях потребностям экстенсивно и быстро растущего — в связи с увеличением массы живого труда в общественном производстве — народного хозяйства ряда развивающихся стран. Очевидно, что поиски реальной картины взаимосвязи развития процессов народонаселения и экономики бесплодны в сфере как упрощенных схем, так и схем признания исключительно «негативного» либо исключительно «позитивного» воздействия роста населения на социально-экономическое развитие.

В развивающихся странах изменения в характере соотношения параметров народонаселения с другими параметрами экономической системы были важнейшими факторами формирования экстенсивного типа экономического воспроизводства.

Экстенсивный характер экономического роста в молодых независимых государствах предопределяет главную черту существующего в них социально-экономического механизма воспроизводства населения: высокие темпы роста населения играют роль *одновременно тормозящего и стимулирующего* фактора развития производительных сил. Рост народонаселения, как подчеркивали классики марксизма, является одним из важнейших условий капиталистического расширенного воспроизводства, поскольку «...выступает в качестве основы для накопления как постоянного процесса»¹. На это обстоятельство совершенно справедливо обращает внимание в своей статье автор из ГДР П. Калатбари, указывая на взаимосвязь наступления демографического перехода (от более высокой рождаемости к более низкой) и изменений в механизме экономического воспроизводства.

Аргументы П. Калатбари в контексте сборника дополняют несколько упрощенные схемы А. Митры, Г. Фарука и Р. Анкера. Из них можно сделать логический вывод, что в развивающихся странах, в условиях низкого уровня технического прогресса и производительности труда, экономический рост в значительной степени определяется постоянным увеличением занятости населения, то есть всей массы применяемого живого труда. Вместе с тем научно-технический прогресс уже вызвал и продолжает вызывать глубокие сдвиги в экономической и социальной структуре освободившихся стран, стимулируя технологическое совершенствование производства и интенсификацию использования всех ресурсов экономической системы. Однако последнее обстоятельство следует учитывать в плане долгосрочных прогнозов. Вследствие интенсивного роста народонаселения многие развивающиеся государства характеризуются «пассивным типом экономического развития», в котором сильнейшее давление на пропорции воспроизводства общественного продукта оказывают людские ресурсы и традиционный потребительский спрос, а затем уже применяемые капитал и технология².

Народонаселение выступает здесь, как и повсюду, одновременно как производитель и потребитель материальных благ. Однако соотношение производства и потребления

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, с. 531.

² См.: Л. И. Рейснер. Развивающиеся страны: очерк теории экономического роста. М., 1976, с. 249, 275.

из-за особенностей демографической динамики в развивающихся странах оказывается видоизмененным. Происходит это потому, что научно-технический прогресс и динамика народонаселения, взятые сами по себе, воздействуют на экономическую эволюцию развивающихся стран, по существу, в разных направлениях. Хотя высокие темпы естественного прироста населения и увеличения массы живого труда отчасти отвечают потребностям экстенсивно быстро растущей экономики, применение всей массы этого живого труда ограничено рамками — там, где оно активно растет, — капиталистического накопления. Эффективность экономики и использования людских ресурсов сдерживается также многоукладным характером социально-экономической структуры развивающихся обществ и находится на низком уровне.

Разнонаправленность воздействия усиливающейся многоукладности общества и научно-технической революции на динамику воспроизводства населения в развивающихся странах привела к тому, что демографические процессы в этих странах приобрели устойчивый инерционный характер.

Эта тенденция, вскрытая марксистско-ленинской демографией, осталась вне поля зрения Л. Таба, К. Опсонг и Э. Хавио-Маннилы, К. Ийо, Т. Хирука и С. Като. Согласно их мнению, стабильно высокие темпы роста населения в странах, освободившихся от колониальной зависимости, обусловлены главным образом сложившимся демографическим потенциалом роста населения. Инерционность же демографических процессов и их устойчивый характер связаны прежде всего с многоукладностью социально-экономической структуры и определяемой ею качественной дифференциацией условий воспроизводства рабочей силы, что является, как подчеркивал К. Маркс, важнейшим условием «воспроизводства людей, всего населения»¹ в различных, замкнутых, по существу, циклах воспроизводства и разнообразных экономических укладах развивающегося общества.

При сложившихся обстоятельствах воспроизводство населения происходит одновременно — и в известной мере «автономно» — и в архаичных докапиталистических укладах, и в тех звеньях социально-экономической структуры,

где набирает силу процесс развития капиталистических производственных отношений.

В свою очередь социальная и экономическая многоукладность общества и сопряженная с ней дезинтегрированность экономики обуславливают *разнонаправленные тенденции* в естественном, территориальном движении населения и его социальной мобильности. В связи с этим в естественном движении населения развивающихся стран прослеживаются тенденции, присущие архаичным, докапиталистическим укладам, эпохе становления капиталистических производственных отношений, в то время как растущая территориальная подвижность населения отражает быструю эволюцию свойственных современному капитализму форм хозяйствования. Именно поэтому в развивающихся странах неприменимы «универсальные рецепты демографической политики».

Вместе с тем противоречивый характер воздействия многоукладной социально-экономической структуры на процессы народонаселения не следует отождествлять с хаотичностью в формировании режима его воспроизводства. Справедливость такой постановки вопроса очевидна, если рассматривать эволюцию демографических структур в развивающихся странах под углом зрения наличия общих, специфических и частных закономерностей процессов народонаселения. При таком подходе отчетливо видны не только неравномерность экономического и политического развития различных групп освободившихся стран, но и каждый раз конкретное — в зависимости от уровня развития производительных сил — соотношение экономической и политической эволюции и демографических процессов в отдельных странах. Таким образом, при идентичности высоких темпов роста населения развивающиеся государства обнаруживают специфические формы взаимосвязи социально-экономических и демографических процессов, при оценке которых следует исходить из типологической классификации стран согласно структуре их народного хозяйства.

В работах советских ученых выявлены типологические характеристики развивающихся стран по принципу сходства экономических структур¹. Выделяются афро-азиатская группа государств с неразвитыми капиталистическими

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, с. 105.

¹ См.: Типология несоциалистических стран. М., 1976, с. 220, 221.

ми отношениями, слабо развитые в экономическом отношении страны Латинской Америки, Азии и Ближнего Востока, а также наиболее экономически прогрессирующие государства в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Эта классификация служит как бы логическим обоснованием приведенных в статье Л. Таба иллюстративных данных об интенсивности демографических процессов по крупным регионам.

Типологический подход к анализу дифференциации процессов народонаселения в развивающихся странах позволяет дать обоснованную марксистскую оценку другому важному вопросу, поднимаемому авторами сборника: *роль демографической политики в общественном развитии и международном сотрудничестве для стран, освободившихся от колониальной зависимости*. Очевидно, что предлагаемые в этой связи Р. Саласом направления помощи в осуществлении демографических проектов в развивающихся государствах могут быть реализованы только в том случае, если они будут содействовать прогрессивным социально-экономическим преобразованиям, проведению аграрных реформ и принятию действительно эффективных мер по вовлечению громадных масс женского населения развивающихся стран в общественно полезную деятельность.

Демографические проекты и программы, разумеется, если они научно обоснованы, могут выступать как одно из средств в комплексе мер социальной политики; однако их ядро должна составлять долгосрочная программа прогрессивных, социалистических по своему существу перемен в социальной структуре общества.

Поиски же «универсальных рецептов», способных разрешить острые демографические проблемы только путем снижения рождаемости, бесперспективны.

К этому выводу эмпирическим путем, характерным для немарксистской общественной науки, приходят также некоторые авторы сборника. Знаменательно, что эта точка зрения — не без влияния марксистских демографических концепций — положена в основу решений упомянутой выше Всемирной конференции ООН по народонаселению (1974 г.) и Всемирного плана действий в области народонаселения, в которых демографические проблемы характеризуются в широком контексте социально-экономических планов и программ.

Марксистско-ленинская демография связывает — и тео-

ретически, и конкретно — задачи регулирования динамики населения с реализацией прогрессивных целей социально-экономического развития. Соответствующие изменения внутрисемейных установок и стереотипов, определяющих тенденции воспроизводства населения, наиболее безболезненно можно осуществить при некапиталистической организации общества, что позволило бы избежать многих отрицательных последствий современного «демографического взрыва». Именно на такой основе принесут наибольший эффект меры, непосредственно воздействующие на процессы рождаемости и смертности, брачность, разводы, миграцию, расселение населения и т. п.

Таким образом, претворение в жизнь демографической политики в развивающихся странах требует комплексного подхода: необходимым условием ее осуществления должно стать коренное преобразование отсталой общественной структуры с присущими ей пережитками архаичных производственных отношений. В связи с этим демографическая политика в развивающихся странах может быть, по нашему мнению, проведена в *два этапа*, временная граница между которыми, разумеется, очень условна. На первом этапе необходимо выполнить комплекс мероприятий по созданию объективных предпосылок для социально-экономического регулирования демографических процессов на основе прогрессивных реформ в области здравоохранения, образования, женского равноправия и социального обеспечения. На втором этапе можно приступить к целенаправленной корректировке демографического поведения населения.

К сожалению, в современной международной деятельности в области народонаселения такой подход не получил пока должного распространения. В развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки превалируют демографические проекты и программы, ориентированные лишь на меры по «контролю над рождаемостью» и «планированию семьи». Широкое рекламирование и значительное финансирование Западом этих программ и проектов, а подчас и прямое их навязывание не являются случайными. Речь идет о хорошо продуманной тактике: ограничить объективно необходимые социальные реформы в странах, освободившихся от колониальной зависимости, узкими рамками демографической политики в области снижения рождаемости.

Эти далекие от науки и продиктованные проимпериалистическими и неоколониалистскими интересами устремления отчетливо проявляются, в частности, в международной деятельности США в области демографии. Многочисленные организации, возникшие здесь в послевоенный период по инициативе и на средства крупнейших частных фондов, а с середины 1960-х годов и правительственные органы стремятся доказать, что снижение рождаемости само по себе, без всяких социально-экономических перестроек, способно якобы обеспечить наиболее благоприятные условия для «экономического старта в процессе развития». Неслучайно в рекомендациях Управления международного развития, ведающего в США вопросами экономического и научно-технического содействия развивающимся странам, подчеркивается, что страны, проводящие политику «планирования семьи» и «контроля над рождаемостью», пользуются приоритетом в получении различных видов экономической помощи.

Анализ практики (как это видно и по материалам данного сборника) проведения демографической политики в развивающихся странах — в том числе и с привлечением значительных финансовых средств из стран развитого капитализма — показывает, что демографические программы пока еще слабо связаны с реальным планированием социально-экономического развития. Реализация этих программ сопряжена с большими объективными трудностями, обусловленными социально-экономической отсталостью, традициями быта, культуры и т. п. В ряде случаев она вызвала лишь серьезные политические осложнения, но не привела — из-за сохранения низкого уровня жизни и архаичных социальных отношений в деревне — к сколь-либо заметному снижению общего коэффициента рождаемости.

Проблемы соотношения роста народонаселения, охраны окружающей среды, потребления энергетических, сырьевых и продовольственных ресурсов в свете современной демографической ситуации в развивающихся регионах мира занимают важное место в содержании сборника. Несомненное достоинство работ Р. Ридкера и К. Ийо, Т. Хируки и С. Като состоит в том, что в них правильно показана взаимозависимость динамики народонаселения и величины спроса на природные и продовольственные ресурсы. Авторы избегают традиционной мальтузианской оценки «нехватки ресурсов и средств существования» в связи с

долгосрочной динамикой роста народонаселения. В работах справедливо подчеркивается на основе многофакторного анализа важность социально-экономических проблем *реального* увеличения производства продуктов питания и более эффективного использования сырья и энергии.

Однако, отдавая должное интересным и оригинальным расчетам и гипотезам указанных авторов, следует сказать, что характеризуемая ими социально-экономическая проблематика спроса и предложения природных и продовольственных ресурсов в современном мире сформулирована в форме абстрактных рассуждений о «возможных вариантах развития событий». Между тем эти проблемы носят острый классовый характер, они порождены несправедливым по отношению к молодым независимым государствам характером хозяйственных связей в рамках мировой капиталистической системы. Так, на их долю приходится лишь одна треть потребления совокупных природных ресурсов социалистического мира, при том, что в них проживает более половины населения Земли. При современной относительной нехватке энергетических и сырьевых ресурсов и в условиях быстрого увеличения численности мирового населения становится особенно очевидным крайне неблагоприятное воздействие на сложившуюся ситуацию процессов милитаризации экономики и гонки вооружения.

Таким образом, поиск оптимальных форм взаимодействия общества и природы в современных условиях и перспективы решения продовольственной проблемы превращаются — с учетом влияния демографических факторов — в важную задачу человечества. Решение этих проблем нельзя откладывать в долгий ящик. Но будет ли оно найдено, зависит прежде всего от успехов борьбы за укрепление мира на Земле и развитие международного сотрудничества на равноправной и взаимовыгодной основе, в интересах всего человеческого общества.

Нельзя игнорировать также другие политические аспекты современной продовольственной проблемы. Гипертрофированная концентрация населения, наблюдаемая, например, в некоторых районах Юго-Восточной Азии на ограниченных для сельскохозяйственного использования земельных площадях, предопределена не столько демографическим потенциалом роста населения, сколько социально-экономическими закономерностями, а также тем обстоятельством, что ни общество, ни нация, «взятые вместе, не есть собст-

венники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею»¹. В этих условиях решение продовольственной проблемы упирается не в технологическую политику совершенствования сельскохозяйственного производства, а в необходимость проведения кардинальных прогрессивных сдвигов в системе частного землевладения и землепользования. Не должны быть забыты и разумные меры по регулированию размещения сельского и городского населения.

В решении актуальных проблем населения развивающихся стран важное значение приобретают *социально-политические аспекты*. Они постоянно находятся в поле зрения ученых не только нашей страны, но и других государств социалистического содружества. В этом свете очевидный интерес представляет работа кубинских демографов П. Вальдеса Суареса и Р. Эрнандеса Кастельона. Авторы правильно указывают на объективную необходимость поисков демократической альтернативы сложившейся практики регулирования демографических процессов в рамках традиционных мероприятий социально-экономической политики буржуазного государства. Все это подтверждает справедливость выдвинутого марксистской демографической наукой тезиса о том, что демографический кризис в развивающихся странах — это составная часть и проявление общего кризиса капитализма².

В заключение необходимо подчеркнуть, что разрабатываемый марксистской демографией подход к изучению проблем народонаселения в развивающихся странах с позиций взаимосвязи и взаимообусловленности социально-экономических и демографических процессов позволяет познать не только социально-экономический механизм воспроизводства населения, но и реальные перспективы изменений в демографической структуре.

В условиях своеобразной поляризации и известной замкнутости циклов воспроизводства и экономического роста

развивающихся стран в докапиталистических отраслях экономики и современном секторе народного хозяйства, по сути дела, одновременно формируются *различные* объективные предпосылки будущих изменений в режиме воспроизводства населения. Поэтому «средние» показатели интенсивности демографических процессов не могут быть ориентиром в определении перспектив снижения темпов прироста населения в развивающихся странах в целом. Эти показатели характеризуют не региональную дифференциацию процессов народонаселения, как об этом пишут ряд авторов сборника, а их специфичность и замкнутость в рамках определенных укладов социально-экономической структуры сходных между собой групп развивающихся стран.

В условиях социально-экономической многоукладности развитие демографических процессов осуществляется при нарастающем воздействии на них различных форм безработицы и перенаселения. Формируемая структура занятости, при низкой поглощающей способности современных отраслей народного хозяйства и высоких темпах естественного прироста населения, определяет медленные темпы изменения социальной структуры или мобильности экономически активного населения.

Анализ социально-экономической обусловленности высоких темпов роста населения в развивающихся странах показывает, что они носят закономерный характер. Поэтому в условиях многоукладности социально-экономической структуры создаются различные предпосылки перехода к более современному режиму воспроизводства населения, с более низкими уровнями рождаемости и смертности. Отсюда очевидно, что переход к этому режиму — в силу противоречивого характера развития процессов народонаселения и наличия качественно несходных предпосылок их эволюции в отдельных группах развивающихся стран — будет происходить неодновременно во всех государствах Азии, Африки и Латинской Америки. Он будет связан не столько с общим поступательным ходом экономического роста, сколько с *качественными сдвигами в социально-экономической структуре* стран, освободившихся от колониальной зависимости, которые оказывают определяющее воздействие на интенсивность и характер демографических процессов. «Опыт социалистических стран с колониальным и полуколониальным прошлым, — пишет П. Калатбари, —

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 337.

² См.: Э. А. Араб-Оглы. Демографические и экологические прогнозы. Критика современных концепций. М., 1978; Я. М. Гувеватый. Демографо-экономические проблемы стран Азии. М., 1980; Л. А. Княжinskая. Рост народонаселения и продовольственная проблема в развивающихся странах. М., 1980; В. С. Степенко. Демография в современном мире. М., 1978; Народонаселение мира вчера, сегодня, завтра. Под ред. Э. Ю. Бурнашева. М., 1980.

показал, что эти страны сумели в течение двух-трех десятилетий последовательно и успешно решить задачи экономического развития, а затем и демографические проблемы». Марксистская наука о народонаселении видит в предпочтении молодыми независимыми государствами некапиталистического пути развития ключ к устранению напряженности в современной демографической ситуации в развивающихся странах.

*Профессор Д. И. Валентей,
доцент А. П. Судоплатов*

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН И РОЛЬ ООН

Р. Салас¹

За годы, прошедшие после Всемирной конференции ООН по народонаселению в Бухаресте (1974 г.), международное сотрудничество в области демографических проблем охватило почти весь мир, и все страны — члены ООН (за немногим исключением) участвуют в этой деятельности как доноры или получатели помощи. Этот факт — наглядный показатель того огромного значения, которое международное сообщество придает проблемам народонаселения. Дальнейшее совершенствование сотрудничества должно быть направлено на закрепление достигнутых успехов и решение все более четко вырисовывающихся задач, обусловленных тенденциями развития демографических процессов в современном мире.

РОСТ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Существующая диспропорция между ростом населения и наличием ресурсов в развивающемся мире продолжает внушать сильную тревогу. Представляется, что по мере дальнейшего увеличения численности населения эта диспропорция будет все более обостряться. Такую ситуацию нужно считать не чем-то сугубо гипотетическим, а вполне

¹ Rafael M. Salas. International Population Assistance: The First Decade. A Look at the Concepts and Policies Which Have Guided the UNFPA in Its First Ten Years, Pergamon Press, Oxford—New York, 1979, p. 375—378. Рафаэль М. Салас — заместитель Генерального секретаря ООН, исполнительный директор фонда ООН для деятельности в области народонаселения.

© Rafael M. Salas, 1979

реальной возможностью, которую надлежит встретить во всеоружии, чтобы суметь возрастающие потребности в ресурсах, которые возникнут в не столь отдаленном будущем, должны образом учесть при разработке государственной политики и программ развития и использования природных и людских ресурсов.

Сейчас, когда предпринимаются более энергичные усилия, направленные на удовлетворение меняющихся потребностей в области народонаселения, весьма актуальными стали такие факторы, как динамика смертности, состояние здоровья населения, миграционные процессы, роль женщин, а также ряд общих для развитых и развивающихся стран проблем, в том числе рост городов, последствия увеличения продолжительности жизни, а также демографические и социальные аспекты роста численности молодежи в большинстве стран.

РОЖДАЕМОСТЬ

Наблюдаются очевидные признаки снижения уровня рождаемости. Хотя изменения этого показателя в период с начала и до конца 1960-х годов были слишком незначительными, чтобы можно было сделать какие-либо определенные выводы, такое снижение, особенно начиная с конца 60-х годов, достаточно заметно. Наиболее убедительно выявляется оно в тех странах, где имеются полные или по крайней мере достаточно достоверные данные о динамике рождаемости. Такая картина сложилась в небольших, главным образом островных, государствах, население которых составляет приблизительно 12% общего народонаселения развивающихся регионов. Аналогичные данные получены и по крупным континентальным странам, на долю которых приходится не менее 30% всех жителей так называемого «третьего мира». В целом с конца 60-х годов в 40 государствах, где проживает не менее 40%, а возможно, до двух третей населения развивающихся стран, уровень рождаемости снизился примерно на 15%.

Как же обстоит дело в крупных развивающихся государствах? Нельзя ли, несмотря на недостаток достоверной информации, сделать какие-либо обоснованные выводы и в отношении этих стран? Основываясь на косвенных данных, а также на некоторой статистической информации международных организаций, многие специалисты склонны

считать, что рождаемость в КНР снизилась примерно до 25‰¹. Только за последнее десятилетие ее снижение оценивается примерно в 20%. Если эти сведения соответствуют истине, то это означает, что в самой населенной стране мира в динамике рождаемости произошло кардинальное изменение.

Для Индии оценки, основанные на выборочных данных, а также сведения, полученные при реализации программ в области народонаселения, и наблюдавшиеся в 60-е годы (в период между переписями) низкие темпы роста населения дают основание полагать, что за последние 10 лет рождаемость в этой стране снизилась на 10%.

В Индонезии, по данным проведенного недавно выборочного обследования, рождаемость снизилась на 10—15%. В Африке, в Сахельском регионе, признаков падения рождаемости нет. Напротив, можно предположить, что в результате улучшения охраны здоровья населения уровень рождаемости здесь повысился.

Последние данные по Латинской Америке свидетельствуют о том, что в Колумбии, Коста-Рике, Доминиканской Республике, Гайане и Мексике многолетнее увеличение уровня рождаемости прекратилось, и, более того, в Мексике этот показатель начал быстро падать. Возможно, что активную роль в таком изменении сыграл пересмотр государственной политики, стимулирующий ограничение числа деторождений.

Но какими бы оптимистичными ни казались эти признаки, было бы неразумным делать вывод о том, что проблемы народонаселения развивающихся стран и всего мира в целом уже решены или сколь-либо близки к решению. Можно утверждать, что положительный эффект изменения демографических процессов в развивающихся странах скажется в ощутимой степени только тогда, когда большинство жителей этих стран получат реальную возможность обеспечить себе и своим детям достойное будущее.

СМЕРТНОСТЬ И ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ

Характерной особенностью рассматриваемого периода было беспрецедентное увеличение продолжительности предстоящей жизни при рождении. К середине 70-х годов

¹ КНР, по терминологии и классификации ООН, относится к развивающимся странам.— *Прим. ред.*

в развивающихся странах средняя продолжительность жизни населения выросла с 42 до 54 лет. Но статистическая картина будет мало достоверной, если при ее оценке не учитывать как внутрорегиональных, так и межрегиональных различий в показателях смертности и продолжительности жизни. Так, по последним данным, средняя продолжительность жизни колеблется от 38 до 73 лет, что по любым меркам составляет весьма большой интервал. В Латинской Америке средняя продолжительность жизни равна 62 годам, в Азии — 56, в Африке — около 45 годам. Очевидно, что для снижения уровня преждевременной смертности в развивающихся странах предстоит проделать большую работу. Разрыв в 26 лет между Африкой и развитыми странами, несмотря на существование средств и знаний, которые можно было бы использовать для его ликвидации, является прискорбным свидетельством нашей неспособности подкрепить делом рассуждения о глобальной взаимозависимости всех стран.

В развивающихся странах младенческая смертность остается наиболее важным фактором, определяющим общий уровень смертности. Десять лет назад коэффициент младенческой смертности в целом по развивающимся странам составлял 180‰, превышая 200‰ в наиболее бедных странах, в то время как в развитых странах он был равен 57‰. В некоторых районах «третьего мира» появились признаки резкого снижения младенческой смертности, что отражается на показателях общей смертности. Существует мнение, что довольно высокая эффективность программ планирования семьи в некоторых развивающихся странах, приведших здесь к резкому снижению рождаемости, есть прямое следствие уменьшения младенческой смертности, а также улучшения здравоохранения и образования, положения женщин и более равномерного распределения доходов.

Общезвестно, что в любой стране, достигшей определенного уровня экономического развития, происходит некоторое снижение уровня рождаемости. Однако опыт Шри Ланки в какой-то мере опровергает это положение, ибо в этом случае ограничение рождаемости достигнуто при отсутствии сколь-либо заметного экономического прогресса. Рост общественного благосостояния, то есть предоставление неимущим слоям населения возможности пользоваться благами здравоохранения и образования, а также улучше-

ние социального и экономического положения женщин, очевидно, сыграли в процессе снижения рождаемости более существенную роль, нежели чисто экономические факторы. Из этого следует, что подобные меры повышения социального благосостояния являются мощными стимулами снижения младенческой смертности и рождаемости. Некоторые ученые, в частности в Индии, считают, что причина здесь в том, что родители уже не стремятся иметь как можно больше детей, ибо сейчас благодаря успехам здравоохранения не умирает так много детей в младенческом возрасте. Это интересная гипотеза, однако многие авторы склонны ставить под сомнение подобную теорию «компенсации», исходя из того, что нет достаточных данных, которые дали бы возможность сделать общий вывод о наличии зависимости между уменьшением младенческой смертности и снижением рождаемости. Они придерживаются мнения, что снижение рождаемости вызвано прежде всего изменением материального положения населения. Возможно, что упомянутые выше примеры представляют собой особые случаи, обусловленные характерными только для них обстоятельствами.

В последнее время наблюдаются некоторые тревожные факты, которые, несомненно, окажут существенное влияние на уровень смертности. Наиболее заметным среди них является «возрождение» малярии — заболевания, считавшегося ликвидированным уже 30 лет назад. Во многих развивающихся странах Азии и Африки малярия вновь стала серьезной угрозой для здоровья и распространилась настолько широко, что правомерно говорить о новой «эпидемии». В 1966 г. в Индии было зарегистрировано 40 тыс. случаев заболевания. В 1972 г. этот показатель вырос до 1 млн. 430 тыс., а в 1977 г. он достиг 6 млн. Серьезно поражены малярией Пакистан, Бангладеш, Шри Ланка, Индонезия и Филиппины. В 1975 г. только в Африке зарегистрировано 50 млн. клинических случаев заболевания малярией, из них 1 млн. со смертельным исходом. В Экваториальной Африке около 13% всех госпитализированных больных приходится на долю больных малярией. По всей видимости, причинами «возврата» малярии служит рост популяции комаров и появление новых их разновидностей, не восприимчивых к ДДТ, а также малярийных патогенов, устойчивых к применяемым лекарственным препаратам. Особую озабоченность вызывает то, что наиболее

уязвимыми оказываются группы населения, страдающие от недостаточного питания, и в первую очередь дети младших возрастов. Мэру такой угрозы можно оценить, если учесть, что от недостаточного питания, как известно, страдают около 400 млн. детей.

Наряду с этими тревожными явлениями можно с удовлетворением отметить растущее стремление к внедрению упрощенных систем первичной медико-санитарной помощи, которые позволят привлечь к работе по охране здоровья громадные массы населения развивающихся стран. Это даст возможность расширить охват населения медицинской помощью и уделять больше внимания основным проблемам охраны здоровья. В предстоящие годы следует дать научную оценку эффективности этой интересной нетрадиционной системы организации медицинской помощи, отличающейся от более формально организованных государственных систем здравоохранения.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ФАКТОР

Важным фактором, имеющим непосредственную связь с уровнем смертности, а также с состоянием здоровья населения развивающихся стран, является обеспеченность населения продовольствием. Мрачные прогнозы в этой области получили наглядное подтверждение после того, как страны Сахельского региона Африки были поражены голодом, а на Индостанском полуострове в 1974 г. возник дефицит продовольствия, вызванный продолжительной засухой. Чувство тревоги, столь остро ощущавшееся на Всемирной конференции ООН по продовольствию (Рим, 1974 г.), свидетельствует о том, что известное во все времена правило, по которому численность населения должна соответствовать производству продовольствия, остается для многих непреложной истиной, хотя благодаря новой агротехнике производство продуктов питания в наше время намного превысило уровень, который мог бы себе представить Т. Мальтус. Однако эти опасения развеелись, когда в Сахеле и на Индостанском полуострове кончился период засухи, а Индия собрала подряд несколько рекордных урожаев, накопив в результате беспрецедентно большие запасы продовольствия. Специалисты по экономике сельского хозяйства и ныне предостерегают против иллюзии, будто скудные годы, несущие людям еще большие страдания,

никогда не повторятся. Ученые напоминают, что резервы плодородных земель истощаются и что освоение земель низкого качества становится экономически неоправданным. Было бы поистине опрометчивым отвергать с порога подобные предостережения, считая, что они смещают акценты и отвлекают внимание от таких вопросов, как безудержное потребительство, расточительность и настоятельная необходимость обеспечить более рациональное и справедливое распределение продуктов питания. Ни одна из этих задач не исключает других.

Нужно трезво отдавать себе отчет в том, что в научно-исследовательских институтах в настоящее время не разрабатывается агротехника, способная обеспечить такой скачок производства продовольствия, какой был достигнут 15 лет назад в период «зеленой революции». Возможно, со временем и удастся добиться принципиально новых результатов путем повышения эффективности процесса фотосинтеза и селекции новых сортов зерновых, способных связывать азот в почве. Это позволило бы решить обостряющуюся проблему роста стоимости минеральных удобрений. Однако ведущиеся в этой области исследования еще не закончены.

МИГРАЦИЯ И УРБАНИЗАЦИЯ

При современных темпах роста городского населения можно предположить, что в ближайшие 20 лет оно увеличится до размеров, с которыми градостроители никогда до этого времени не сталкивались. Эту тенденцию иллюстрируют прогнозы по нескольким городам.

Число жителей агломерации Токио — Йокогама, составившее в 1970 г. 15 млн. человек, может вырасти к 2000 г. до 26 млн. Население Большого Каира с 5,6 млн. человек в 1970 г. может увеличиться до 16,3 млн. в 2000 г., Лагоса — с 1,4 млн. в 1970 г. до 9,4 млн. в 2000 г., Мехико — с 8,5 млн. до 31,6 млн.

Общепризнано, что необходимо безотлагательно разрабатывать государственную политику и программы с целью решить проблему перенаселения городов и изменить направление миграционных потоков и не только самым примитивным способом, то есть посредством принуждения, но и путем создания «полюсов роста». Такие «полюса» могли бы привлечь новых жителей в мало населенные районы,

в том числе в местности, обезлюдившие вследствие миграции. Для этого понадобилось бы планомерно строить школы, учреждения здравоохранения, жилье и дороги, обеспечить средства транспорта, воду для орошения, промышленных и бытовых нужд, но прежде всего гарантировать работу для молодежи. Однако, несмотря на значение, которое правительства многих освободившихся от колониальной зависимости стран придают развитию сельских районов, в этом направлении сделано очень мало. Основная причина — большие затраты, требующиеся для создания «полюсов роста», которые давали бы людям надежду найти работу и получить социальные блага, то есть то, что в течение многих веков составляло притягательную силу крупных городов.

Международным организациям, оказывающим помощь, следует учитывать, что при осуществлении проектов переселения к ним будут чаще обращаться с просьбами о предоставлении субсидий, а не займов.

Примером может служить республика Шри Ланка, которая запросила помощь для переселения крестьянских семей в сельские районы, где в результате осуществления Проекта развития Махавели открываются возможности для земледелия и создания промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья.

Некоторыми учеными предлагается интересное и, по-видимому, практически осуществимое решение проблемы. Оно сводится к тому, чтобы активно содействовать планомерному созданию небольших городов-поселков на пространстве между крупными городами и сельскими зонами, стимулируя с этой целью размещение промышленных предприятий за пределами густо населенных районов. Такими стимулами могут быть финансовые льготы в виде ступенчатых скидок с налогов и улучшение транспортного обслуживания. Хотя эта идея и не нова (Индонезия, Бразилия и другие развивающиеся страны уже в течение 20 лет предпринимают усилия для уменьшения скученности населения), выгоды, которые она сулит, представляются столь заманчивыми, что такая идея заслуживает серьезного изучения.

Исторически эмиграция (то есть миграция населения между странами) была вызвана действием в некоторых странах центробежных сил политического и социального характера. В послевоенные годы такая миграция также в

известной степени объясняется аналогичными причинами, однако все большую роль в этом процессе начали играть экономические мотивы, в частности перспективы достижения прочного материального положения.

Низкие темпы экономического роста во многих развивающихся странах недостаточны для обеспечения необходимых условий жизни для быстро увеличивающегося населения. Вследствие этого, а также под воздействием так называемой «революции надежд» возникли столь мощные силы, что многие миллионы людей были оторваны от родной земли и вынуждены отправиться в другие страны на поиски работы, социальных благ и лучшего будущего для своих детей. Масштабы этого процесса и его нарастающие в последние два десятилетия темпы поставили развитые страны перед необходимостью ужесточить свои иммиграционные правила.

В межрегиональную и внутрирегиональную международную миграцию оказались втянутыми многие социальные группы, начиная от неквалифицированных рабочих и кончая высокообразованными специалистами. Это привело к возникновению новых проблем культурной ассимиляции, а также вызвало такие отрицательные явления, как «утечка мозгов» из развивающихся стран. Одно из предложенных решений первого круга проблем заключается в том, чтобы наглухо закрыть дверь для иммигрантов. Эта идея, по-видимому, возникла под влиянием высокого уровня безработицы, существующего также и в развитых странах.

Что же касается эмиграции специалистов различных отраслей знаний, то для государственных деятелей развивающихся стран становится все более очевидным, что основная причина этого явления кроется в том, что в целом ряде таких стран все еще сохраняется система образования и профессиональной подготовки, предназначенная для удовлетворения потребностей индустриального общества. Это положение почти неизбежно побуждает специалистов уезжать в страны, где они могут найти интересную и хорошо оплачиваемую работу. Поэтому необходимо изменить систему образования, с тем чтобы его содержание в большей степени соответствовало потребностям данного государства.

В ряде развивающихся стран уже начинают ощущаться положительные результаты переноса центра тяжести с традиционного медицинского образования на массовую подго-

товку кадров для работы по профилактике заболеваний и санитарному просвещению. Такой курс на усиление роли профилактики оказывает заметное влияние на снижение показателей заболеваемости и смертности в сельских районах, где проживает подавляющее большинство населения развивающихся стран, не говоря уже о том, что он требует значительно меньше средств.

ИЗМЕНЕНИЯ В ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ

Ранее мы уже касались ряда характерных для развивающихся стран проблем народонаселения и некоторых связанных с ними вопросов, в том числе международной миграции. Существуют еще две важные общие проблемы.

Первая из них заключается в увеличении доли и абсолютного размера когорты молодежи в общей численности населения. Этот факт влияет на государственную политику всех стран не только в плане регулирования рождаемости, но и в плане расширения занятости, индустриализации, образования и жилищного строительства. Данная проблема сильнее всего затрагивает развивающиеся страны, где наблюдается наибольшая диспропорция между величиной когорты молодежи и размером ресурсов, необходимых в связи с ее ростом.

Численность совершеннолетней молодежи в мире выросла с 488 млн. человек в 1955 г. до 740 млн. в 1975 г. и, по прогнозам, увеличится к 1985 г. до 879 млн. Такой скачок еще выше в развивающихся странах, где, как ожидается, численность этой группы населения вырастет с 548 млн. человек до 688 млн. к 1985 г.

Большое внимание привлекает в последние годы проблема увеличения процента детей до 15 лет в общей структуре населения. В некоторых странах дети этой возрастной категории составляют более 40% населения. Так как они являются иждивенцами, то их содержание ложится тяжелым бременем на ресурсы, выделяемые на цели экономического и социального развития. В течение ближайших 10 лет эта молодежь достигнет совершеннолетия и вступит в репродуктивный период. В результате во многих странах динамика рождаемости у данной группы населения окажет заметное влияние на социально-экономический прогресс.

В настоящее время около 20% населения мира принад-

лежит к возрастной группе 15—25 лет. Эта категория предъявляет особые требования к социальным службам. Прежде всего следует отметить требования к образованию, особенно профессиональному, ибо все большее количество детей получают общее образование различного уровня. По мере увеличения числа выпускников школ возрастает необходимость обеспечить им возможность учиться дальше или получить работу. Кроме того, необходимо удовлетворить их запросы в жилье, транспорте и отдыхе, для чего могут понадобиться специальные меры.

Молодым людям потребуется также надлежащая помощь со стороны служб планирования семьи. Во многих развивающихся странах вопрос об уровне рождаемости молодежи уже вызывает озабоченность и может превратиться в значительно более острую и актуальную проблему, по мере того как удельный вес населения в возрасте до 25 лет будет возрастать. Нужны квалифицированные исследования этой проблемы с учетом социальной и культурной специфики различных стран, на основе которых правительства заинтересованных стран могли бы разработать систему соответствующих мероприятий.

Второй проблемой является старение населения, вызванное снижением общей рождаемости и увеличением средней продолжительности жизни. Эти процессы приводят к ощутимым изменениям возрастной структуры населения как в развитых, так и в развивающихся странах. Данные о старении населения земного шара и последние прогнозы на два ближайших десятилетия свидетельствуют об актуальности разработки национальной политики и организационно-правовых мероприятий, направленных на решение проблемы, возможность возникновения которой даже не предполагалась до начала 1970-х годов. Важно осознать, что, хотя доля группы старше 60 лет в общей возрастной структуре населения мира и невелика (8,4% в 1970 г. и, по прогнозам, 9,3% в 2000 г.), общее абсолютное число людей в возрасте свыше 60 лет весьма значительно. В 1970 г. эта группа насчитывала 304 млн. человек, и ожидается, что через 20 лет она возрастет до 581 млн., то есть почти вдвое. Влияние этих изменений наиболее сильно отразится на развивающихся странах. Можно предполагать, что в развивающихся странах будет проживать 377 млн. человек в возрасте свыше 60 лет, то

есть 65% общей численности этой когорты людей во всем мире.

Еще одна важная особенность рассматриваемой тенденции заключается в том, что старение населения сопряжено с увеличением численности женщин, так как продолжительность их жизни больше, чем у мужчин. Представляется, что в период до 2000 г. эта диспропорция возрастет еще более при одновременном абсолютном росте как мужской, так и женской части населения.

При разработке социальной политики необходимо также учитывать результаты последних обследований, указывающие на некоторые изменения концепции семьи. Как в развитых, так и в развивающихся странах традиционные отношения зависимости между старшими и младшими членами семьи также перестраиваются. В развитых странах понятие семьи трансформируется в связи с увеличением продолжительности жизни, поскольку в настоящее время в семье могут быть представлены четыре поколения, а не три, как ранее. В развивающихся странах (где пенсионное обеспечение часто отсутствует) происходят аналогичные изменения, которые сказываются на традиционных схемах семейной иерархии.

Возникает необходимость детально изучить такого рода перемены в масштабе страны, а также отдельных городов и деревень. Это позволит перейти от традиционных, стереотипных представлений о семье и старении к современным концепциям, адекватно отражающим ближайшее будущее. На новой основе возможно выработать соответствующую политику в области экономики, налогообложения и социального обеспечения, а также создать материальную базу для эффективного решения проблемы, обусловленной увеличением продолжительности жизни и изменением возрастной структуры населения.

Все более настоятельно требуется пересмотр многих традиционных концепций и представлений, относящихся к старости, так как вследствие изменения численности, размещения, плотности и структуры населения многие идеи и моральные принципы, положенные в основу социального законодательства ряда стран, также подвергаются ревизии.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Самый важный вывод, вытекающий из анализа современных тенденций движения народонаселения мира, заключается в уяснении той реальности, что к происходящим в демографических процессах изменениям надлежит подходить как к факторам, которые в значительной степени определяют социально-экономическую политику и планирование по всем основным вопросам общегосударственного масштаба. В 70-е годы, особенно в период после Всемирной конференции ООН по народонаселению в 1974 году, большинство правительств начало все более четко понимать необходимость органического включения мероприятий в области народонаселения в программы национального развития. В этой связи приходится с сожалением констатировать, что во многих развивающихся странах, где прогресс в этом направлении протекает медленно, практическая деятельность далеко не соответствует провозглашенным намерениям. В одних странах это происходит из-за отсутствия комплексной теории и методологии планирования национального развития, в других — вследствие нехватки практического опыта, в третьих — из-за отсутствия развитой системы учета демографической информации, в некоторых — вследствие недостаточной целеустремленности и неэффективности руководства со стороны высших государственных органов, а в ряде стран — из-за упорного нежелания государственных деятелей открыто выразить свои взгляды по проблеме, которая может чувствительно задеть сложившиеся традиции. Подобное нежелание нашло отражение и в том, что на многих международных форумах, посвященных обсуждению концепций нового мирового экономического порядка, столь существенный вопрос, как проблемы народонаселения, даже не фигурирует.

Тем не менее можно с удовлетворением отметить, что все большее число стран начинают отчетливо осознавать, что ни в одной из областей развития нельзя далее игнорировать демографические проблемы (вне зависимости от того, заинтересована данная страна в увеличении или же уменьшении темпов роста своего населения). Связь этих проблем с политикой в области образования, сельского хозяйства и продовольствия, индустриализации, урбанизации, занятости, здравоохранения, улучшения положения женщин и других находящихся в неравноправных условиях слоев населения, а также с политикой по целому ряду дру-

тих проблем рассматривается как один из принципиально важных моментов в развитии всех стран независимо от различий в их политическом устройстве или экономическом положении.

Значительно увеличилось число государств, в которых уровни рождаемости оцениваются как «чрезмерно высокие». Это число выросло с 42 в 1974 г. до 54 в 1976 г. Из них 18 стран находятся в Азии, 18 — в Африке, 16 — в Латинской Америке и 2 — на Ближнем Востоке. В целом их население составляет 82% общей численности населения развивающихся стран. Пятьдесят три страны (25 в Африке, 10 на Арабском Востоке, 9 в Латинской Америке и 9 в Азии), в которых проживает 17% населения «треггетого мира», считают свою динамику рождаемости приемлемой. Только 7 стран (на их долю приходится лишь 1% численности населения развивающихся стран) стремятся повысить уровень рождаемости.

Примечательно, что, по данным ООН, лишь в 8 развивающихся странах в той или иной степени ограничивается использование современных средств регулирования числа деторождений; 29 стран, не ставящих перед собой цель изменить темпы прироста населения, тем не менее оказывают непосредственную поддержку мероприятиям по контролю за рождаемостью. В общей сложности правительства 82 развивающихся стран независимо от проводимой ими политики в отношении рождаемости прямо или косвенно содействуют мерам по ее регулированию.

Если бы темпы роста населения соответствовали уровню, который (как явствует из анкетного обследования ООН) рассматривается правительствами как желательный, то население мира к 2000 г. насчитывало бы не 6 млрд. 650 млн. (средний прогноз ООН), а на 280 млн. человек меньше. Поэтому более целесообразно оказывать всеческую помощь правительствам в осуществлении их собственной демографической политики, нежели стремиться ее изменить.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСУРСОВ

Эта политика также находит выражение как в увеличении числа развивающихся стран, которые обращаются к Фонду ООН для деятельности в области народонаселения за помощью, так и в разнообразии программ, по которым

такая помощь запрашивается. Кроме того, страны-получатели проявляют все большую готовность увеличить долю своего вклада по отношению к объему помощи, предоставляемой на многосторонней и двусторонней основе. Так, за последние несколько лет значительно возросли государственные ассигнования, выделяемые только на одни программы планирования семьи. Приведем несколько примеров.

Непал увеличил средства на реализацию программы планирования семьи со 185 тыс. долл. в 1971 г. до 1 млн. 138 тыс. долл. в 1975 г. Коста-Рика, в 1971 г. затратившая на программы охраны материнства и детства, а также планирования семьи 40 тыс. долл., в 1975 г. выделила на эти цели 643 тыс. долл. Мексика, которая после принятия национальной демографической политики приступила в 1974 г. к государственному финансированию программ, увеличила соответствующие ассигнования приблизительно с 7 млн. долл. в 1974 г. до более чем 70 млн. долл. в 1978 г.

НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Стратегия Фонда ООН для деятельности в области народонаселения, заключающаяся в непосредственном финансировании развивающихся стран и оказании им содействия в подготовке национальных кадров, оправдала себя с точки зрения экономии как затрат, так и времени. Кроме того, готовность Фонда предоставлять помощь в соответствии с потребностями и приоритетами, определенными самими странами, позволила ему установить тесное сотрудничество почти со всеми заинтересованными государствами.

Задачей следующего этапа должно быть закрепление достигнутых успехов путем органического включения демографических мероприятий в общие программы развития. Для того чтобы международная помощь соответствовала усилиям, которые развивающимся странам придется приложить для решения проблем народонаселения в период до 2000 г., эта помощь должна предоставляться в объеме, намного превышающем нынешний.

Для достижения максимальной глобальной эффективности то большое значение, которое в национальных программах социально-экономического развития придается проблемам народонаселения, должно быть подкреплено

комплексом мероприятий в международном масштабе. В работе по решению демографических проблем сейчас как в общественном, так и в частном секторах участвует большое число отдельных лиц и организаций, занимающихся на различных уровнях обоснованием, планированием и реализацией разнообразных программ. Общеизвестно, что народонаселение представляет собой один из ключевых факторов, определяющих содержание, темпы и направление общего процесса развития. В то же время очевидна важность сохранения самостоятельности демографических программ. Их результаты не должны «растворяться» в эффекте комплексных программ развития, в интересах которого они в конечном счете осуществляются. Ввиду этого к числу наиболее ответственных решений, которые предстоит принять международному сообществу, относится выбор способа реализации четко скоординированных глобальных мероприятий, призванных наполнить реальным содержанием рекомендации принятого ООН Всемирного плана действий в области народонаселения. Цель таких мероприятий — оказать помощь развивающимся странам в осуществлении политики, разработанной на основе Плана действий. Искренность побуждений и мудрость, проявленные при принятии таких решений, окажут огромное влияние на качество жизни, которая достанется в удел детям, как уже появившимся на свет, так и ближайшим поколениям.

Факт глобального снижения рождаемости, о котором ранее говорилось весьма осторожно, теперь уже не вызывает сомнений. Как в развитых, так и во многих развивающихся странах, где проживает большая часть населения планеты, ясно наметилась тенденция к уменьшению размера семьи, и если не учитывать несущественных краткосрочных колебаний, то нет оснований полагать, что в обозримом будущем эта тенденция изменится.

Тем не менее из анализа тенденций не следует делать поспешных выводов. Было бы серьезным заблуждением сразу перейти от пессимизма к столь соблазнительному оптимизму и считать, что проблемы народонаселения уже решены. Прогнозируемый на два оставшиеся десятилетия этого века темп снижения рождаемости не предотвратит прироста населения земного шара еще примерно на 2 млрд. человек. Этим людям придется жить на планете, экономическое равновесие которой уже нарушено вследствие уг-

лубляющегося разрыва между бедным большинством и богатым меньшинством. За 1970-е годы население Земли возросло еще на 750 млн. человек, причем почти весь этот прирост приходился на страны, наиболее отставшие в своем развитии.

Помимо этого, сам факт изменения динамики рождаемости привел к появлению неизвестных доселе, но весьма острых демографических проблем, которым уже сейчас надо уделять самое серьезное внимание, с тем чтобы заранее устранить их перерастание в кризис в течение ближайших 10—20 лет. В развитых странах наиболее актуальной демографической проблемой является тенденция к уменьшению размера семьи до уровня, лежащего ниже границы простого воспроизводства. Другая проблема, которая лишь сейчас начинает вызывать серьезную озабоченность, — это старение населения и воздействие этого процесса на занятость, налоговую и социальную политику государств. Существует и ряд других проблем.

Что касается развивающихся стран — основного объекта деятельности Фонда, — то снижение уровня рождаемости в сочетании с начавшимся ранее уменьшением смертности положило начало периоду изменения структуры населения. Можно ожидать, что в этот период на плечи работающего населения, уже испытывающего большие тяготы, ляжет тяжелое бремя резко выросшего числа иждивенцев.

Таким образом, проблемы народонаселения не исчезают и не утрачивают своей остроты. Происходит лишь изменение их характера и масштабов. Поэтому нельзя успокаиваться и ослаблять усилия. Напротив, необходимо изыскать новые подходы к их решению и с удвоенной настойчивостью приступить к разработке политики и программ с учетом изменившейся мировой демографической ситуации.

В меняющейся демографической картине мира за последние 30 лет целесообразно выделить три основных направления. В 50-е годы проблемы народонаселения рассматривались и изучались демографами прежде всего в плане динамики заболеваемости и смертности. Это объяснялось тем, что в течение многих веков существовало более или менее устойчивое равновесие между коэффициентами рождаемости и смертности, вследствие чего рост населения был относительно медленным. Однако вскоре

после окончания второй мировой войны в результате усиленного осуществления программ ликвидации инфекционных заболеваний прежнее равновесие резко нарушилось. В демографической литературе того периода эта проблема получила широкое освещение.

В период 60-х годов в связи с быстрым увеличением численности населения возникла настоятельная потребность сосредоточить внимание на проблеме рождаемости как основном факторе, определяющем рост народонаселения.

В течение 70-х годов все острее ощущалась необходимость рассматривать народонаселение как один из важных органических компонентов общего процесса развития, и эта точка зрения завоевала всеобщее признание на политическом уровне.

В текущем десятилетии, учитывая огромное воздействие динамики рождаемости, смертности и других демографических факторов на процесс развития, необходимо подкрепить такое признание конкретными мероприятиями. Поэтому 80-е годы станут периодом, в течение которого проблемы народонаселения получат непосредственное отражение в политике и программах развития. Следовательно, эти проблемы превращаются в один из центральных моментов международной стратегии развития.

В 80-е годы мы, несомненно, станем свидетелями коренных перемен в демографическом облике Земли. Эти годы определяют также характер нового международного экономического порядка, в котором демографические факторы должны сыграть, безусловно, активную роль. На этот период также придется второе десятилетие работы Фонда ООН для деятельности в области народонаселения. Можно предположить, что Фонд вообще едва ли бы был когда-либо создан, если бы не бурное развитие демографических процессов в 50—60-х годах нашего столетия, когда мир начал осознавать последствия неконтролируемого роста населения в развивающихся странах. В свою очередь Фонд помог разработать и осуществить мероприятия, которые оказали и оказывают большое влияние на характер и динамику самих демографических процессов.

В 80-е годы возникнут новые сложные проблемы, для решения которых потребуются эффективная демографическая политика, опирающаяся на новые возможности. Крупные демографические сдвиги — это всегда важное событие

в жизни любой страны, но особенно острым положение стало ввиду того, что в современный период такие кардинальные изменения происходят и в региональном, и в глобальном масштабах. Все крупные географические регионы и почти все страны, как большие, так и малые, вступают в новый период демографического развития. Он будет отличаться резкими скачками и коренными изменениями прежних тенденций. Эти перемены должны радикально трансформировать тот демографический облик планеты, который существовал еще совсем недавно.

В этих условиях демографическая политика может отвечать национальным потребностям лишь при неослабном внимании к динамике демографических процессов в настоящем и будущем. В противном случае, добившись для такой политики должного признания в планах политического, социального и экономического развития, мы рискуем утратить приобретенный импульс и поставить под угрозу перспективы достижения намеченных целей. Как явствует из анализа тенденций демографических процессов и проблематики народонаселения, сегодня нельзя успокаиваться на том, что достигнуто как на национальном, так и на региональном уровнях. Основной урок, извлеченный из накопленного ООН опыта, заключается в том, что активная деятельность, диктуемая демографической политикой, только начинается. К концу 70-х годов численность населения мира возросла на 750 млн. человек. Около 90% этого прироста пришлось на развивающиеся страны, в которых сейчас проживает примерно столько же людей, сколько их было во всем мире в 1960 г., то есть 3 млрд. человек.

Помимо происходящих в отдельных странах изменений в структуре народонаселения, в обозримой перспективе важную роль, как и ранее, будут играть и другие серьезные проблемы. Так, во многих районах мира все еще слишком высок уровень предотвратимой смертности и заболеваемости; представляется несовместимым с социальными целями сотен миллионов и даже миллиардов людей традиционное отношение к рождаемости, сложившееся тогда, когда смертность была гораздо выше, чем в настоящее время; во всех странах бесплодие женщин остается распространенным несчастьем; существенно сдерживает темпы национального развития неравномерное территориальное распределение населения; международная миграция

населения, часто приобретающая неизвестные ранее формы (например, миграция рабочей силы в страны Персидского залива), в последние годы начинает играть значительно возросшую роль в вопросах межгосударственных отношений, что требует новых подходов и решений.

В связи со всеми этими проблемами возникает настоятельная потребность в выработке новой глобальной демографической политики. Она должна быть направлена на достижение качественно новой степени координации задач и программ в области народонаселения с общими целями развития современного мира, в том числе в отношении прав человека, роли семьи, положения женщины, качества окружающей среды, обеспечения продовольствием, занятости.

Эти обстоятельства как по отдельности, так и в комплексе не уступают по своему значению тем основным факторам, которые определяют сегодня современные социальные процессы. Каждый из них знаменует собой разграничительную линию между первой и второй половинами нашего века, и все они вместе окажут громадное воздействие на предвидимое будущее всего человечества.

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Л. Таба¹

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

**Численность и структура народонаселения:
будущее зависит от потенциала роста населения**

Рост народонаселения происходил всегда. Но никогда еще человечество не испытывало таких ускоренных его темпов, какие наблюдаются после второй мировой войны. Из-за медленности процесса роста в прошлом международное сообщество пренебрегало им в течение долгого периода времени, пока наконец его последствия не стали столь ощутимыми, что возникла необходимость оценивать их. Хотя все факты говорят о том, что темп роста достиг своего пика, вследствие наличия потенциала роста, трансформирующего возрастную структуру населения, потребуются по крайней мере шесть или семь десятилетий, прежде чем произойдет стабилизация численности населения. Парадоксально, что существующую проблему народонаселения, возникшую около 30 лет назад, с началом снижения уровня смертности в развивающихся странах, можно решить только при условии развития демографических процессов в обратном направлении — снижения рождаемости, которое неизбежно займет более трех четвертей века.

Осознание этой инерционности демографических процессов нужно для понимания современной ситуации и в развивающихся, и в промышленно развитых странах, а также для того, чтобы иметь возможность разрабатывать

¹ Léon Tabah. An Overview of the Problem of the Relationship between Population and Development.— In: Population Growth and Economic Development in the Third World, vol. 1, ed. by L. Tabah, 1976, p. 15—45. Леон Таба — директор Отдела народонаселения Секретариата ООН.

© International Union for the Scientific Study of Population, 1976

прогнозы на будущее. Демографические изменения медленно интенсифицируются, а последствия их неумолимо вплетаются в долгосрочный ход событий, что иллюстрирует статистика. Если даже с данного момента супруги в промышленно развитых странах стали бы ограничивать размер семьи до уровня простого воспроизводства каждого поколения — а подобный и даже более низкий уровень замещения уже достигнут в ряде стран, то, по оценкам, население этих стран все же успеет возрасти на 27%, прежде чем численность полностью стабилизируется через 70—80 лет. Возьмем пример развивающихся стран. Если супруги в Северной Африке прогрессивно изменят свое репродуктивное поведение, но более быстрыми темпами и начав с более высокого уровня, так что нетто-коэффициент воспроизводства снизится к 2000-му году до 1, то численность населения этого региона все равно утроится до достижения стабильного состояния примерно через столетие. Расчеты показывают, каким образом современные демографические структуры определяют будущее развитие. Ведя речь о последствиях сегодняшних темпов роста населения, необходимо разграничивать их как результат современных тенденций и как наследие прошлых структур. Во многих развивающихся странах одна половина общей величины прироста населения обязана уже сложившемуся демографическому потенциалу, другая же является следствием современного репродуктивного поведения. Иными словами, одна половина — это неизбежное бремя прошлых лет, другая — стремление к переменам, которое содержит свои собственные импульсы инерции. С учетом обоих факторов противодействия — демографического и социологического — становится очевидным, что к концу XX в. численность населения мира приблизится к 6,5 млрд. человек. Отныне мы должны жить в этой реальности, которая, разумеется, никоим образом не означает, что для снижения прироста населения следует повышать уровень смертности. В области народонаселения необходимы кардинальные действия в силу трех разных причин.

Во-первых, существует несколько совершенно различных вариантов путей развития общества, и они отчасти являются результатом направленности современных кривых роста населения. Согласно прогнозным расчетам, которые более условны, нежели достоверны, вероятное снижение уровня рождаемости начнется в разные сроки в каждой

стране и, обрета устойчивый характер, приведет к стабилизации численности населения мира в 11 млрд. человек лишь к середине следующего столетия. Однако, если современный уровень рождаемости сохранится, то число жителей Земли возрастет до более чем 30 млрд. за тот же период и достигнет к 2075-му году величины около 80 млрд. Эти цифры трудно себе представить, даже если они и преувеличены, поскольку надо учесть и то обстоятельство, что смертность к этому времени прекратит снижаться [1]. Даже наиболее пессимистически настроенные авторы сомневаются в том, что через 80 лет в условиях громадного прогресса в технологии «допускаемая демографическая нагрузка» на среду, или «емкость среды» (carrying capacity), увеличится в три-четыре раза в сравнении с нынешней величиной. При таком фантастическом и почти немыслимом росте народонаселения мир столкнется с выбором либо возможно быстрого снижения уровня рождаемости — по крайней мере в странах, где он считается слишком высоким, — либо нового повышения уровня смертности вследствие негативных воздействий на окружающую среду. В самом деле, сомнительно, что средняя продолжительность жизни будет увеличиваться теми же темпами и в будущем.

Во-вторых, чем раньше начнется снижение рождаемости, тем скорее уменьшится напряженность в развитии таких ключевых секторов народного хозяйства, как школьное образование детей — через шесть лет, и состояние рынка труда — почти через пятнадцать лет, хотя все указывает на то, что численность детей в школьном возрасте и пригодная рабочая сила все же резко возрастут в абсолютных размерах. В ближайшем будущем нельзя, видимо, осуществить жесткий контроль за ростом народонаселения, поскольку явление это не простое и преходящее, подобно ряду других проблем, волнующих мир в настоящем, поэтому решение этой проблемы займет несколько десятилетий. Но столь же ясно и другое: судьба следующих поколений зависит от возможно скорейшего принятия мер сегодня.

В-третьих, развитие идей в области народонаселения оказалось воистину великим и плодотворным именно благодаря коренным изменениям в этой сфере. Стала не только приемлемой, но и желательной Всемирная конференция ООН по народонаселению в Бухаресте (1974 г.), созыв ко-

торой еще десять лет назад казался невозможным по политическим причинам. Весьма вероятно, подобное отношение к демографическим проблемам еще более укрепитя, когда население планеты возрастет еще на один или два миллиарда человек.

Формирование семьи и рождаемость

Демографические процессы в развивающихся странах настолько отличны от таковых в государствах промышленно развитых, что трудно примириться, имплицитно или эксплицитно, с идеей о том, что первым суждено повторить стадии эволюции развитых стран. Следует понять: условия, которые привели в странах Западной Европы и Северной Америки к сознательно регулируемой рождаемости, нельзя найти в развивающихся странах.

В развивающихся странах и брачность и рождаемость — неконтролируемые переменные, тогда как европейцы еще в XVIII в. перешли от регулируемой брачности к контролируемой рождаемости. Это объясняет, почему во многих развивающихся странах уровень рождаемости выше, чем он был когда-либо в Европе. В развивающихся странах все еще наблюдается уровень рождаемости порядка 50‰, в Европе же этот максимум не превышал 40‰.

Демографы сходятся в том, что брачность — это фактор первойшей важности. Если в Индии минимальный брачный возраст установить в 19 лет, то нынешний уровень рождаемости снизится к 1990 г. предположительно на 30%. Есть все основания считать, что снижение рождаемости в КНР произошло в значительной степени благодаря повышению брачного возраста, который теперь намного выше, чем в странах «третьего мира» и, возможно, даже в промышленно развитых. Такой способ изменений демографического поведения оказывает почти немедленно влияние, поскольку быстро снижает рождаемость, обусловленную ранними браками. Однако нельзя недооценивать трудности законодательной политики в этой области.

Следует обращать внимание на уровень рождаемости в экстремальных для женщин фертильных возрастах. По реальным оценкам, в целом в развивающихся странах каждый седьмой ребенок появляется на свет у женщин в возрасте менее 18 или старше 35 лет, то есть в возрасте, когда опасность здоровью матери и ребенка наиболее велика.

Парадоксально, что потенциальная плодовитость супругов в странах «третьего мира» гораздо ниже, чем в промышленно развитых, и это вызывает опасения со стороны и властей и общественности. Расчеты показывают, что в некоторых странах Карибского бассейна и Тропической Африки бесплодность женщин наполовину снижает нормальный срок их фертильности. Кроме того, данные свидетельствуют, что с улучшением санитарных условий фертильность либо слегка возрастает, либо не снижается.

Не менее спорно и то утверждение, что резкое снижение младенческой и детской смертности создает, с некоторым временным лагом, условия, благоприятные для более низкой рождаемости.

Долгое время не оспаривавшаяся никем гипотеза, согласно которой изменениям в репродуктивном поведении должны предшествовать экономические перемены, также может быть ошибочной. Это довольно пессимистичное предположение, так как оно приводит к выводу о том, что изменения в поведении семьи занимают неизбежно несколько десятилетий. Но опыт показывает: можно вызвать изменения в репродуктивных отношениях, не зависящие прямо от развития, которое обязательно требует много времени. Пассивное отношение к учету демографических переменных, зависящих от социально-экономического развития, следует заменить активным; при котором демографические переменные регулируются с целью воздействия на развитие.

У нас нет общей формулы, которая позволила бы нам заявить — на основе группы показателей, в определенный момент времени и при определенной «критической массе» факторов, — что рождаемость начинает снижаться. Мы оперируем лишь крупными «основными структурами» переменных, объясняющими демографическое поведение людей: их можно отыскать во всех обзорах, анализирующих вопросы развития, образования, урбанизации, положения женщин и состояния доходов.

Кроме того, у нас еще недостает опыта реализации программ планирования семьи для оценки их эффективности. Некоторые специалисты полагают, что эти программы были бы более действенны в условиях, когда супругам, желающим ограничить размер семьи, предоставляли бы для этого возможности. Другие же считают, что программы, помимо всего прочего, должны быть интегрированы

в рамки общей политики социального развития и направлены на наименее привилегированные слои общества, которые одновременно обнаруживают самую высокую рождаемость и наиболее привязаны к традиционным средствам производства и социальной организации. Даже если супруги еще не убеждены в важности снижения числа деторождений, эти программы могут помочь модернизировать демографическое поведение в целом и, следовательно, изменить систему ценностей.

Смертность: не обманываем ли мы себя?

Рассматривая жизненно важные проблемы демографии развивающихся стран, мы не должны также оставлять в стороне снижение уровня смертности. В нашем усердии сдерживать избыточный рост населения в ряде стран не следует забывать о необходимости борьбы против другого проявления природы. И здесь положение менее перспективно, чем десятилетие назад. Развитые страны почти прекратили прогресс в этом отношении, а в 14 странах предыдущая нисходящая тенденция смертности среди лиц старших возрастов даже сменилась на противоположную. В развивающихся странах прогресс также менее быстрый, чем ожидался 10 лет назад. В 45 странах, охватывающих треть народонаселения мира, средняя продолжительность жизни все еще ниже 50 лет. Различие между развитыми и развивающимися странами отчетливее проявляется в показателях смертности, чем в значениях других демографических переменных. Например, в Латинской Америке между высшей и низшей средней продолжительностью жизни в странах региона существует разница в более чем 23 года. Такого же рода разрыв имеется и внутри отдельных стран. Он явно выражен в индустриальных странах, имеющих группы населения — например, иммигранты, — которые поставлены вне прогресса. Это несоответствие может быть еще даже большим в развивающихся странах, по которым, к сожалению, у нас очень мало данных.

Социально-экономические различия в уровне смертности, установлению которых мешает оперирование со средними величинами и отсутствие должной информации, следует учитывать в первую очередь, так как они очевидный показатель социальной несправедливости. Смерть не является более проблемой отдельного индивида, а все больше

превращается в проблему социальную. Поскольку общество вскоре окажется не в силах сделать доступным для каждого прогресс в медицине, оно будет вынуждено ввести систему бюджетных приоритетов и всякий раз решать, каким его членам следует предоставить «отсрочку» в медицинском обслуживании, а каким — нет¹.

Внутренняя миграция

Многочисленные социально-экономические проблемы, встающие перед развивающимися странами, усугублены ускоренной урбанизацией. Естественный прирост населения и застой сельского хозяйства порождают поток мигрантов из сел в города, которые не могут обеспечить всех вновь прибывших работой. Хотя «зеленая революция» позволила некоторым регионам сдерживать миграцию сельского населения, одновременно наметилась тенденция к увеличению разрыва между богатыми и бедными, так как в ходе «революции» возрастают потребности в более высокой степени механизации сельского хозяйства. Необходимы также крупные капиталовложения, что может вынудить мелких фермеров покинуть свои земли. В данном случае мы наблюдаем классический цикл краха сельской общины и создания новых структур, который сопровождается любой прогресс и который необходимо регулировать. Однако о повороте назад не может быть и речи.

Комбинированная стратегия городского и сельского развития, включающая среди прочих политику развития промышленности, сельского жилищного строительства и снижения разницы в зарплате между городскими и сельскими рабочими, призвана косвенно сдерживать миграцию из села в город. Новую систему расселения, поощряющую миграцию из депрессированных сельских зон, также необходимо включить в рамки более широкой сельскохозяйственной политики, направленной на повышение продуктивности и прибыльности сельского хозяйства. Эти стратегии народонаселения следует тщательно формулировать, с тем

¹ Вывод автора свидетельствует о том, что он видит возможности решения проблем смертности лишь в контексте традиционной для буржуазного государства политики введения «приоритетов» в развитии здравоохранения, оставляющей немущие массы населения вне сферы медицинского обслуживания. — *Прим. ред.*

чтобы избежать непредвиденных обстоятельств, таких, например, как истощение природных ресурсов в регионах, где новая технология применяется впервые.

Международная миграция

Проблемы международной миграции крайне сложны, и мало лишь сказать, что движения народонаселения в мире часто отражают дополнительные нужды и что они помогают развитию стран, куда и откуда мигрирует рабочая сила. Покидающие свою страну поступают так, потому что оказываются не в состоянии интегрироваться в политический и социально-экономический механизм общества. Эти движения служат как бы клапаном, регулирующим давление населения, хотя на самом деле они редко когда сдерживают это давление. В стране назначения иммиграция помогает восполнить нехватку рабочей силы в экономике, поглощающей и «мозги» и «мускулы» в зависимости от того, недостает ли ей квалифицированного или неквалифицированного труда. Некоторые страны все еще благоприятствуют иммиграции с целью колонизации неосвоенных районов.

Однако в целом международная миграция потеряла некогда присущую ей значимость в деле перераспределения населения между странами и континентами. Более того, миграционные потоки изменили свои традиционные направления. Хотя Северная Америка и Океания по-прежнему продолжают принимать иммигрантов, другие крупные регионы обрели новую форму миграции. Западная Европа, потерявшая 5,5 млн. эмигрантов между 1946 и 1957 гг., ныне достигла относительной стабильности международного баланса, получая иммигрантов из Африки и Латинской Америки. Последняя, долгое время бывшая районом иммиграции, приняв 1 млн. переселенцев в 1946—1957 гг., превратилась в район эмиграции, потеряв 2 млн. человек в 60-х годах. Таким образом, в то время как Африка и Латинская Америка, с присущими им низкой плотностью расселения, но высокими темпами роста народонаселения, стали основными районами эмиграции, Европа, имея высокую плотность расселения и низкие темпы демографического роста, превратилась в район иммиграции. Такая перестройка вызвала к жизни некоторые острые проблемы, прежде всего связанные с защитой социально-экономических прав иммигрантов.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Вопреки распространенному мнению самый ускоренный рост населения испытывают как раз не самые бедные страны. В самом деле, в 1960—1970 гг. страны с темпом роста населения более 3% в год и с общим числом жителей 285 млн. чел. имели в 1968 г. средний доход на душу населения 409 долл. по сравнению со 166 долл. для стран с годовым темпом роста населения 2,5—3%, представлявших большую часть развивающихся государств с общим населением в 1 млрд. 175 млн. человек.

В первую группу входят страны Центральной и Тропической Америки и Ближнего Востока, где наблюдается умеренная плотность сельского населения в расчете на 1 км² обрабатываемых земель (190), а также умеренное потребление белка (60 г в сутки), низкий общий коэффициент смертности (10,2‰), удельный вес городского населения, достигающий 40%, довольно высокий уровень сбережений в национальном доходе (до 18,7%) и высокий (до 5,8%) ежегодный темп роста дохода на душу населения.

Во второй группе — страны Африки (южнее Сахары), Центральной и Южной Азии, где высокая плотность сельского населения на 1 км² пашни (300), низкое потребление белка (54 г), низкий удельный вес городского населения (25%), низкий или умеренный уровень сбережений в национальном доходе (13,6%), низкий или умеренный ежегодный темп роста дохода на душу населения (4,8%) [2].

Несколько стран с ежегодным темпом роста населения между 1,5—2% находятся на завершающей стадии демографического перехода. Число жителей в них в 1960—1970 гг. составило в целом лишь 59 млн. человек, а доход на душу населения был равен 1173 долл. Для этих стран характерен низкий общий коэффициент смертности (8,5‰), низкая плотность сельского населения (37), достаточное питание (3066 ккал, 94 г белка), довольно высокий уровень урбанизации (72% населения проживают в городах), высокий уровень сбережений и умеренный темп роста дохода на душу населения (4,2%).

Стоит упомянуть, что крупным развивающимся странам, в каждой из которых в 1960—1970 гг. проживало свыше 50 млн. человек, — это Бангладеш, Бразилия, Ин-

дия, Индонезия, Нигерия и Пакистан, — свойственны некоторые общие социально-экономические и демографические характеристики: высокий уровень рождаемости (более 40‰), высокая смертность (средняя продолжительность жизни 40—55 лет), высокий ежегодный темп роста населения (ближе к 3%, чем к 2,5%), доход на душу населения менее 200 долл. (кроме Бразилии, где 300—499 долл.), ежегодный темп роста дохода на душу населения или низкий (менее 2% в Индии, Индонезии) или умеренный (2—3% в Бангладеш, Пакистане, 3—4% в Бразилии), уровень сбережений либо низкий (менее 10% в Бангладеш, Индонезии, Нигерии, 10—15% в Индии, Пакистане), либо высокий (15—20% в Бразилии). В этих странах умеренная плотность населения (50 жителей на 1 км² — в Индонезии, Нигерии, Пакистане) или высокая (более 160 человек на 1 км² в Индии и более 400 в Бангладеш). Удельный вес населения, живущего в городских центрах, низкий (17—30% в Бангладеш, Индии, Индонезии, Нигерии, Пакистане), за исключением Бразилии, где он выше 50%. Активное население, занятое в сельском хозяйстве этих стран, превышает 60% общей численности населения в рабочих возрастах, кроме Бразилии, где оно составляет 40—49%. Во всех этих странах, за исключением Бангладеш, отношение производства зерна к его потреблению составило в 1970 г. 0,9—1. Доля импорта продовольствия в общем импорте в 1969—1971 гг. была выше 20% в Индии, 15—20% в Пакистане и Бангладеш и 10—15% в Бразилии и Индонезии. Удельный вес внешней торговли в валовом национальном продукте (ВНП) в 1970 г. в пяти странах не достигал 15%. При этом четыре страны Азии с огромным народонаселением (Бангладеш, Индия, Индонезия, Пакистан) проводят активную политику в области народонаселения, направленную на снижение рождаемости.

Развивающиеся страны, охваченные «демографической революцией», относительно невелики по площади. За последние годы они существенно снизили уровень рождаемости, фактически гораздо скорее, чем это сделали европейские страны на соответствующей стадии эволюции демографических процессов. В их число входят: Чили, Коста-Рика, Гваделупа, Гонконг, Мартиника, Маврикий, Реюньон, Сингапур и Тринидад и Тобаго. Эти страны, помимо их малого размера, характеризуют также следующие

особенности: довольно высокий уровень образования, низкий уровень младенческой смертности и относительно хорошие санитарные условия. В 1970 г. во всех перечисленных выше странах доход на душу населения был больше 500 долл., а их правительства заняли позицию, благоприятствующую политике планирования семьи.

Некоторые относительно большие по территории развивающиеся государства, очевидно, более медленно вступают в стадию снижения рождаемости (исключая КНР, где уровень рождаемости резко снизился за последние 10 лет). И все же признаки этого снижения уже наблюдаются в Бразилии, Индии и даже Мексике. Для Египта интересен тот факт, что, хотя доход на душу населения здесь по-прежнему низкий (менее 200 долл.), уровень рождаемости в стране недавно существенно снизился. Вероятно, это результат действий правительства, которые нацелены на ограничение роста численности населения в стране, располагающей ограниченными, особенно в сельском хозяйстве, ресурсами.

ТРИ ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ РОСТА НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Очевидно, необходимо попытаться определить, сколь велика роль демографии в разрешении тех трудностей, которые придется преодолеть молодым независимым государствам, с тем чтобы перейти к ускоренному развитию, постоянно учитывая при этом множественность возникающих проблемных ситуаций.

В любом подобном обсуждении следует для начала затронуть извечный вопрос: что предпочесть? Изменить ли демографическое поведение населения с целью приспособить его к наличию доступных ресурсов, сделав это в основном за счет изменений в темпах роста населения и характере его географического распределения, или же лучше приспособить к народонаселению экономику и окружающую среду, или же, того лучше, достичь равновесия путем взаимной адаптации?

Нелегко сделать правильный выбор, так как невозможно количественно выразить это экономико-демографиче-

«ское и экологическое равновесие как наиболее благоприятное условие для развития народонаселения. Даже если брать за основу ту гибкую форму оптимального роста населения, которая в течение ряда лет была объектом скорее теоретического, чем практического изучения, то и в этом случае очевидно, что любая попытка видоизменить народонаселение в направлении оптимального состояния одновременно меняет условия производства и, следовательно, параметры проблемы. И наоборот, любая трансформация условий производства с целью приведения их в соответствие с оптимальной численностью и структурой народонаселения в то же время обусловит изменения в демографической структуре: к примеру, подъем уровня жизни влечет за собой снижение смертности.

Три подхода были четко определены на Всемирной конференции ООН по народонаселению в Бухаресте.

1. Некоторые ученые считают рост численности населения основным фактором структурного развития экономики развивающихся стран. Во многих развивающихся странах ситуация настолько ухудшилась, что невозможно никакое улучшение уровня жизни без резкого снижения темпов роста населения, и этим действиям надо отдавать абсолютный приоритет. Иногда выдвигается теория истощения ресурсов, которая связывает пределы роста населения с лимитирующими их размерами планеты, наличием природных ресурсов и даже способностью человека адаптироваться к ускоренным технологическим изменениям. Население Земли удваивается каждые 35 лет, но за тот же период человек изобретает новые способы разработки для ее невозобновимых природных ресурсов.

2. Другие эксперты полагают, что нельзя обсуждать всерьез проблему истощения ресурсов Земли, так как никто и никогда не делал их полного учета. На планете и сегодня еще существуют обширные незаселенные пространства, идет постоянный синтез новых веществ, изыскиваются все новые источники энергии. Предстоит открыть бесконечно большее число продуктов, чем применяется сейчас. Согласно оценкам, в верхней миле земной коры запасов веществ содержится в тысячу раз больше известных [3]. Технология находится в бесконечном поиске путей решения встающих перед нами проблем. При нехватке определенных продуктов механизм цен срабатывает в направлении поощрения исследований по замене прежних

их видов новыми. Наука ведет разработки по использованию альтернативных, возможно, неистощимых видов энергии. По мнению ученых, футурологи не в состоянии в точности проэкстраполировать научный и технический прогресс в будущее. Концепциям типа истощения природных ресурсов, деградации окружающей среды и пределов экономического роста не хватает конкретности, и их нельзя воспринимать абстрактно. Поскольку бедность и высокая рождаемость — всего лишь два проявления одного состояния, социально-экономическое развитие невозможно приспособить к народонаселению, и демографические решения здесь неприменимы.

3. Наконец, третья группа ученых рекомендует более интенсивно работать в иных, помимо демографической науки, областях знания, не отбрасывая, однако, полностью политику народонаселения как один из способов изменения далекого будущего. Эти два подхода к решению проблемы не исключают друг друга: например, распространение контроля над рождаемостью вряд ли произойдет без улучшения социальных и медицинских услуг, без поднятия социально-экономического и культурного уровней, без общего улучшения условий жизни. Ломка социально-экономического барьера — обязательное условие для замедления темпов прироста населения. В любом случае быстрый рост народонаселения развивающихся стран, который, согласно прогнозам, продолжится еще несколько десятилетий, делает экономическое развитие все более насущным.

Таковы три основных подхода, каждому из которых в общем сопутствуют точный научный анализ и определенная теория развития. Можно сказать, что третья позиция доминировала на Всемирной конференции ООН в Бухаресте по народонаселению и что она представляет до известной степени «дух Бухареста».

РЕШАЮЩАЯ РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Кажется очевидным, что политические факторы стали играть гораздо более заметную роль в решении проблем народонаселения и что страны, лидеры которых проводят энергичную политику народонаселения, используя для преодоления барьера традиций определенные, в зависимости от конкретной социально-экономической и культурной

обстановки, средства массовой информации, окажутся в более выгодном положении при реализации программ снижения рождаемости и решении проблем территориального размещения населения.

Поскольку выводы ученых далеки от единства, поскольку ход истории никогда не определяется заранее, даже в отношении явлений, обладающих инерцией (и в их числе народонаселение), становится очевидным, что политикам принадлежит последнее слово, даже если они вынуждены принимать решения, не располагая при этом достаточной информацией. Крупного деятеля отличает готовность взять на себя всю ответственность.

Занять какую-либо определенную позицию, однако, не всегда легко, так как эти действия — «защитные» и в большей мере представляют собой отклик на внешние явления (например, снижение смертности), нежели свободный выбор направления развития. И следовательно, они могут резко расходиться с общим политическим контекстом развивающихся стран. Так, общественное мнение лучше принимает план индустриализации, чем программу снижения уровня рождаемости, которую часто все еще рассматривают как угрозу жизнеспособности нации.

Демографическую политику станут гораздо легче воспринимать, если представить ее как часть, винтик, более широкой стратегии развития, включающей программы развития других областей жизни, таких, как сельское хозяйство, здравоохранение, занятость, образование, охрана окружающей среды. Цели политики народонаселения ценны не сами по себе, они должны быть подчинены задачам более общей политики улучшения условий жизни, сохранения ее качества, уважения прав личности. Политика народонаселения не может быть ничем иным, кроме как инструментом политики вообще. К примеру, хотя более низкий уровень рождаемости, очевидно, не является самоцелью, планирование семьи во всех случаях оправдано заботой о процветании семьи и лишь в определенных — необходимостью снизить рождаемость, если она представляется слишком высокой. На первом месте — интересы супругов, для которых планирование семьи, осуществляемое по взаимному согласию, становится фактором гармоничного развития каждого из них и семьи в целом. Однако общественные интересы, которые по многим причинам могут зависеть и даже противоречить интересам личным,

также нужно учитывать, потому что в конечном счете они определяют поведение индивида.

Наконец, ни при каких обстоятельствах нельзя подменять политику народонаселения политикой социально-экономического развития. Правительства и общественное мнение обязаны также сознавать, что тот процесс, который сегодня обозначают как кризис народонаселения, есть действительно очень серьезное и глубокое явление, а не преходящая беда; его невозможно быстро смягчить или разрешить, а окончательный выход из него потребует нескольких десятилетий.

Для тех, кто вплотную занимается вопросами народонаселения, несомненно, что мы переживаем ныне исторический момент в развитии мировой демографической науки, что в следующие десять лет мы будем свидетелями снижения уровня рождаемости, целиком «вызванного» новой политикой народонаселения развивающихся стран, и что это полностью регулируемое снижение будет носить совсем иной характер, чем спад рождаемости, перенесенный Европой в прошлом веке. Вот почему исследование этапов развития политики народонаселения чрезвычайно важно для будущего, поскольку все уже достигнутое или еще не достигнутое нами неумолимо отразится на жизни будущих поколений.

Нет нужды подчеркивать, что политика народонаселения должна пониматься в широчайшем смысле, то есть как любое решение и любая мера, влияющие, в том числе опосредованно, через экономическую политику, на те демографические параметры, которые количественно или качественно, прямо или косвенно воздействуют на благосостояние народонаселения. Понятно, что позиция «невмешательства» также является своего рода политикой. Анализ шести параметров, которые обычно учитывают: рост народонаселения, заболеваемость и смертность, рождаемость и планирование семьи, территориальное расселение и внутренняя миграция, международная миграция и половозрастная структура населения, — показывает, какой прогресс достигнут с тех пор, когда политику народонаселения определяли исключительно в смысле контроля над рождаемостью. Такое развитие идей продолжили на Всемирной конференции ООН по народонаселению в Бухаресте, хотя очевидно, что в тех странах, где темпы роста населения очень высокие, как, например, в Азии, целям кон-

троля над рождаемостью пока нужно отдавать приоритет.

До сих пор проведено мало систематических исследований того, насколько полно и глубоко правительства осознают проблемы народонаселения в своих странах. Именно поэтому Отдел народонаселения Секретариата ООН сделал тщательный анализ правительственных заявлений [4]. Рассматривались ответы на анкету, официальные декларации на региональных конференциях ООН и другие приемлемые источники информации. Неправительственные источники учитывались, если они содержали материал, который касался законодательства об абортах. Хотя это исследование не могло дать динамической перспективы, оно по крайней мере дало обзор общего положения к апрелю 1974 г. Объектом изучения стали 148 стран, то есть почти весь мир. Среди них 135 стран — членов ООН и 13 стран — членов специализированных организаций. Ниже изложены некоторые основные результаты.

Правительства 42 стран считают темп роста населения своих стран «чрезмерным», 21 страны — «недостаточным», 85-ти — «приемлемым». Последний термин трудно интерпретировать, и он чаще связан или с позицией «невмешательства», о которой упоминалось выше, или, что объяснить проще, с нежеланием выразить какую-либо официальную точку зрения. Но важно отметить, что страны первой категории («чрезмерные») имеют средний размер территории, который вдвое больше средней мировой величины; в шести из них проживает более 50 млн. человек в каждой. Эта численность является своего рода демографической шкалой. В самых населенных странах «третьего мира» темп роста народонаселения также считают чрезмерно высоким, вероятно, из-за трудностей управления, связанных с большой численностью населения. Эти страны охватывают 57% мирового народонаселения и 81% всего населения развивающихся стран. Также интересно отметить, что в Азии и на Дальнем Востоке, если следовать классификации географических регионов ООН, имеется наибольшее число стран «чрезмерной» категории (на 62% государств приходится 90% населения региона).

Соотношение между этими тремя категориями понимания желательных и фактических темпов роста населения несколько расплывчато. Так, Бразилия, где темп ежегодного естественного увеличения численности населения равен около 3%, Алжир (3,5%) и Кувейт (3,6%) считают

рост своего народонаселения «приемлемым»; в то же время Пакистан, население которого увеличивается на 2,4% ежегодно, Индия (2,2%) и Китай (1,9%) расценивают свои темпы как «чрезмерные». Несомненно, что мнение правительства — это не только следствие тех или иных темпов демографического роста, но также, и даже в большей мере, материальных условий жизни. Эти оценки чаще всего являются отражением объективной взаимосвязи между народонаселением и занимаемой им территорией и между потребителем и доступными ему ресурсами. В самом деле, вполне естественно, что воззрения на проблемы народонаселения не везде одинаковы, а зависят от величины давления населения на среду, разного в разных странах. Более того, на региональных совещаниях, предшествовавших Всемирной конференции ООН в Бухаресте, можно было наблюдать, что при определении позиции по проблемам народонаселения материальные факторы играли более важную роль, нежели моменты идеологии. Политические, правовые, религиозные и др. воззрения гораздо меньше влияют на обоснование категорий «недостаточного» или «избыточного» населения, однако их воздействие более ощутимо при выборе путей действия, которые нужно предпринять.

Важно также заметить, что большинство стран, осознающих рост своего населения как «чрезмерный», разработали проекты количественного ограничения его роста, которые согласованы с любой другой политикой планирования и позволяют следовать шаг за шагом в будущее. Например, Иран намеревался снизить темп роста до 1% в течение 1978—1993 гг., КНР — до 1,5 для сельских районов и до 1% для городских к 1975 г. и т. д. Вычислено, что если эти цели в самом деле будут достигнуты, то в 1985 г. темпы роста населения в развивающихся странах составят 2,0% вместо 2,4%, указанных в прогнозах ООН. Эта цифра тем не менее уже предполагает снижение рождаемости, уравновешенное постоянным снижением смертности. Темп роста населения всего мира составит 1,7% вместо запланированных 2%.

Выявлены четыре категории правительств по типу отношений к распространению средств и услуг в области политики планирования семьи: 1) правительства, «ограничивающие» такое распространение; 2) правительства, «не возражающие» против деятельности частных и обществен-

ных организаций в этой области; 3) правительства, «поддерживающие» программы планирования семьи в основном посредством предоставления субсидий частным и общественным организациям, и 4) правительства, сами «организующие» действия по планированию семьи как часть услуг общественного здравоохранения. Обнадёживает тот факт, что лишь 8 стран, представляющих 2% мирового народонаселения, принадлежат к первой категории. Во всех других странах по крайней мере не запрещают применение средств контрацепции, а 50% государств, на долю которых приходится 81% народонаселения мира, выходят за рамки простой поддержки политики планирования семьи. Одновременно интересно и утешительно то, что в четвертой категории вместе с 88% правительств, сознающих «чрезмерно» высокий уровень рождаемости в стране, есть 50% государств, где считают «недостаточным» существующий уровень рождаемости. Это доказывает, что деятельность по планированию семьи предпринимается не только для ослабления давления населения на среду, но и для достижения более гуманной, более рациональной и регулируемой рождаемости, которая определит образ жизни супругов в обществе. Это свидетельствует и о том, что политика народонаселения, помимо целей «демографических», должна иметь главную цель — повышение благосостояния семьи. Нейтральное отношение к размерам семьи объяснимо там, где уровень роста населения низок и равен нулю или отрицателен, или где вызывает опасения высокий уровень бесплодия, существующий, как это выявилось на региональном совещании под эгидой ООН в Аддис-Абебе, в некоторых африканских государствах [5]. Эти вопросы должны решаться самими странами, но в соответствии с определением, данным Всемирной организацией здравоохранения: планирование семьи наиболее оправдано как «средство для физического и умственного развития, и особенно в том случае, когда эта деятельность проводится правительством через систему социального обеспечения».

Разумеется, вопрос о бесплодии и абортах вызывал и всегда будет вызывать горячие дебаты, что стало ясным на Совещании ООН по народонаселению и правам человека, состоявшемся в Амстердаме. Недопустимо противопоставлять права ребенка правам женщин, которые свободны в своем желании иметь или не иметь детей. Идеи в этой области после вековых запретов претерпели удивительные

метаморфозы. Поступки, какие еще недавно наиболее консервативные элементы общества почитали за позор, достойный лишь порицания, вдруг стали вполне приемлемыми.

Аборты по серьезным медицинским причинам и по просьбе женщин уже узаконены в 35 странах, а некоторые страны, например КНР и Швеция, даже свободно предоставляют эти услуги. Однако лишь семь стран, все государства Азии, открыто оправдывают аборт как средство контроля над рождаемостью, а не как просто один из факторов благосостояния семьи, укрепления здоровья матери и ребенка, защиты прав женщин.

Вопрос о смертности гораздо менее сложен. Все правительства выступают за снижение смертности и в своих действиях отдают этой цели приоритет. В 45 странах, на долю которых приходится треть народонаселения мира, средняя продолжительность жизни не достигает 50 лет, что вызывает растущие опасения. В 14 европейских странах уровни смертности сравнились и даже пошли по возрастающей. В развивающихся странах эти уровни, согласно оценкам, падают менее ускоренно по сравнению с 1960-ми годами.

Доступная информация о характере размещения населения и внутренней миграции свидетельствует о том, что большинство правительств понимают урбанизацию как позитивный признак развития и модернизации. Однако лишь небольшое число правительств стимулирует миграционные потоки в метрополитенские ареалы, а 76 приняли меры для регулирования таких потоков.

Информация о состоянии международной миграционной политики ясно показывает, что правительства чрезвычайно озабочены этим компонентом движения населения не только потому, что он вызывает проблемы административного контроля над въездом и выездом из страны, но и потому, что он влияет на состав и численность экономически активного населения. Хотя 76 стран позволяют или поощряют постоянную, а 96 — временную эмиграцию, лишь 32 страны поддерживают постоянную и 36 — временную иммиграцию. Исключение составляет большое число стран в Европе, в Западной Азии и на Американском континенте, которые благоприсутствуют иммиграции. Но надо помнить, что в целом динамика иммиграции предопределена таким важнейшим фактором, как колебания в уровне экономического развития.

Этот анализ политики народонаселения следовало бы закончить некоторой информацией о достигнутых успехах. К сожалению, подобная оценка весьма сложна, особенно в отношении программ планирования семьи. Хотя у таких программ переменная степень успеха, о причинах этих изменений известно мало. Здесь требуются серьезные исследования в течение целого ряда лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. United Nations, «Concise Report on the World Population Situation in 1970—1975 and its Long-range Implications», p. 65.
2. United Nations, «World Economic Survey, 1973», pt. 1, «Population and Development».
3. «Encyclopedia Britannica».
4. United Nations, «Population Policies and Programmes».— United Nations Secretariat for the World Population Conference. Bucharest, 1974.
5. Regional Consultation of the United Nations. Addis Ababa, 13—16 May 1974.

ВОПРОСЫ КОМПЛЕКСНОЙ СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОСВОБОДИВШИХСЯ ОТ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ СТРАН

А. Митра¹

I

По всей видимости, 80-е годы нашего столетия будут наиболее трудными для развивающихся стран. В этот период острота проблем, вызванных быстрым ростом населения и отсталостью социального и экономического развития этих стран, достигнет в большинстве из них своего апогея. Даже если начавшееся здесь в 70-х годах снижение коэффициента рождаемости в дальнейшем ускорится, демографический кризис все еще будет продолжать заявлять о себе и в первой половине 90-х годов. Признаки ослабления кризисной ситуации могут появиться лишь в самом конце нашего века. Но осуществится ли это, будет зависеть от тех процессов, которые произойдут или не произойдут в сфере социально-экономической и политической эволюции развивающихся стран опять же в конце 70-х и в 80-х годах.

Представление о масштабах кризиса можно получить, изучив демографические характеристики развивающихся стран по состоянию на конец 70-х годов (табл. 1). Коэффициенты рождаемости, смертности и младенческой смертности могут служить хорошей иллюстрацией того, какое расстояние должен пройти каждый конкретный регион, с тем чтобы завершить «демографический переход». Ожидаемый в большинстве развивающихся стран высокий удельный вес в составе населения лиц моложе 15 лет свидетельствует о всей глубине тех громадных задач, которые

¹ Asok Mitra. Integrated Strategies for National Economic and Demographic Development.— Conference on Economic and Demographic Change: Issues for the 1980's. Plenary session III: Long-Term Strategies for Economic and Demographic Development. Helsinki, 1978. Ашок Митра — профессор Университета им. Джавахарлала Неру (Индия).

предстоит решать этим странам в последующем десятилетии не только в сфере охраны здоровья населения и обеспечения образования для молодежи, но и в сфере производственной подготовки и обеспечения работой постоянно растущего числа лиц, впервые вступающих в ряды рабочей силы.

Во всех регионах, фигурирующих в таблице, за исключением стран Центральной Южной Азии, Юго-Восточной Азии, Бассейна Карибского моря и Тропического пояса Южной Америки, общий коэффициент рождаемости находится на уровне 40‰ и выше. Но даже среди этих четырех регионов: а) в семи странах из девяти в Центральной Южной Азии (за исключением Индии и Шри Ланки), б) в пяти странах из десяти в Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд), в) в одной из двенадцати в Бассейне Карибского моря (Доминиканская Республика) и г) в пяти странах из девяти в Тропическом поясе Южной Америки (Бразилия, Колумбия, Гайана, Суринам и Венесуэла) — коэффициент рождаемости достигает 40‰ или более. Среди других семи регионов развивающегося мира, в каждом из которых коэффициент рождаемости по региону в целом равен 40‰ или более, показатель ниже 40‰ наблюдается только: а) в Египте и Тунисе — Северная Африка, б) на Островах Зеленого Мыса — Западная Африка, в) в Мавритании, на Реюньоне и Сейшельских островах — Восточная Африка, г) в Экваториальной Гвинее и Габоне — Центральная Африка, д) в Лесото — Южная Африка, е) на Кипре и в Турции — Юго-Западная Азия и ж) в Коста-Рике и Панаме — Центральная Америка.

Коэффициент смертности, согласно статистическим подсчетам ООН, находится на уровне ниже 10‰ только: а) в Ливии — Северная Африка, б) на Островах Зеленого Мыса — Западная Африка, в) в Мавритании, на Реюньоне и Сейшельских островах — Восточная Африка, г) на Кипре, в Бахрейне и Ливане — Юго-Западная Азия, д) в Шри Ланке — Центральная Южная Азия, е) в Малайзии, Сингапуре и на Филиппинах — Юго-Восточная Азия, ж) в Коста-Рике, Сальвадоре, Мексике и Панаме — Центральная Америка, з) во всех странах Бассейна Карибского моря, за исключением Доминиканской Республики и Гаити, и) во всех странах Тропического пояса Южной Америки, за исключением Эквадора и Перу. Однако эти

данные о смертности не могут не вызывать сомнений, особенно если учесть, что в таких странах, как Дания, Норвегия, Швеция, Великобритания, Австрия, Бельгия, Франция, ФРГ, Люксембург, Чехословакия, ГДР и Венгрия, в которых коэффициент младенческой смертности равен от 8 до 33‰, общий коэффициент смертности, согласно официальным данным, находился в 1974—1975 гг. на уровне 10‰ и выше.

Но, кроме решения проблемы рождаемости, перед молодыми независимыми государствами стоит еще более трудная задача снижения коэффициента младенческой смертности, который в сравнении со многими другими демографическими параметрами служит более наглядным показателем качества жизни. Снизить уровень младенческой смертности труднее, чем снизить общий коэффициент смертности, ибо успех здесь в большей мере зависит от всей суммы улучшений в сфере образования, социальных сдвигов, обеспечения жильем и экономической деятельности. Среди стран, фигурирующих в табл. 1, коэффициент младенческой смертности ниже 85‰ только в странах Центральной Америки, Тропического пояса Южной Америки и Бассейна Карибского моря, в других же регионах он выше 100‰, а в 16 странах Западной Африки он достигает 175‰.

Показатель доли иждивенцев в населении определяют путем деления суммы долей лиц моложе 15 лет и старше 64 лет на общую численность населения. Число лиц в иждивенческих возрастах на каждые 100 лиц рабочих возрастов (15—65 лет) в 11 регионах колеблется в пределах от 78 до 92. Поскольку доля населения моложе 15 лет будет оставаться высокой по меньшей мере до 1990 г., доля лиц, живущих за счет трудового вклада других поколений, достигнет в 80-е годы своего максимума, и в этот же период достигнет рекордного уровня процентная, а также и абсолютная численность лиц, впервые приобщающихся к трудовой деятельности.

Средняя продолжительность жизни в Северной Африке, Юго-Западной Азии и в трех регионах Латинской Америки еще находится на уровне ниже 52 лет. В остальных шести регионах этот уровень выше в Мавритании (63), на Реюньоне (63), Сейшельских островах (65), островах Сан-Томе и Принсипи (53), в Бахрейне (78), Ираке (64), Кувейте (56), Ливане (60), Катаре (69), Шри Ланке (68), Малай-

Демографические показатели
(1970-е)

Регион	Оценка численности населения на середину 1977 г., млн. человек	Общий коэффициент рождаемости, ‰ 1970—1975 гг.	Общий коэффициент смертности, ‰ 1970—1975 гг.	Ежегодный прирост населения, %	Число лет, требующееся для удвоения численности населения [лет]
1. Северная Африка (6 стран)	100	42	14	2,8	25
2. Западная Африка (16 стран)	125	49	23	2,6	27
3. Восточная Африка (16 стран)	120	46	19	2,7	26
4. Центральная Африка (9 стран)	48	44	22	2,3	30
5. Южная Африка (5 стран)	30	40	16	2,5	28
6. Юго-Западная Азия (16 стран)	89	42	14	2,8	25
7. Центральная Южная Азия (9 стран)	864	37	14	2,3	30
8. Юго-Восточная Азия (10 стран)	332	38	14	2,4	29
9. Центральная Америка (7 стран)	85	42	8	3,4	20
10. Бассейн Карибского моря (12 стран)	28	30	9	2,1	33
11. Тропический пояс Южной Америки (9 стран)	183	37	9	2,8	25
Итого: 99 стран					

Источник: 1977 World Population Data Sheet of the Population Reference Bureau, Inc.

Таблица 1.

развивающихся стран по регионам
годы)

Коэффициент младенческой смертности, ‰	Доля населения моложе 15 лет, %	Доля населения старше 64 лет, %	Средняя продолжительность жизни, число лет	Доля городского населения, %	ВНП на душу населения, долл.	Предполагаемая численность населения в 2000 г., млн. человек
130	44	3	53	39	570	185
175	45	3	42	19	300	243
151	44	3	45	12	220	239
165	43	3	42	24	270	88
119	41	4	51	44	1220	57
114	44	4	55	44	1370	166
125	41	3	49	20	200	1473
116	43	3	52	21	260	574
70	46	3	62	56	1060	174
75	41	5	64	45	970	44
84	43	3	61	59	960	337

зии (63), на Филиппинах (58), в Сингапуре (68) и Таиланде (58). Низкий уровень средней продолжительности жизни суживает горизонт национальной и личной экономической деятельности.

В странах Северной Африки, Юго-Западной Азии и в трех Латинамериканских регионах низка доля городского населения. Из 81 страны шести остальных регионов в 32-х процент горожан выше 25. Среди этих 32 стран общая численность населения превышает 10 млн. человек только в Заире, странах Южной Африки, в Ираке, Турции, Иране, Пакистане и Малайзии. Таким образом, большинство развивающихся государств с долей городского населения выше 25% имеют низкую общую численность населения. Высокий процент городских жителей в развивающихся странах не всегда следует рассматривать как свидетельство того, что здесь либо наблюдается высокий уровень индустриализации, либо значительная часть их населения зарабатывает средства существования в городах, либо происходит массовое переключение их населения от заработков в сельском хозяйстве на заработки в несельскохозяйственном секторе.

Растущее городское население обычно сосредоточено в небольшом числе городов-анклавов, характерной особенностью которых являются экономический застой и рост трущоб; основная масса их жителей занята в низкооплачиваемых отраслях производства, почти не обеспечивающих реальный прирост добавочного продукта; а также в торговле, коммерции, строительстве, транспорте и сфере личных услуг. Иными словами, почти все страны развивающегося мира можно считать сверхурбанизированными в том смысле, что значительная доля их городского населения проживает в условиях, которые, по существу, не отвечают понятию «индустриализации», а соответствуют по уровню удобств лишь самым низким нормам городской жизни развитых стран. Фактически городское население развивающихся стран в подавляющей своей массе страдает от отсутствия адекватной несельскохозяйственной, промышленной, базы и ввиду этого от отсутствия городской инфраструктуры.

И наконец, отметим, что валовой национальный продукт (ВНП) на душу населения в большинстве развивающихся стран составляет лишь весьма незначительную долю среднемирового ВНП на душу населения, который, согласно

«World Bank Atlas: Population, Per Capita Product and Growth Rates, 1977», был равен в 1974—1975 гг. 1530 долл. В число стран, которые превышают этот среднемировой уровень, входят Кувейт (11 510), Объединенные Арабские Эмираты (10 480), Катар (8320), Ливия (5080), Саудовская Аравия (3010), Сингапур (2510), Бахрейн (2440), Пуэрто-Рико (2300), Габон (2240), Венесуэла (2200), Оман (2070), Тринидад и Тобаго (1900), Антильские острова (1590), Реюньон (1550), Мартиника (1540). Этот список включает либо нефтедобывающие страны, которые преуспели после октября 1973 г., либо страны, которые монопольно владеют некоторыми видами природных или сельскохозяйственных ресурсов и поэтому получают значительные доходы от их экспорта. Но накопленные богатства эти страны распределяют еще недостаточно равномерно между различными слоями своего населения. Они еще не используют свои доходы должным образом на цели капиталовложений в отрасли, производящие материальные блага, или в другие виды предпринимательства, развитие которых могло бы способствовать резкому повышению уровня жизни, занятости и производительности труда их людских ресурсов. Общая численность населения этих 15 находящихся в лучшем положении стран не превышает 33,6 млн. человек. Капиталами они располагают, но соответствующий экономический потенциал, который позволил бы рационально вкладывать эти капиталы, в этих странах еще не сформировался.

В 48 развивающихся странах с общей численностью населения 442 млн. человек величина ВНП на душу населения колеблется от 200 до 750 долл. В эту группу входят страны, которые: а) обладают значительными природными ресурсами, но полностью не эксплуатируют их из-за нехватки рабочих рук; б) обладают небольшой территорией и ограниченными природными ресурсами, но значительной плотностью населения; эти страны либо уже достигли, либо находятся на пути к достижению достойного уровня жизни, экономического и технического развития, а также производительности труда; однако нехватка территории и природных ресурсов сдерживает развитие; в) обладают большой территорией, немалыми природными ресурсами, однако их людские ресурсы, техника и капиталовложения еще не достигли должного уровня развития, и эти страны производят свой ВНП в основном за счет экспорта сырья,

а также продукции сельского или плантационного хозяйства полумонопольного характера. Во всех странах этой группы база тяжелой индустрии и отраслей, производящих средства производства, все еще слаба и зависит в основном от сельского или плантационного хозяйства или от добычи руд и минералов и их экспорта в необработанном либо полубработанном виде с малой долей прибавочного продукта. Эти страны вынуждены импортировать дорогостоящую технику и технологию, приглашать специалистов и ввозить капиталы по высоким ценам для развития собственной производственной базы и людских ресурсов. Хозяйственная и общественно-социальная жизнь в них страдает от существенных региональных диспропорций и неравенства доходов, от узурпации власти элитой, которая ставит препятствия на пути широкого участия масс в управлении и более справедливого распределения благ. Обычно над этими странами доминирует финансовый и промышленный капитал их бывших имперских хозяев или же в них хозяйничают транснациональные корпорации.

Высказанное относится почти в равной степени также к тем 18 странам, где уровень ВВП на душу населения составляет от 750 до 1530 долл. Из них 2 страны находятся в Северной Африке, две — в Южной Африке, три — в Юго-Западной Азии, одна — в Центральной Южной Азии, три — в Центральной Америке, четыре — в Бассейне Карибского моря и три — в Тропическом поясе Южной Америки. Общая численность их населения составляет 310 млн. человек. Ведущими в этой группе странами по численности населения, а также по площади и наличию природных ресурсов являются Бразилия (112 млн. человек), Мексика (64,4), Иран (34,8), Южная Африка (26,1), Алжир (17,8) и Перу (16,6 млн. человек).

И наконец, в рассматриваемых нами 11 регионах имеется еще 31 страна, в которых проживает в общей сложности 1 млрд. 190 млн. человек, а величина ВВП на душу населения равна в среднем менее 200 долл., но практически обычно меньше 150 долл. (например, в Индии, где население 620 млн. человек, ВВП — 150 долл.), а самый низкий уровень ВВП составляет 70 долл.

Многие из числа этих стран занимают большую, сравнительно плотно заселенную территорию, располагают значительными природными ресурсами, которые еще плохо изучены и поэтому не эксплуатируются в полной мере,

имеют небольшие капиталы и узкую промышленную базу. В то же время их население обладает огромным опытом и мастерством в сфере традиционных отраслей сельского хозяйства и промышленности вне государственного сектора.

Большое число стран всех 11 регионов создали довольно диверсифицированную промышленную базу на высоком техническом уровне, развитые промышленную, транспортную и финансовую инфраструктуры и квалифицированные научно-технические и управленческие кадры. Но эти страны все еще страдают от вопиющих диспропорций в распределении хозяйственных объектов и неравенства в распределении доходов. Уровень ВВП на душу населения в них низкий — особенно это касается последней из рассмотренных нами групп стран, — в результате чего они почти не имеют возможностей для накопления капитала в крупных масштабах даже при норме внутренних накоплений и сбережений 20% национального продукта. Существенные разрывы в распределении доходов вынуждают прибегать в значительных масштабах к косвенному налогообложению, что еще больше обедняет неимущие слои и сдерживает как рост потребления населения, так и дальнейшее расширение производства. Высокий уровень безработицы в этих странах способствует росту промышленной резервной армии, численность которой регулируется «железным законом заработной платы». Национальная политика в сфере производства и распределения, развития отраслей, производящих средства производства, а также эксплуатации природных ресурсов — все это поставлено на службу интересов не нации в целом, а небольших групп населения. Слабой остается база для демократического участия масс в управлении и, следовательно, для расширения базы воспроизводства капитала, поднятия уровня жизни, производительности труда и социально-экономического роста. Поэтому эти страны проявляют тенденцию к олигархическим и авторитарным формам правления, причем, чтобы придать своей власти видимость законности, правящая элита пользуется популистскими манифестами и прибегает к таким процедурам выборов, которые рассчитаны на сохранение ее престижа, а чтобы удержать в руках авторитарные рычаги, она преподносит их как истинно социалистические или демократические нормы, якобы присущие характеру нации.

Все вышесказанное дает представление о той ситуации, которая сложилась к августу 1974 г., когда в Бухаресте проходила Всемирная конференция ООН по народонаселению. Сложность и разнохарактерность этой ситуации могут служить объяснением того, почему, признавая необходимость в установлении нового международного экономического порядка, развивающиеся страны мира неодинаково, каждая по-своему, интерпретируют вопрос о взаимодействии между демографическим и экономическим развитием.

На конференции в Бухаресте разные страны проявили разный подход к проблемам народонаселения. По мнению одних, экономическое развитие может сдерживаться быстрым ростом населения, по мнению других, напротив — отсутствием такового. Но они были солидарны в одном: чтобы создать основы для улучшения состояния людских ресурсов с помощью образования, здравоохранения и медицинского обслуживания, для повышения уровня профессионального мастерства рабочей силы, степени технической оснащенности экономики, занятости и производительности труда, необходимо, и как можно скорее, снизить общий коэффициент смертности, младенческую смертность и увеличить среднюю продолжительность жизни, ибо оптимизация этих параметров является надежным источником улучшения качества жизни. На конференции ощущался дух единодушия в том мнении, что, хотя единственным выходом из создавшейся кризисной ситуации является в конечном итоге приложение каждой страной собственных усилий в этих целях, но если бы развитые и развивающиеся страны сблизились и была бы налажена передача технологий и ресурсов на основе более благоприятного соотношения экспортно-импортных цен и если бы доходы, ресурсы и знания распределялись между передовыми и отсталыми регионами и народами более равномерно, то все это в целом могло бы способствовать быстрому улучшению положения.

Но в течение предыдущих десятилетий капиталистический мир столь целеустремленно стремился добиться признания скорейшего снижения уровня рождаемости в развивающемся мире в качестве наилучшего и единственного в своем роде средства к достижению развития, что это стремление превратилось в своеобразную «идею фикс» [1].

Как стало очевидным в ходе проведения созванного в сентябре 1975 г. Фондом ООН для деятельности в области народонаселения Межрегионального совещания консультативной группы экспертов, к выводам Бухарестской конференции 1974 г. явно отнеслись не с тем вниманием, какого они заслуживают. На Бухарестской конференции необходимость снижения в срочном порядке темпов роста населения как обязательного условия социального и экономического развития не нашла признания только среди тех молодых независимых государств, развитие которых сдерживается нехваткой рабочей силы. Большинство стран согласилось в том, что в качестве твердой гарантии социального и экономического прогресса требуется снизить коэффициент роста населения и добиться как можно скорее снижения нетто-коэффициента воспроизводства населения до единицы. В этих целях в ходе осуществления общих планов экономического и социального развития необходимо увеличить капиталовложения в программы контроля над рождаемостью. Лишь немногие настаивали на любой из формулировок по принципу «или — или». Но все, что было сделано после Бухарестской конференции, свелось к незначительным и далеко недостаточным изменениям, которые были внесены экономически развитыми странами в свою стратегию оказания двусторонней и многосторонней помощи. Рекомендовалось объединять средства и услуги по контролю над рождаемостью с программами в сфере питания населения, охраны здоровья матери и ребенка, интенсивного развития детей и социального обеспечения в такой комплекс мер, который бы носил более привлекательный характер, но не был бы связан с программами, предполагающими достижение более высокого уровня благосостояния населения путем обеспечения занятости, гарантированного минимума заработной платы, надлежащих условий работы, технических и других изменений в промышленной и ресурсной структуре стран, ускорения роста производительности труда, потребления, масштабов капиталообразования, экономического развития и более справедлиwej схемы распределения доходов.

Спустя некоторое время после Бухарестской конференции стало очевидно, что страны, предоставляющие развивающимся странам помощь на двусторонней и многосторонней основе в области народонаселения, придерживаются концепции комплексного контроля над рождаемостью с

большей последовательностью, нежели концепции комплексного интегрированного развития, хотя и осознают, что реализация первой концепции ведет в развивающихся странах к увеличению потребительских расходов в ущерб процессу капиталообразования. Развивающиеся страны испытывают острую нехватку ресурсов, и поэтому установление приоритетов в их использовании представляет для них сложную дилемму. Но вряд ли будет вполне правильным упрекать развитые страны только за то, что они, найдя ключ к решению своих проблем в сфере воспроизводства и распределения доходов в виде комплексных программ социального обеспечения, стали добиваться принятия своих рецептов развивающимися странами, перед которыми стоит абсолютно иная проблема. Та настойчивость, с какой развитые капиталистические страны предлагают принять концепцию комплексного контроля над рождаемостью, в основном в отрыве от основных программ в сферах капиталообразования, экономического роста, обеспечения занятости, технологии, производительности и распределения доходов, находила, и довольно часто, благоприятный отклик у олигархической и авторитарной элиты развивающихся стран, которая усматривала в росте численности бедноты угрозу своим собственным планам экономического роста и развития.

И хотя страны — доноры и правящая элита стран — получателей помощи проявляют такую солидарность, ряд конференций ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию) и ГАТТ (Общее соглашение о торговле и тарифах), торговые и другие переговоры по экономическим вопросам между развитыми и развивающимися странами, фактический провал Конференции по морскому праву и другие неудачи в области передачи технологии и ресурсов, достижения справедливого международного разделения труда, многонационального сотрудничества, создания смешанных предприятий и т. п. свидетельствуют о том, что прежняя долгосрочная стратегия экономического и демографического развития освободившихся от колониальной зависимости государств требует пересмотра.

III

В отличие от идей, какие проповедовал Мальтус, сейчас стало общепризнанным, что никакого естественного и всеобщего закона народонаселения не существует. Главным

фактором развития процессов народонаселения являются социальные и экономические условия. Уровень рождаемости определяется в конечном итоге уровнем социальной организации общества: он зависит от форм собственности на средства производства и от характера производственных отношений. Отсюда следует, что любая стратегия экономического и демографического развития мира в 80-х годах, но особенно развивающихся стран, должна включать два взаимодополняющих компонента: международный и национальный. Оба компонента должны способствовать тому, чтобы во всех видах общественной и экономической деятельности, связанной с международным и внутринациональным разделением труда, происходило бы непрерывное наращивание прибавочного продукта на всех уровнях — макро-, мезо- и микро-, а также постепенное снижение экономической роли детей в будущем на уровне домашнего хозяйства. На каждой стадии, начиная с домашнего хозяйства и вплоть до национального уровня, в любой отрасли экономической деятельности следует создать определенный механизм с целью использования прибавочного продукта для блага последующих поколений. Что касается международных предпосылок успешного осуществления стратегии национального экономического и демографического развития, то их обсуждение не входит в тему данного исследования, и тем не менее остановиться вкратце на тех мероприятиях, которые могут потребоваться на этом уровне, все же, видимо, следует.

Участие промышленно развитых стран в крупномасштабной передаче технологии развивающимся странам на льготных условиях, с тем чтобы разрабатываемые и поставляемые ими на международный рынок природные ресурсы составляли ли бы более высокую долю производимого в них прибавочного продукта, является абсолютной необходимостью и намного важнее всех дебатов на тему о том, какой процент своего ВВП — один или около этого — должен отчисляться развитыми странами в фонд экономической помощи развивающимся странам. Эту помощь в передаче технологии следует направлять не только в отрасли, производящие средства производства, и отрасли, обрабатывающие сырьевые товары для поставки их на международный рынок. Средства следует направлять также на развитие производств на основе промежуточной технологии — а в этой сфере развитые страны обладают и достаточными

кадрами, и опытом, — что в свою очередь должно способствовать увеличению объема продукции и поднятию эффективности производства сырьевых и промежуточных товаров и дать возможность малым районам производить и накапливать материальные ценности с целью их последующей капитализации. В основе всех этих акций должна лежать концепция справедливых международных цен, с требованиями о введении которых развивающиеся страны безуспешно выступают как в одиночку, так и группами на форумах ЮНКТАД, ГАТТ, МОТ (Международная организация труда), региональных совещаниях. Однако в первую очередь справедливого решения требует вопрос о производстве и распределении энергии во всех ее формах.

Будет ли успешным претворение национальных стратегий в жизнь в 80-х годах, зависит от эффективности выполнения планов международного сотрудничества, действий транснациональных монополий, а также от того, куда и какими путями потекут прибыли. Но, судя по всему, дела здесь складываются пока неблагоприятно из-за той неопределенности, которую проявляют развитые капиталистические государства по поводу путей решения проблем народонаселения и проблем развития, стоящих перед освободившимися странами. В большинстве стран так называемого «третьего мира», которые непосредственно страдали в прошлом от империалистического вмешательства и колониального гнета, эти формы эксплуатации все еще имеют место, но только в скрытом, замаскированном виде. Сущность империалистического колониального господства состоит в массовом выкачивании из вассальной страны ее природных ресурсов, преимущественно в непереработанном виде, с тем чтобы эта страна могла производить добавочный продукт только на максимально низком уровне. С этой целью в колонии и зависимые страны метрополии экспортировали финансовый капитал, чтобы заручиться поддержкой компрадорских слоев, которые таким образом становились союзниками колониальных правителей в деле хищнического разграбления национальных богатств. Колониальный административный аппарат, который реализовал программы образования и социального обеспечения, развития инфраструктуры и формирования трудовых ресурсов из числа коренного населения, использовался в первую очередь для блага самих колонизаторов и во вторую — с целью привлечения на службу с готовностью шедшей на это

компрадорской буржуазии. Этот процесс выкачивания природных ресурсов стал одной из побудительных причин для возникновения национально-освободительных движений.

В большинстве развивающихся стран успехи освободительных движений неизменно сопровождались заверениями в верности популистским и «социалистическим» идеалам. Проистекали они из осознания необходимости производства прибавочного продукта и сохранения его внутри страны на возможно самой высокой ступени странственной дезагрегации. Однако успешная реализация такого подхода зависит от уровня организации политической и экономической структур общества. Некоторые решения и долгосрочные задачи придется принимать и осуществлять на централизованной основе, главным образом для того, чтобы стимулировать процесс производства прибавочного продукта на микро- и макроуровнях экономики. Они будут в основном охватывать планирование производства средств производства и промежуточного продукта, а также определенного ассортимента потребительских товаров, развития инфраструктуры, энергетических и водных ресурсов, доли внутренних накоплений и темпов образования основных фондов. Но, по существу, процесс создания прибавочного продукта в сфере экономического и общественного производства должен в первую очередь стимулироваться на микроуровне, причем не только с целью создания средств, необходимых для экономического воспроизводства, но и для того, чтобы обеспечить накопление капитала и ресурсов на национальном уровне. Но такой подход невозможен без самого тесного переплетения политических и производственных аспектов развития на каждом из этих уровней. Эти положения лежат в основе философии Ганди, и они привлекали пристальное внимание руководителей национально-освободительных движений многих стран.

Реальное политическое и экономическое развитие не оправдало, однако, надежд. Виной тому были препятствия как национального, так и международного характера. В большинстве стран существовавший при империалистических режимах класс компрадорской буржуазии превратился в новую элиту, представляющую собой союз крупных производителей в области промышленности и сельского хозяйства и малочисленной интеллигенции. Продолжается чрезмерный вывоз материальных ценностей, в виде сырьевых товаров и минеральных ресурсов, из сельских

районов в города в интересах благополучия небольших групп населения. И до тех пор, пока наблюдается стремление подкрепить процесс выкачивания ресурсов с помощью целого ряда скрытых и явно авторитарных нововведений, осуществляемых под маркой демократических ценностей и институтов, процесс создания добавочного продукта на низшем и промежуточном уровнях останется всего лишь благим намерением.

Задача добиться коренных и масштабных улучшений в уровне жизни, занятости, производительности труда, в сфере рождаемости и достижения более высокой продолжительности жизни будет нелегкой. Но и невыполнимой ее считать нельзя. Тот факт, что даже наиболее авторитарные режимы развивающихся стран вынуждены подслащивать свою антинародную политику заверениями демократического толка, свидетельствует о непрекращающемся брожении и недовольстве широких масс населения, которые эти режимы не могут игнорировать и которые могут привести в 80-е годы к всеобщему обострению положения. Позволить себе производить капиталовложения в промышленность, на цели урбанизации и модернизации инфраструктуры, но в особенности в энергетику, ирригацию и сельское хозяйство, в таких огромных масштабах, которые могли бы привести к крупным преобразованиям в сфере благосостояния и занятости населения в промышленности, смогут в следующие 20 лет лишь немногие из развивающихся стран. Не говоря о том, что укрепившая свои позиции национальная элита будет решительно сопротивляться осуществлению этих преобразований, надо также ожидать, что непременно развернутся, даже и при наличии соответствующих ресурсов и средств, ожесточенные и длительные идеологические споры на тему о том, какую часть экономики следует отвести свободному предпринимательству, а какую поставить на рельсы централизованного планового хозяйства. Ожесточенные дебаты будут вестись также по вопросу о земельной реформе и ликвидации минифундий.

IV

В последующие 20 лет численность населения молодых возрастов (15—34 года) достигнет новых максимальных уровней. Поэтому в предстоящие 20—25 лет потребуются намного больше ассигнований в материальной сфере и на

рабочую силу, чтобы улучшить качество жизни для масс населения с помощью программ здравоохранения, медицинского обслуживания, питания, образования, обучения, а также посредством мер в области технологии, организационной инфраструктуры и занятости. Было бы неправильным полагать, что быстрое снижение коэффициента рождаемости может сразу же уменьшить необходимость для государства нести расходы на такие блага в области общественного потребления, как здравоохранение, медицинское обслуживание, питание, а также на программы социального обеспечения и образования. Для повышения качества этих благ, более широкого охвата ими населения государственных расходы на каждое из них должны неизбежно возрасти и обеспечить таким путем минимальное качество жизни для населения, ибо это обстоятельство уже само по себе может служить гарантией того, что население добровольно согласится на снижение рождаемости.

Если бы экономический рост, сопровождаемый улучшениями в сфере здравоохранения, образования, социального обеспечения и занятости, мог бы значительно опережать темп роста населения, то различие между этими двумя процессами было бы сразу заметным даже для тех, на чью долю приходится наименьшие доли национального дохода. В таком случае желательность сбережений как убедительная и эффективная альтернатива желанию иметь больше детей стала бы самоочевидной и выступила бы как действенное средство доведения до сознания населения необходимости контроля над рождаемостью. Но этого не произошло, и на протяжении всего последующего десятилетия будут по-прежнему наблюдаться рекордные темпы роста численности лиц, впервые появляющихся на рынке труда. Таким образом, активное проведение кампании за осуществление контроля над рождаемостью и одновременно относительное забвение нужд сферы здравоохранения, образования и занятости могут рассматриваться семей как способ урезать ее возможности получения более высокого дохода, а не как способ его увеличения. Всеобщая психологическая реакция такого рода может отразиться на деятельности семейных предприятий всех рангов, а это не только затормозит общий экономический рост, но и серьезно скажется на обстановке в сфере предпринимательства и на перспективах роста общественного производства и производительности труда, а с национальной точки зрения

может иметь даже еще более серьезные последствия, чем просто озабоченность, вызываемая увеличением численности населения.

Поскольку домашнее хозяйство остается основой экономического предпринимательства, опирающегося на трудовой вклад неоплачиваемых членов семьи, а этот вклад котируется ниже ставок на рынке труда, то для семьи выгоды от каждого последующего ребенка превышают расходы на него. Если рассматривать этот момент в плане продолжительности жизни в целом, то в конечном итоге ребенок становится источником притока материальных ценностей не от родителей к нему, а от него к родителям. В условиях семейного предпринимательства в настоящее время, будь то в сельском хозяйстве или в семейной индустрии и промышленности «на дому», такой оптимальный приток средств в большинстве развивающихся стран и может быть достигнут только в том случае, если в семье будет больше двух детей. Становится очевидным, что желательная для государства двухдетная норма приходит в столкновение с интересами семейного предпринимательства при теперешнем его уровне производительности. Супружеская пара не захочет иметь более одного-двух детей только в том случае, если иметь дополнительного ребенка станет экономически невыгодным, а это может произойти в свою очередь лишь в такой социальной обстановке, когда родители не смогут рассчитывать, как на само собою разумеющееся, на чистый приток материальных благ в течение всей жизни.

Среди наиболее обеспеченных социальных и экономических слоев развивающихся стран такая тенденция уже имеет место. Вопрос состоит в том, сколь быстро процесс экономического развития поможет распространить норму двухдетной семьи на неимущие слои населения, с тем чтобы домохозяйство как единица экономического предпринимательства, базирующаяся на неоплачиваемом труде членов семьи, вновь обрело жизнеспособность, а не влачило бы свое существование как почти устаревшее явление. Весьма важный элемент стратегии национального планирования экономического развития состоит, в частности, в ее привязке к задаче достижения одно- или двухдетной семьи. Временные траектории обоих процессов должны сойтись где-то к 2000 г. Одна цель не может быть достигнута без другой.

Следует подчеркнуть, что только сформулировать зада-

чу достижения желательных темпов роста населения к конкретной дате и разработать программы поэтапного выполнения этой задачи само по себе еще недостаточно. Не гарантируют эти меры и ее приемлемости для индивидов, что является существенным моментом, если мы хотим, чтобы программа ограничения численности населения носила добровольный характер и ее не надо было навязывать с помощью драконовских мер.

Если государство приурочило начало стабилизации численности населения к определенной дате, то чрезвычайно важно убедить индивидов в том, что стабильность размера и структуры домохозяйства, вытекающие из данного условия, обеспечат им должное экономическое благосостояние и что государство предпримет меры по изменению национальной экономической структуры достаточно быстро, с тем чтобы гарантировать жизненность демографического и экономического положения домохозяйства. Это означает, что центр тяжести в экономической стойкости и жизнеспособности домашнего хозяйства должен кардинально сместиться с его всегдашней зависимости от сочетания большого числа членов семьи и низкой производительности труда в сторону малочисленности семьи и высокой производительности. Таким образом, в рамках намеченного нами периода времени для достижения двухдетной нормы, или, иными словами, нетто-коэффициента воспроизводства на уровне единицы, домохозяйству, состоящему из 3—4 членов, должно быть обеспечено экономическое превосходство над домохозяйством, состоящим из 6—8 членов. Это, очевидно, потребует коренных улучшений в технологии производства в целях создания намного более высокого уровня эффективности труда в расчете на одного занятого. В свою очередь такой шаг должен будет повлечь за собой резкое изменение межотраслевой структуры хозяйства, в основном отход от сельскохозяйственных и семейных предприятий в сторону предприятий несельскохозяйственных и не-семейных.

Такого рода перестройка в свою очередь станет причиной перехода от сельского образа жизни к полусельскому и городскому, а также коренных изменений в характере питания, в отношении к общественной деятельности, к работе и проведению досуга. Короче говоря, произойдет существенное, если не кардинальное преобразование организационных основ семейной жизни, содержания таких обще-

ственных институтов, как брак и развод, экономического характера труда и производства и, следовательно, всей производственной структуры общества в целом.

Таковы должны быть последствия политики создания двухдетной семьи с точки зрения национальной экономики. Это означает, что политика народонаселения на следующие 20 лет должна повлечь за собой принятие мер, с помощью которых будет поддерживаться стабильность половой семейной структуры населения и домашнего хозяйства. Станут иными характер, технология и структура экономики, с тем чтобы она оказалась в состоянии содействовать жизнестойкости домохозяйства из четырех членов при его более интенсивном уровне экономической активности и благосостояния, чем тот, на котором мы находим теперешнее домашнее хозяйство, состоящее из шести или восьми членов. Эти действия явятся вернейшим способом убедить массы населения развивающихся стран в необходимости согласиться на одно- или двухдетную норму семьи.

V

Масштабы и темпы роста населения развивающихся стран уже оказывают свое воздействие на структуру и технологию производства во всех сферах деятельности. Ограниченность пригодных для обработки земель и рост населения привели к дроблению земельных владений и росту минифундий в сельском хозяйстве, что сократило возможности применения капитала и улучшенной агротехники. Известно, что в условиях орошения и концентрации рабочей силы производительность даже малых хозяйств в расчете на 1 га находится на высоком уровне, в то время как затраты на применение других факторов производства непомерно большие.

Деятельность землевладельцев, взимающих с арендаторов ростовщические ставки, и преобладание минифундий увековечивают замкнутый круг задолженности. Во многих странах трех континентов это создало такие условия, при которых землевладельцам гораздо выгоднее применять людской труд и прибегать к рабству в виде субарендаторства и издольщины, нежели производить вложения в ирригационные мероприятия, тратить средства на закупку напосов, удобрений, пестицидов и более совершенных сельскохозяйственных орудий. Применение труда вместо капи-

тала остается сравнительно более прибыльным делом для землевладельцев и предпринимателей ввиду избыточного предложения труда и увековечения рабства на основе аренды и узуфруктной ипотеки.

Если теперь рост населения должен быть резко сокращен, то потребуются вносить изменения и в принципы организации производства. Производственная структура, прежде ориентированная на постоянно растущее предложение рабочей силы, может испытать в новых условиях временный спад продуктивности. Принятие мер, направленных на совершенствование технико-технологической оснащенности производства, представляет собой, таким образом, абсолютную необходимость. Это потребует капиталовложений, подготовки кадров, осуществления профессиональной ориентации, социальных преобразований и перестройки торгово-распределительной сети. Более того, социальная реконструкция и соответствующий технический прогресс должны, если не опережать процесс уменьшения численности населения, то, во всяком случае, совпадать с этим процессом во времени. То же относится и к семейной индустрии и ремеслам, торговле и коммерции, немеханизированному транспорту и основной части сектора организационно-юридических и личных услуг, в каждом из которых простейшая технология облегчает извлечение прибыли от применения наличного труда. Обилие рабочей силы способствует техническому застою.

В городских ареалах такого рода «синхронизм» особенно проявляется в так называемых традиционных и неорганизованных секторах обрабатывающей промышленности, в торговле и коммерции, на транспорте и в сфере услуг. Быстрый рост населения способствует его усиленному притоку в крупные урбанизированные районы, что ведет к повышению уровня безработицы в отраслях народного хозяйства, базирующихся на патриархальных, докапиталистических основах организации производства.

Избыточное предложение рабочей силы облегчает извлечение прибыли в условиях жесткой конкурентности заработной платы. Такой порядок тормозит процесс повышения рабочей силой своей квалификации и снижает потребность в производственном обучении. Неорганизованные рабочие выполняют только те работы, для которых достаточно владеть несложными и взаимозаменяемыми рабочими приемами. Работодатели обучают их производить

вспомогательные детали, компоненты, запасные части, то есть такие изделия, которые не требуют жесткого контроля за качеством. Это помогает работодателям разделить задачу извлечения прибылей на две части и затем реализовать ее с помощью организованной и неорганизованной деятельности. Подобный прием повсеместно суживает возможности рабочих добиваться для себя лучших условий труда и одновременно способствует снижению издержек производства. Когда производство в организованном секторе оказывается излишне дорогостоящим, часть его переключают на неорганизованный сектор. В результате такого маневра в рамках экономики с избыточным предложением труда рабочим достается еще меньшая доля производимых ими ценностей.

Следует отметить, что столь изощренный процесс эксплуатации частично вызывается тем обстоятельством, что, стремясь сохранить свою зарплату на высоком уровне, рабочие организованного сектора стараются не допускать в свою среду новичков. Работодатели создают видимость, что делают одолжение организованным рабочим, отвлекая часть производства в неорганизованный сектор, зарплата в котором не регулируется. В действительности же они стремятся прежде всего поддерживать производство на таком уровне, чтобы можно было продавать продукцию по ценам, которые бы покрывали издержки производства и помогали получать прибыль в организованном секторе за счет более низких трудовых издержек в неорганизованном. Вплоть до 30—40-х годов осуществление этой приспособительной меры облегчалось применением женского труда. Но с того времени женский труд был ощутимо вытеснен в результате ставшего еще более широким предложения мужского труда при фактически тех же ставках реальной заработной платы.

Все эти обстоятельства, видимо, частично объясняют, почему в урбанизированных районах уровни рождаемости у населения с более низким доходом и занятого на работе, не требующей особой квалификации, столь же высоки, как и в сельских районах, если не выше. При низком профессиональном уровне работников технология производства в городе часто бывает столь же упрощенной, как и в сельской местности: изготовление бумажных пакетов для бакалейных товаров требует не больше технического умения, чем обработка зерна для розничной продажи, и за-

висит в такой же мере от избыточности предложения рабочей силы.

Поэтому очевидно, что и в городских условиях, чтобы успешно осуществить кампанию по снижению темпов роста населения, нужно одновременно проводить кампанию по совершенствованию технологии производства, поскольку даже в городских ареалах основная масса населения по сей день зарабатывает себе средства к жизни вне организованных отраслей хозяйства с их передовой технологией и высокой производительностью.

Все это придает необходимости концентрировать внимание на модернизации производства столь же неотложный характер, что и проблеме снижения роста населения. Хотя вначале любое производство вынуждено опираться для обеспечения полной занятости на трудоемкую технологию, однако со временем акцент следует смещать, и по возможности быстрее, в сторону более высоких уровней технического оснащения в целях увеличения объема производства, а также для демонстрации всей ненужности излишнего населения¹. В этом отношении могут оказать помощь передовые страны, ибо они обладают превосходящим опытом в области технологии и организации производства, а также рационального использования ресурсов.

VI

Опыт последних десятилетий ряда государств показывает, что даже в таких находящихся в неблагоприятных демографических условиях странах, как Индия или Индонезия, сходимость временных траекторий улучшения качества жизни и снижения темпов роста населения, например за период в 40, если не 45 лет, вполне возможна даже без допущения о том, что некоторые из этих стран не останутся странами преимущественно сельскохозяйственными и что рост их городского населения не превысит 30% прироста общей численности их населения.

Обязательной предпосылкой прогресса сельского хозяйства является проведение земельной реформы, и в первую очередь отмена арендаторства и ликвидация хозяйств,

¹ Подобная позиция показывает, что автор, критикуя буржуазные рецепты политики занятости, сам придерживается мелкобуржуазной концепции рациональности определенного допустимого уровня безработицы. — *Прим. ред.*

которые по своему размеру превышают определенный потолок, скажем, 10 акров нормально увлажняемых или орошаемых земель. Наиболее населенные страны сегодня не вправе позволять себе иметь более высокие нормы земельных наделов. Как показывают исследования, наибольшая производительность часто достигается на фермах площадью в 1 га, причем самыми крупными вложениями являются в этом случае затраты труда. Однако даже там, где земельные реформы осуществлены, необходимы мероприятия по поднятию производительности хозяйств большого числа мелких собственников, хотя ныне именно их функциональное объединение для совместной деятельности по культивации земель, управлению хозяйствами, уборке урожая, сбыту продукции и т. п. зачастую предается забвению со стороны государственных властей.

Если в этой области будет положено соответствующее начало, то сопутствующие действия — освоение водных ресурсов и ирригация, выравнивание посевных площадей, борьба с эрозией, планировка земель, сооружение дамб и каналов, лесопосадки и т. д. — могут быть обобществлены или поставлены под единое управление и вести к более высокому уровню дохода по сравнению с тем, который можно получить только за счет увеличения затрат людских ресурсов. Неудачи с осуществлением программ строительства объектов в сельской местности или краткосрочных программ обеспечения занятости сельского населения часто приводятся в качестве свидетельства их нереальности. Такого рода оправдание неудач объясняется преднамеренным нежеланием считаться с тем обстоятельством, что мелкий арендатор или сельскохозяйственный рабочий получают зарплату по ставкам более низким, чем те, какие существуют на рынке труда, и поэтому они не заинтересованы в образовании капитала длительного пользования, владеть которым будут лишь крупные землевладельцы. Малая ирригация или предотвращение эрозии почв — да, но для кого? Развитие экономики района — да, но в чьих интересах? Все сливки снимает лицо, которое не создает их, а тому, кто непосредственно обрабатывает землю, не достается ничего. Какая-то часть капитала, создаваемого трудом работающих на земле, должна приходиться и на их долю.

Необходимость обеспечить тем, кто обрабатывает землю, право организовываться в профсоюзы, которые бы со-

ответствовали различным системам землевладения, и право добиваться от владельцев земли и арендаторов гарантированных уровней заработной платы и условий труда, приобретает еще более важное значение и большую насущность с точки зрения численности и роста населения в будущем.

Затраты труда находятся на уровне 100 человеко-дней на 1 акр даже в наиболее интенсивно орошаемых районах Западной Бенгалии, в то время как в Японии, до наступления эры широкой механизации, затраты труда достигали 600 человеко-дней. Но совершенно очевидно, что при низком уровне предложения рабочих рук и высокой конкурентности заработной платы на японском рынке труда издержки в 600 человеко-дней на 1 акр оказались бы невозможными в условиях низкой продуктивности фермерских хозяйств. Эти данные свидетельствуют о том, сколь прибыльна может быть работа в сфере сельского хозяйства, если ее подкрепить, создав платежеспособный спрос и подняв уровень потребления и питания. Если бы было можно достичь цифры 300 человеко-дней на 1 акр, то проблема сельской занятости и сельскохозяйственного производства в большинстве развивающихся стран в основном бы исчезла. Но она сохранится и впредь, если земельные реформы не будут проводиться в жизнь до конца и не поддерживаться мерами организационно-правового порядка. Занятость в течение рабочего дня может значительно возрасти и достичь уровня полной занятости даже при условии, что в течение какого-то времени зарплата будет оставаться на низком уровне.

Организация отраслей экономики, связанных с сельским хозяйством, таких, например, как животноводство, птицеводство, рыболовство, фактически повсеместно, за малым исключением, заброшена. Можно, правда, отметить, что развитие этих видов деятельности зависит от предприимчивости местных властей, а не от инициативы центральных правительств. Но остается несомненным тот факт, что даже те правительства, которые прибегают к практике централизованного планирования, потерпели неудачу в попытках стимулировать процессы социальных преобразований в этих областях экономики. Подобное положение наблюдается и в отношении отраслей, базирующихся на сельском хозяйстве, а также мелкомасштабных производств, которые могут функционировать на уровне простой

технологии и которые способны в то же время повышать свою производительность. Вместо этого упор в сфере промышленного развития делается на производство сырьевых товаров, для которых существует ограниченный льготный рынок. Примеры того, что коренная аграрная реорганизация, проводимая в основном в сельскохозяйственной и перенаселенной стране, может сосуществовать с технически развитыми, высоко индустриализированными секторами, не вызывая при этом оттока населения в крупных масштабах из сельских в городские районы, пока мало что дали в этом отношении, ибо они не перенимаются.

VII

Добиться снижения рождаемости можно только при одновременном развитии и совершенствовании демографических характеристик населения. В теперешних условиях прежде всего необходимо снизить коэффициент детской смертности, с тем чтобы доля смертей в возрастной группе моложе 5 лет в общей смертности упала с современных 30—35% до менее 10%. Второй предпосылкой является улучшение качества питания, но в первую очередь повышение объема потребляемой пищи; этого можно добиться не с помощью показных и символических программ в сфере питания, а на основе универсализации занятости, обеспечивающей каждому право на получение нормального питания и необходимых для этого средств. Третьей предпосылкой будет рост соотношения численности полов по меньшей мере до 1 на основе повышения показателей выживаемости для женщин. Это требует признания экономической роли женщин, которую можно обеспечить путем снижения доли неоплачиваемого женского труда и создания системы исчисления социальной ценности женского труда в денежном выражении. Четвертая предпосылка — это введение всеобщего начального образования, ликвидация неграмотности взрослого населения, обеспечение минимального уровня общественного здравоохранения и медицинской помощи, что должно вести в результате удлинения продолжительности жизни к более высокому качеству жизни. Все перечисленные меры должны повлечь за собой смещение удельного веса возрастной группы 0—14 лет в общей численности населения от нынешнего диапазона 39—42 к требуемому диапазону 24—27%.

Что касается демографической стороны этого вопроса, то образцов для подражания вне рамок развивающихся стран искать не приходится. Хорошим примером в этом плане может служить Шри Ланка, причем примером тенденций, благоприятствующих решению именно тех демографических проблем, о которых идет речь. Следует отметить, что эти тенденции сформировались в условиях, когда никакого внушительного повышения доходов на душу населения или каких-либо улучшений в экономике в целом вообще не происходило. Средние доходы в Шри Ланке низки даже по меркам развивающихся стран, а факт неполноценности питания ее населения — даже принимая во внимание тапиоку, другую местную продукцию и рыбу — не вызывает сомнений. Найти постоянную работу на полный день все еще трудно, и, чтобы заработать средства к существованию на среднем уровне, нужно в тот же день выполнить еще полдюжины случайных поручений. В Шри Ланке удалось снизить коэффициент младенческой смертности почти до уровня промышленных стран, причем без значительных капиталовложений и создания развитой инфраструктуры, иными словами, потребовалось средств не больше, чем это могут позволить себе «третьего мира». Объем инвестиций в область здравоохранения, медицинского обслуживания и питания, давший возможность снизить младенческую смертность со среднего уровня 45% до менее 20, вероятно, и знаменует собой то различие, которое существует между высокоразвитым миром и экономически слаборазвитой страной.

Вне поля зрения не должен также остаться такой решающий фактор, как реформы в области распределения доходов в Шри Ланке. В результате их проведения удалось повысить качество и степень доступности служб здравоохранения, медицинского обслуживания и образования. Видимо, есть основания утверждать, что современная система землепользования в Шри Ланке открыла дорогу тем социальным преобразованиям, которые позволили увеличить контингент обучающихся, а также численность лиц, охваченных здравоохранением и социальными услугами, что в конечном итоге и привело к снижению коэффициента рождаемости.

Беда состоит в том, что большая часть программ образования, социального обеспечения и питания, даже тех из них, для выполнения которых оказывается помощь на двусторонней и многосторонней основе, приобрела налет благотворительности и характер щедрого, бьющего на внешний эффект подарка для бедных. Они не получили признания как программы, носящие характер существенно важных услуг, получение которых является неотторжимым правом каждого члена общества. В результате массы населения эффективно отстраняются от участия в этих программах бюрократией всех уровней — округа, префектуры, деревни.

Такое присвоение традиционными или элитарными группировками класса имущих роли распорядителей социальной помощи представляет собой самое крупное препятствие на пути претворения в жизнь политики и программ, целесообразность которых общепризнана; оно делает бессмысленным тот энтузиазм, с которым некоторые посвящают себя служению этому делу, ибо они оказываются во власти союза элиты.

Демократический подход к надзору и контролю за функционированием программ на уровне поселений разного ранга столь же важен и при реализации программ в области образования, медицинского обслуживания, здравоохранения, питания и даже обеспечения занятости. Для этих целей ассигнуются денежные средства, которыми зачастую распоряжаются субъективно. Эти программы носят характер щедрого подарка для всех со стороны правительства. Деревенский триумvirат власти, состоящий из деятелей районного уровня, группировок имущих, поддерживаемых соответствующими политическими кругами, и деревенской интеллигенции, выходцев в основном также из зажиточных слоев, считает, однако, вправе для себя представлять государственные субсидии как дар себе и полностью использовать вытекающие отсюда преимущества. В такой ситуации программы помощи превращаются в нечто показное, и в конечном итоге круг «благодетельствованных» состоит совсем не из тех лиц, для которых предназначена данная программа. Однако на национальном уровне эта несправедливость получает благосло-

вление со стороны и правительства, и отдельных политических кругов.

Невиданный рост населения в последней четверти нашего столетия сильно расширил круг тех, кто получает эту помощь, а доля тех, кто ее выделяет, соответственно сократилась. Произошло и уменьшение числа тех, кто обладает возможностями предоставлять работу для все увеличивающихся контингентов трудящихся, чья занятость зависит от такого рода покровительства. Таким образом, в наши дни намного меньшая доля общей численности населения развивающихся стран обладает более широкой абсолютной властью над жизнью и смертью значительно большей массы населения, чем раньше, будь то на уровне деревень или префектуры, округа или штата. Это способствует усилению цинизма, лицемерия, проявлению неприкрытой жестокости и полному игнорированию моральных и этических принципов, что было ранее немислимо в общественной жизни.

IX

В современных развивающихся странах укоренившаяся структура власти постоянно мешает эффективному проявлению национального политического руководства. Структура этой власти, будь то в отдаленной деревне или столичном городе, повсеместно одна и та же. Ее можно определить как состоящую, с одной стороны, из промышленного лобби, а с другой — из богатого фермерского лобби, которыми искусно манипулирует в корыстных целях политическая и гражданская бюрократия, опирающаяся на сильную поддержку со стороны средних слоев. Будь то вопрос об эволюции смешанной экономики или вопрос о том, как не допустить, чтобы сознательный добровольный работник не трудился среди того контингента населения в деревне, который находится на низшей ступени социальной лестницы и доля которого колеблется в пределах от 40 до 50%, в качестве арбитра бесприменно выступает политическая и гражданская бюрократия, постоянно получающая для себя значительные преимущества с точки зрения общественного статуса. Не может быть никаких сомнений в том, что эта средняя прослойка и является причиной недейственности политического руководства, а также провала демократической децентрализации на рель-

сах равенства. Но никакими лозунгами, даже самыми популистскими и радикальными, эту реальность жизни уже больше не прикроешь.

За последние годы накопилось огромное число ярких примеров отсутствия политической зрелости в деле формулирования приоритетов национальной политики развития. Их число возрастет, если правительства по-прежнему не будут обращать внимания на эту проблему. Не исключено, что задержки с проведением земельных реформ происходят по той причине, что не был достаточно тщательно рассмотрен вопрос об их краткосрочных и долгосрочных последствиях. Бесспорно также и то, что, например, решение проблемы обеспечения занятости для быстро увеличивающихся людских ресурсов Индии состоит в достижении по возможности быстрее и наиболее полного использования ирригационного потенциала страны в размере 52% всей посевной площади (напомним, что орошается в настоящее время лишь 22%). Не говоря уже о таких проблемах, как чрезвычайно высокая стоимость полива и перспектива применения электроэнергии в ирригации, серьезно не изучаются вопросы строительства в крупных масштабах там, где это осуществимо, искусственных водоемов (танков) в комплексе с широкими мероприятиями по выравниванию обрабатываемых площадей, защите почв от эрозии, сооружению дамб и каналов. В прошлом на этих работах жила ирригация земель в Индии и Китае. Они могут дополнительно обеспечить занятость на многие годы. Вместо того чтобы стремиться повысить производство продовольственного зерна на основе рационального водопользования, развивающиеся страны занимаются, зачастую вопреки советам авторитетных экспертов, обеспечением более высоких закупочных цен на зерно, которые, как известно, принесут реальные выгоды лишь богатым фермерам. Упор по-прежнему делается не на увеличение национального богатства, а на максимизацию частных прибылей.

Есть еще один вопрос, в отношении которого Индия как развивающаяся страна может служить объектом конкретного исследования. В США внезапный, но предсказывавшийся рост численности молодых людей в возрасте 15—22 года, вызванный послевоенным бумом рождаемости в конце 40-х и начале 50-х годов, а также вытеснение негров из сферы их традиционных занятий в результате мо-

дернизации производства и, в итоге, приток негров в города, привели к серьезным потрясениям и беспорядкам во второй половине 60-х годов. Среди причин этих недовольств можно назвать нехватку школ, школьного оборудования, преподавателей и т. д., медицинских учреждений, неполную занятость, проблемы жилья и социального обеспечения. И это несмотря на тот факт, что у Соединенных Штатов имеется достаточно денежных и других ресурсов, чтобы обеспечить свою рабочую силу материальными удобствами и должной заработной платой.

Сравним остроту данной проблемы с ее масштабами в Индии. Согласно прогнозу [2], население Индии в возрастной группе 5—9 лет увеличится с 39,2 млн. лиц мужского пола и 36,1 млн. лиц женского пола в 1971 г. до соответственно 57,5 и 53,6 млн. в 2000 г., а в возрастной группе 10—14 лет с 34,4 млн. мужчин и 31,2 млн. женщин в 1971 г. до соответственно 55,7 и 51,6 млн. в 2000 г. и т. д. Фактически нет такой пятилетней возрастной когорты, вплоть до 40—44 года, численность которой не увеличилась бы по каждому полу на 20 млн. человек в предстоящие 30 лет. Это огромное количество детей, подростков, молодежи нужно будет обучить грамоте, дать им образование, производственную подготовку, обеспечить работой, а также услугами в области здравоохранения и медицинского обслуживания. Вряд ли правительство сможет изыскать в полном объеме требуемые денежные и другие ресурсы для того, чтобы выполнить существующие нормы в отношении школьных помещений, школьного оборудования; учебников, преподавателей, уровня их подготовки, объема услуг в области здравоохранения и медицинского обслуживания, построить требуемое количество диспансеров, клиник, больниц, и все это в дополнение к тому капиталу и ресурсам, которые необходимы для обеспечения занятости все новых контингентов рабочей силы. Также вряд ли вероятно, чтобы правительство смогло платить каждому занятому лицу заработную плату по существующим нормам плюс надбавку за дороговизну жизни или требовать, чтобы это лицо не работало дольше установленного рабочего дня. И тем не менее если страна хочет сохранить свое место под солнцем, то она должна будет принять соответствующие меры по всему диапазону проблем и с учетом интересов всего населения. В довершение она вынуждена будет производить большие капи-

тавовложения в каждую из вышеупомянутых областей деятельности.

Решение демографических проблем возможно лишь на пути демократической децентрализации. Следует также распространить на сферу демографической политики улучшения качества жизни стимулирование развития людских ресурсов. Сейчас стало абсолютно очевидным, что если процесс децентрализации не будет полным и не будет обеспечен широкий диапазон мер для рационального использования людских и природных ресурсов, то задача повышения уровня занятости, потребления, питания, жилищного строительства, образования, здравоохранения, медицинского обслуживания не будет решена.

Х

Мы исходили из предположения о том, что качественные характеристики населения должны улучшаться по мере ограничения его численности. Имеется достаточно оснований считать, что если мы хотим ускорить темпы выполнения программ контроля над рождаемостью и добиться их большей эффективности, то следует одновременно интенсифицировать и другие общенациональные комплексные программы социального и экономического развития. В противном случае политика планирования семьи, несмотря на энергичность проведения ее в жизнь, может дать прямо противоположные результаты.

Наше второе допущение состоит в том, что, хотя развивающимся странам потребуется весь объем капитала, который они смогут мобилизовать, с тем чтобы развить промышленность средств производства, создать инфраструктуру (иного выбора, как включить большую их часть в государственный сектор, видимо, не будет) и нарастить прибавочный продукт для целей внутреннего потребления или внешней торговли, для целей улучшения качества жизни населения до того уровня, при котором можно будет легко добиться от населения поддержки жестких мер по контролю над рождаемостью, тем не менее много средств не понадобится, даже при теперешнем уровне экономического развития «третьего мира». И найти их не составит труда, но при условии, что будут устранены препятствия на пути более широкого привлечения общественности к участию в реализации программ социального

обеспечения и экономического роста на основе широкой вертикальной децентрализации проводимых мероприятий. Если же эти программы будут базироваться на стандартных нормах затрат и издержек технического оснащения и производительности труда на душу населения, заимствованных у более богатых стран, то развивающиеся страны никогда не изыщут ни финансовых, ни других ресурсов, необходимых для достижения всех поставленных задач в обозримом будущем. И наоборот, они смогут добиться даже перевыполнения этих задач, если, сумев мобилизовать нужные усилия побудительного и организационного характера, приступят к наращиванию соответствующего потенциала, опираясь на принципы удовлетворения основных потребностей широких масс населения.

И хотя «третий мир» будет еще пребывать в бедности к 2000 г., все же кризисных ситуаций, с которыми единая воля более трех миллиардов людей не могла бы эффективно справиться, будет — благодаря техническому и социальному прогрессу — все меньше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Finkle, Jason L., Crane, Barbara B. The Politics of Bucharest: Population, Development and the New International Economic Order. — «Population and Development Review», vol. 1, № 1, September 1975, p. 87—114.
2. Ambannavar J. P. Population. Second India Series of the Ford Foundation of India, 1975, p. 85—93.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД И ДИНАМИКА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

П. Калатбари¹

Динамика народонаселения развивающихся стран представляет своеобразное явление. Население этих стран постоянно и быстро увеличивается: если в 1900 г. оно составляло около 1 млрд. человек, то в 1960 г. достигло уже 2 млрд., а в 1990 г., по-видимому, превысит 4 млрд. человек [4]. За исторически небольшой период примерно в 100 лет число жителей в этих странах выросло в четыре раза. При этом в первый раз оно удвоилось в течение 60 лет, а для второго удвоения, видимо, потребуется только 30 лет. Такое «уплотнение» во времени свидетельствует о значительном ускорении темпов роста населения в развивающемся мире. При этом градиент ускорения различен в разных регионах и даже в отдельных странах.

В демографической истории человечества подобные высокие темпы роста численности населения наблюдаются впервые и вряд ли в будущем когда-либо повторятся. Это означает, что в настоящее время в развивающихся странах происходит неповторимый демографический процесс, часто обозначаемый как «демографический взрыв».

С исторической точки зрения современный «взрывоподобный» рост населения беспрецедентен. Со времен аграрной революции в неолите происходило постепенное образование устойчивых пропорциональных связей меж-

ду основными параметрами (детерминантами) динамики численности населения. В долгосрочном плане этот процесс выразился в постоянном равномерном росте численности народонаселения мира. Конечно, в течение столь длительного исторического периода эта традиционная пропорциональность и непрерывность не раз нарушались различными событиями, обычно приводившими к резкому увеличению смертности. Однако эти нарушения вновь и вновь довольно быстро устранялись, прежняя ситуация восстанавливалась и возобновлялся равномерный рост населения.

Однако в последние два столетия наблюдается качественно иное нарушение традиционной зависимости между параметрами динамики населения, которое пытаются определить словом «взрыв» и которое в свою очередь является следствием снижения уровня смертности при почти неизменной рождаемости. В этом случае население растет быстро, подобно «взрыву».

В изменившейся ситуации, как показывает опыт европейских стран, быстрое снижение уровня смертности вызывает (хотя и не сразу) уменьшение рождаемости. В результате возникает качественно новое соотношение между детерминантами динамики населения, и в длительной перспективе продолжается его размеренный рост уже на качественно новой, расширенной основе. В Европе этот демографический процесс носил временный характер. Речь может идти лишь о переходном явлении, точнее, о переходе от одного типа динамики населения к другому, от традиционного — к современному.

Нынешняя динамика населения в развивающихся странах, очевидно, имеет все признаки аналогичного развития, но проявляющегося в более крупных масштабах и с большей интенсивностью. Снижение уровня смертности происходило в развивающихся странах значительно быстрее, чем в свое время в Европе. Если в европейских странах стабилизация смертности до нового, более низкого уровня продолжалась в среднем 60—70 лет, то современным развивающимся странам для снижения уровня смертности вдвое потребовалось в среднем только около 30 лет.

Между тем начиная с 1950 г. уровень рождаемости в развивающихся регионах почти не изменялся и колебался в пределах 40‰ в год [2]. Правда, в последние десятилетия в этих регионах отмечено небольшое уменьшение

¹ Parviz Khalatbari. Demographische Transition und die gegenwärtige Bevölkerungsbewegung in den Entwicklungsländern. — «Beiträge zur Demographie», 1979, № 2, Akademie-Verlag, Berlin, S. 15—42. Парвиз Калатбари — профессор Гумбольдтского университета в Берлине (ГДР).
© Akademie-Verlag, Berlin 1979

рождаемости (с 40—50‰ в 1935—1939 гг. до 37,5‰ в 1970—1975 гг.), однако кое-где в 1970—1975 гг. рождаемость по-прежнему составляла более 40‰ (в Юго-Восточной Азии — 41,9‰, а в Африке даже 46,3) [3]. Очевидно, что быстрое снижение смертности здесь не сопровождалось соответствующим снижением рождаемости. В результате нарушилось равновесие между обычными показателями рождаемости и смертности. Численность населения стала стремительно увеличиваться. Все происходящее напоминает демографические процессы, какие имели место в Европе на стадии перехода от одного типа динамики народонаселения к другому. Однако в развивающихся странах они протекают гораздо быстрее, с большей напряженностью и с большим размахом. К тому же процесс «перехода» в этих странах еще далеко не закончен.

В этих условиях в развивающихся регионах можно ожидать дальнейшего быстрого роста населения и после 2000 г., даже при продолжающемся снижении рождаемости (по оценкам ООН, с 37,8‰ в 1970—1975 гг. до 27,8‰ в 1995—2000 гг.). Быстрый рост населения будет длиться до тех пор, пока в результате низкой рождаемости не возникнет новый тип его возрастной структуры со значительной долей старых поколений. Если исходить из продолжительности жизни в 75 лет, то такая структура складывается примерно в течение 70 лет после того, как рождаемость снизилась до минимума. Время стабилизации динамики населения, по оценкам ООН (средний вариант), приходится примерно на 2075 г. или несколько позже.

Если за начало переходного периода в развивающихся странах принять 1950 г., то баланс между рождаемостью и смертностью будет восстановлен на новом и более низком уровне через 125—150 лет. К этому времени численность народонаселения мира увеличится с 2,5 млрд. человек (в 1950 г.) до 12,2 млрд. (в 2075 г.). При этом население развивающихся регионов (без КНР) возрастет за тот же период примерно с 1 млрд. человек до 9,1 млрд., то есть в 9 раз.

Получить представление о размерах «демографического взрыва» в развивающихся странах можно, если сравнить имеющиеся на сегодня результаты переходного периода в этих странах с окончательными результатами такого периода в индустриально развитых странах. Население развитых стран увеличилось с 250 млн. человек в 1800 г. до 759 млн. в 1930 г. Таким образом, в течение

130 лет оно утроилось. В развивающихся странах — даже если взять только небольшой отрезок времени до 2000 г., — всего за 50 лет число жителей приумножилось в 4 раза. Численность населения «третьего мира» (без КНР) возрастет примерно с 1 млрд. человек в 1950 г. до 3,8 млрд. в 2000 г. (средний вариант) [4].

Для развивающихся стран, которые уже сегодня борются и будут продолжать бороться с огромными трудностями на путях преодоления своей отсталости и обеспечения экономического прогресса, очень быстрый рост населения представляет немаловажный фактор. Мнения специалистов о месте и роли этого фактора в процессе экономического развития сильно расходятся. Некоторые ученые, например А. О. Хиршман и Дж. Саймон, рассматривают рост населения как стимул экономического роста. Ф. Нотштейн и другие, напротив, усматривают в нем препятствие для расцвета экономики. На наш взгляд, этим двум подходам присущи одни и те же ошибки.

Современная ситуация в области динамики народонаселения в развивающихся странах является *исключением*. Взаимосвязи между этим демографическим исключением и процессом экономического развития необходимо исследовать конкретно. По меньшей мере методологически ошибочными могут оказаться как обобщение единичного случая (каким сегодня является демографический взрыв в развивающихся странах), так и абстрактное изучение соотношений вообще между ростом населения и экономическим ростом. Конкретное исследование взаимосвязей между современной демографической ситуацией в развивающихся странах и экономическим развитием предполагает также конкретное знание качественных факторов возникновения этой ситуации. Если демографическая ситуация органически связана с социальной средой, в которой происходит естественное движение населения, то тогда она влияет на эту среду иначе, чем в том случае, когда эта ситуация возникла в результате воздействия факторов, чуждых данной социальной среде.

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Мы исходим из того, что социальная среда является специфическим условием существования и размножения людей. Размножение людей и социальная среда, в которой

оно происходит, неразрывно связаны между собой и немыслимы вне друг друга. В этом принципиальное различие между процессами размножения людей и всех других живых существ, условием существования которых и воссоздания себе подобных является лишь определенная естественная среда. Но это важное различие проявляется двояким образом: в *сложности* и *изменчивости* процесса воспроизводства населения.

Воспроизводство людей в значительной мере определяется рядом чисто общественных факторов. На демографическое поведение людей влияют способ борьбы с силами природы, уровень развития производительных сил, характер производственных отношений и не в последнюю очередь комплекс взглядов и учреждений, включаемых в понятие «надстройка». Совокупность всех этих факторов детерминирует демографическое поведение человека, которое, возникнув таким образом, представляет качественно совершенно новую категорию по сравнению с чисто инстинктивным стремлением к размножению у всех других живых организмов. Это значит, что социальная среда как специфическое условие существования людей дает процессу воспроизводства людей специфическую основу, обуславливает его мотивации и придает ему *объективно сложный характер*.

К тому же по сравнению с естественной средой социальная среда значительно динамичнее. Для заметных изменений в природе необходимы десятки тысяч, даже миллионы лет. Социальная среда, решающее влияние на которую оказывает производство, может быть трансформирована в течение очень коротких исторических периодов.

Например, за последние 10 000 лет природная окружающая среда почти не преобразилась. За то же время социальная среда претерпела многие изменения. Соответственно большие изменения произошли как в демографическом поведении людей, так и в процессе их воспроизводства.

Исследование закономерностей процесса воспроизводства населения с их многообразием и за длительный исторический период — это сложный путь познания, предполагающий применение соответствующей методологии. Несмотря на то что такая методология еще не полностью разработана, типизация процесса воспроизводства и периодизация развития динамики народонаселения в ходе

истории, несомненно, являются важным методологическим аспектом демографических исследований.

Такой метод позволяет (абстрагируясь от бесчисленных различий) обобщить и определить главные черты, общие тенденции и общий характер естественного движения населения в данную историческую эпоху. Лишь таким образом можно выявить качественные различия между разными типами процесса воспроизводства людей, сформировавшимися в ходе эволюции человеческого общества.

В демографической истории человечества мы различаем прежде всего две эпохи — достатистическую и статистическую. Последняя возникла лишь в середине XVIII в., с началом промышленной революции и развития капиталистического способа производства в Европе и Северной Америке. За прошедшее с тех пор время накопилось относительно много достоверных статистических данных о демографических процессах.

Достатистическая эпоха охватывает период от момента становления человека до начала статистической эры. Несмотря на значительный прогресс в развитии методологии исторической демографии, у нас нет почти никакого прямого фактического материала о демографической ситуации при различных способах производства на протяжении этого неизмеримо длительного отрезка времени. Все это затрудняет точную периодизацию демографической истории в достатистическую эпоху. Но в качестве первого шага можно попытаться разработать примерную схему, которая явится исходным пунктом для выявления, хотя бы в грубой форме, ранних тенденций естественного движения населения.

При периодизации истории народонаселения и определении характерных черт *основных типов* процесса воспроизводства людей в качестве критерия мы прежде всего берем развитие производительных сил как наиболее революционного элемента истории. В процессе борьбы с природой люди создают условия для своего существования и размножения. По мере развития производительных сил расширяется производство в качестве основы для размножения людей. Устранение факторов, разрушающих вид, и стимулирование факторов, способствующих его сохранению, в целом являются функциями уровня развития производительных сил, который в свою очередь в значительной мере определяет детерминанты динамики населения.

С этой точки зрения периодизация демографической истории человечества является адекватной основой для определения типов естественного движения населения.

Ряд известных демографов различают три основных периода демографической истории и соответственно три основных типа процесса воспроизводства населения.

В первый период, начавшийся примерно 600 000 лет назад, со времени выделения человека из животного состояния, и простиравшийся до неолитической революции, охота и собирательство были основой экономики тогдашних форм общества. Прогресс неолитической материальной культуры открыл новую эру в истории человечества, когда главным видом хозяйственной деятельности человека стало сельское хозяйство. Промышленная революция XVIII в. вызвала новое качественное изменение в характере производительных сил. Началась новая эпоха, в которой ведущей областью общественного материального производства стала промышленность.

Современная «взрывоподобная» динамика населения развивающихся стран по своему характеру является разновидностью перехода от так называемого традиционного типа естественного движения населения к современному. Она отражает превращение традиционного демографического поведения населения в современное. Демографические процессы традиционного характера присущи социальной среде, экономическую основу которой образует сельское хозяйство. В этих условиях цель экономической деятельности обычно состоит в удовлетворении скромных и ограниченных потребностей непосредственных производителей, а также в удовлетворении расточительных, но все же тоже ограниченных потребностей господствующих классов. В целом в экономике господствует относительный застой: средства труда принадлежат преимущественно отдельным индивидам и поэтому являются карликовыми и обладают узкой способностью к совершенствованию.

Само собой разумеется, что удовлетворение ограниченных потребностей отдельных членов общества, семьи, класса и общества в целом реализуется благодаря существованию процесса воспроизводства. Однако это предполагает прежде всего наличие определенного числа производителей, хотя это число различно в зависимости от уровня развития производительных сил и данных производственных отношений. Важно то, что в условиях общей техни-

ческой отсталости и широкого применения ручного труда человеку уже в юном возрасте приходится быть производителем. При таком общественном строе семья, каждый отдельный дом выступают как самостоятельный производственный центр. Все члены семьи: мужчины, женщины, а также дети с определенного возраста — функционируют как рабочая сила. Для обеспечения собственного процесса воспроизводства семье приходится решать две тесно связанные между собой задачи: удовлетворение личных потребностей посредством труда всех членов семьи и воспроизводство самих производителей через процесс продолжения рода.

В связи с этим — два замечания.

1. Производительность семьи как самостоятельного производственного центра в немалой степени зависит от детского труда. Умение, необходимое для совершения трудовых действий, дети приобретают постепенно и в ходе труда. Следовательно, процесс обучения происходит во время рабочего процесса — иными словами, в таком обществе эти процессы образуют единство. Поэтому понятие «производитель» охватывает здесь широкую шкалу возрастных групп. В такой социальной среде дети — это богатство, ибо они способствуют удовлетворению потребностей семьи, классов и тем самым всего общества.

2. Женщины в аграрном обществе являются постоянной составной частью трудовых ресурсов. Они содействуют удовлетворению потребностей семьи, классов и государства в целом. При этом в соответствии с объективными условиями экономическая деятельность женщины и ее домашний труд в таком обществе неразделимы.

Однако традиционные формы аграрного общества, с их возможностями и пределами, могут иметь лишь определенное число членов в качестве потребителей, хотя это число может быть различным в зависимости от природных условий, а также от уровня развития производительных сил и господствующих производственных отношений. Но обычно в условиях главенствования сельской экономики различие между населением в роли потребителей и в роли производителей относительно невелико. Это означает, что традиционные аграрные общества совместимы лишь с населением определенной численности и структуры.

Постепенно формируются устойчивые соотношения между детерминантами динамики населения, необходимые

для обеспечения адекватного данной форме общества народонаселения. Для всех обществ с низким уровнем развития техники и науки в условиях общей отсталости производительных сил характерно отсутствие контроля над смертностью. Это находит свое выражение в сильных колебаниях динамики смертности вокруг ее абстрактного постоянно высокого уровня.

В таких условиях опустошительные последствия неконтролируемости смертности могут быть компенсированы лишь постоянно высокой рождаемостью, и только она может обеспечить продолжение существования общества. Само общество способствует этому. Религия, система ценностей, короче говоря, общественные нормы и все факторы надстройки решающим образом действуют в этом направлении. Сочетание высокой рождаемости и резко колеблющейся смертности создают в этих обществах большую неустойчивость динамики населения. В долгосрочном плане здесь наблюдается очень умеренный рост народонаселения. Так постепенно складывается демографическая система — с определенной тенденцией изменения численности населения, его структуры и определенными демографическими категориями, — которую мы называем «традиционной демографической системой» и которая полностью соответствует относительно стагнирующему характеру аграрного общества.

«Чрезмерный рост» населения несовместим с природой такого общества и не может быть стимулом развития, ибо он приводит к несоответствию между населением и экономикой, к «перенаселению». Это в свою очередь создает сложные социальные проблемы, решение которых иногда превышает возможности общества. При известных условиях такой исход может поставить под угрозу само существование данного общественного строя. Это понимали еще ученые античного мира.

Нарушение сложившейся динамики населения традиционного типа произошло лишь в результате радикального изменения экономической основы общества. Промышленная революция XVIII — XIX вв. ознаменовала конец эпохи, которая продолжалась со времен неолитической революции и в которой главной формой материального производства было сельское хозяйство. Началась новая, капиталистическая, эра, когда фундаментом экономики стало промышленное производство. С момента переворота

в социальной среде началась и новая эпоха в демографической истории человечества, эпоха «демографической революции».

В европейских странах демографическая революция означала прежде всего нарушение традиционного устойчивого соотношения между детерминантами динамики населения, возникновение новых тенденций. Постепенно складываются иного рода пропорции между определяющими параметрами движения населения. Ускорившийся было вначале рост его численности сменяется более медленным ростом и имеет тенденцию к новой стабилизации, которая в корне отлична от таковой в аграрном обществе. Причины здесь следующие. Капиталистический общественный строй, в противоположность аграрному обществу, характеризуется исключительно высокой динамичностью. В результате происходит постоянный рост производительности труда и повышение его интенсивности. Следовательно, сама система порождает тенденцию к безграничным потребностям в производстве прибавочной стоимости. Само собой разумеется, что предпосылкой процесса производства при данном общественном строе также является функционирование определенной части населения в качестве производителей. В соответствии с динамичным характером всей системы эта категория в свою очередь тоже динамична, и в двояком смысле.

Во-первых, дело в том, что динамичность системы, основанной на непрерывном развитии производительных сил, способствовала постоянному расширению и углублению общественного разделения труда. Во-вторых, капиталистический способ производства имел тенденцию (хотя и в пределах, которые ставит максимизация прибыли) ко все более рациональному использованию материальных и трудовых ресурсов, которое со своей стороны связано с постоянным повышением квалификации всего потенциала рабочей силы.

Как отмечалось, в аграрном обществе процессы обучения и труда составляют единство. Обучение начинается с участия в труде и наоборот. При капиталистическом способе производства процессы обучения и труда разделены. Процесс обучения относительно самостоятелен и предшествует непосредственно рабочим занятиям. В соответствии с условиями производства в капиталистическом обществе процесс обучения имеет иные количественные масштабы

и иной качественный характер по сравнению с процессом обучения в аграрном обществе. Получение необходимой подготовки в качестве обязательной предпосылки участия в рабочем процессе требует довольно длительного времени. В связи с этим в капиталистическом обществе в отличие от аграрного определенные возрастные группы молодежи неизбежно исключаются из рабочего процесса. Население, относящееся к этим группам, обычно выступает не как производители, а как потребители, и в двойном плане. Во-первых, люди этих возрастов являются потребителями в обычном смысле; во-вторых, они потребители современных знаний. Их профессиональная подготовка, естественно, связана со значительными затратами со стороны общества. Поскольку рациональное использование подготовленной таким образом рабочей силы зависит в первую очередь от длительности ее участия в рабочем процессе, возникает элементарная необходимость в создании условий для более продолжительного участия людей в процессе производства, то есть потребность в увеличении средней продолжительности человеческой жизни. Для этого необходим действенный контроль над смертностью. Прогресс науки и техники, присущий индустриальному обществу, создает и расширяет условия для реализации такого контроля. В этом с демографической точки зрения проявляется существенное различие между аграрным и капиталистическим обществами. Развитие здравоохранения, гигиены и профилактики способствует снижению смертности. *Отличительной чертой современной демографической системы является стабилизация смертности на низком уровне.*

Какими чертами характеризуется в условиях этой новой системы динамика рождаемости?

Обычно в каждой демографической системе динамика рождаемости имеет тенденцию приближаться к динамике смертности. Очевидно, устойчивое соотношение между детерминантами естественного движения населения присуще любой демографической системе. Само собой разумеется, что уровень, на котором возникает эта устойчивость, неодинаков в разных системах. Соответствующая социальная среда создает предпосылки для такого равновесия или непосредственно порождает его. По-видимому, речь идет об общей закономерности, имеющей свои модификации в различных социальных условиях.

И в капиталистическом обществе кривая рождаемости имеет тенденцию следовать кривой смертности, то есть закономерной является тенденция к снижению рождаемости и ее стабилизации на некоем минимальном уровне. Существующая демографическая система формирует условия для такого снижения рождаемости и ее приближения к уже низкой смертности.

С изменением социального положения детей и молодежи семья утрачивает свою традиционную экономическую функцию. Дети только в качестве потребителей дорого обходятся отдельной семье и суживают возможности удовлетворения ее потребностей. Таким образом, отделение процесса обучения от рабочего процесса, несомненно, становится тем фактором, который способствует сознательному ограничению количества детей в семье и тем самым снижению уровня рождаемости.

Другим очень важным фактором снижения рождаемости является раскол традиционного единства экономической и домашней деятельности женщины. В результате полностью нарушается экономическая функция семьи, коренным образом меняется положение женщины в обществе, а рождение детей теряет свое значение для поддержания функциональной способности семьи. Тем самым создаются условия для возникновения новой формы семьи. В противоположность аграрному обществу, в котором «каждый отдельный дом выступает как самостоятельный производственный центр», в капиталистическом обществе предприятия индустрии представляют собой независимые от «дома» крупные производственные центры. Это значит, что в процессе промышленного развития экономическая деятельность женщины постепенно обособляется от выполняемой ею домашней работы.

По мере того как промышленность становится определяющей базой общественного материального производства, углубляется разделение этих двух видов женского труда. В конце концов в развитой капиталистической системе экономическая активность женщины приобретает совершенно самостоятельный характер и начинает играть все возрастающую роль по сравнению с домашним трудом. Она выходит на первый план и оттесняет домашнюю работу как побочное занятие на задний.

Однако этот процесс имеет и другой аспект. Развитие промышленности не только вовлекает женщин в рабочий

процесс на промышленных предприятиях, но в этих условиях экономическая деятельность женщины в домашнем хозяйстве, цель которой заключалась в удовлетворении скромных и ограниченных потребностей семьи, становится беспредметной. Развитие промышленного производства и изменения в производительных силах создают качественно новую структуру потребностей и расширяют их масштабы. Это обстоятельство, то есть необходимость удовлетворения растущих потребностей семьи, становится объективным мотивом субъективной готовности женщин работать «вне сферы домашнего хозяйства». Возрастающая экономическая и социальная занятость женщины поглощает большую часть ее сил и времени. У женщины остается мало времени и сил для домашней работы, а также для рождения и воспитания нескольких детей. Таким образом, все эти факторы, полностью проявляющиеся в условиях превращения промышленности в ведущую отрасль экономики капиталистического общества, действуют в направлении качественного изменения демографического поведения людей, и в первую очередь — добровольного ограничения количества детей в семье. В результате рождаемость приобретает тенденцию к снижению и приближается к уже низкому уровню смертности; между динамикой рождаемости и смертности устанавливается новое равновесие. В связи с этим изменяется и структура населения. Так, новая социальная среда в соответствии со своими потребностями, требованиями, возможностями и пределами создает новую, адекватную себе демографическую систему, отличную от традиционной демографической системы.

ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Между крахом старой и образованием новой демографической системы всегда проходит более или менее длительное время, называемое «переходным периодом». Для него характерно одновременное существование совершенно различных экономических основ общества: с одной стороны, сельский уклад, с другой — капиталистические отношения, основу которых составляет промышленное производство. Практически речь идет о двух антагонистических системах. В этой объективно двойственной ситуации динамика населения подвержена действию законов, при-

сущих обеим системам. В таких условиях закономерна дисгармоничная и неравномерная динамика численности населения. Гармония и равновесие восстанавливаются лишь тогда, когда исчезает двойственность и промышленность превращается в доминирующий компонент народного хозяйства. Однако этот процесс протекает негладко.

Процесс разложения традиционного хозяйства означает лишь распад традиционной семьи как его основы. Развитие капиталистических отношений разрушает старый семейный быт и создает также условия для появления более высокой, современной формы семьи¹.

Важный аспект влияния развивающейся промышленности состоит в высвобождении рабочей силы, которая в традиционном хозяйстве прикована к семейному очагу. Отделение экономической деятельности женщины от ее домашней работы и отделение процесса обучения детей и подростков от рабочего процесса являются важными моментами этого влияния, соответствующими тенденциям увеличения спроса на квалифицированную рабочую силу со стороны машинного производства и рационального использования людских ресурсов. Скорость и формы течения этого процесса зависят от жизнеспособности традиционной экономики и интенсивности развития промышленности. Именно эта двойственность среды и формы проявления противоречий между старым аграрным обществом и возникающим капиталистическим индустриальным обществом характеризуются очень большой амплитудой во времени и пространстве. Подобная разнохарактерность присуща и переходной ситуации. Иными словами, превращение традиционной демографической системы в современную систему может протекать очень по-разному, иметь различные масштабы и интенсивность в зависимости от конкретных условий. Так, резко отличаются между собой переходный период, переживаемый сегодня развивающимися

¹ К. Маркс следующим образом описал процесс распада старой семьи и возникновение основы для новой формы семьи в специфических условиях развития капиталистической промышленности: «Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает новую экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между людьми». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 500.

регионами, и переходный период, пережитый в прошлом европейскими странами. Причина этого в несходстве ситуаций в тогдашней Европе и в современных развивающихся государствах.

Развитие капитализма в европейских странах было обусловлено внутренними факторами. Оно было результатом медленной и трудной эволюции самого аграрного общества. Кооперация и мануфактура как предшественники крупной промышленности достигли своего расцвета еще в рамках традиционной экономики, то есть процесс индустриализации в Европе был порожден всем предшествовавшим развитием и явился его историческим и логическим продолжением. Его свободному течению не препятствовали никакие внешние факторы. Становление промышленности началось с промышленной революции. На первой стадии этого процесса горизонты технической и научной базы промышленного производства были ограничены в географическом и социальном планах. Однако вскоре развитие промышленности привело к качественно новой степени ее зрелости, когда она сама стала производить свою техническую основу при помощи машин. В этой фазе пределы расширению капиталистического производства «ставятся лишь сырым материалом и рынком сбыта». Так промышленность стала основой экономики.

Процесс индустриализации в Европе протекал *не изолированно*, а был неразрывно связан с успехами целого ряда наук. Крупная промышленность сама создает себе научную базу.

По мере эволюции отраслей промышленности развиваются техническая и социальная инфраструктура, образование, здравоохранение и общие условия жизни. Что касается сельского хозяйства, то так как процесс индустриализации оказал очень сильное негативное влияние на традиционное хозяйство, а также на уклад жизни сельского населения и вызвал его значительное территориальное перемещение в город, сельскохозяйственное производство в своем развитии отставало от промышленности в течение длительного времени.

Научный и технический прогресс создает объективные условия для устранения диспропорциональности между промышленностью и сельским хозяйством. С этой точки зрения процесс индустриализации в Европе был главной движущей силой и одновременно органической составной

частью общего процесса развития, который часто называют «экономическим ростом».

В результате в относительно небольшой исторический период была преодолена двойственность общественных условий и возникла новая общественная формация — капиталистический способ производства.

Однако этот мощный процесс, сопровождавшийся дальнейшим углублением разделения труда, не мог не вызвать к жизни соответствующего переворота в демографии, выразившегося в быстром росте населения. Демографический переход в Европе произошел в форме более или менее «гармоничного» перехода к промышленному капиталистическому обществу. Он явился *следствием* и одновременно *основным условием экономического роста*.

Однако «взрыв», связанный с демографическим переходом, не мог иметь в Европе крупных масштабов, так как процесс экономического роста вызвал *постепенное* снижение уровня смертности. В начальной стадии развития капитализма снижение смертности вообще было ничтожным.

При этом следует отметить, что в период демографического перехода в Европе в процессе индустриализации и экономического роста постепенно созревали условия не только для снижения смертности, но также, *и это важно*, для снижения рождаемости. Тем самым относительно быстро и на более высоком уровне было восстановлено нарушенное развитием капитализма традиционное равновесие между главными параметрами динамики населения.

В развивающихся странах XX в. процесс демографического перехода идет в прямо противоположных условиях. Здесь существуют другие, чем в Европе XIX в., исторические предпосылки. Поэтому переход имеет иную динамику, масштабы, значение и последствия. Главное различие состоит в том, что в Европе демографический переход был *следствием* экономического роста, а в развивающихся странах он *предшествует* ему. В этом состоит также дилемма развивающихся стран. Рассмотрим это утверждение более подробно. Как уже отмечалось, на процесс индустриализации в Европе внешние факторы не оказывали влияния, что способствовало успешному переходу к индустриальному капиталистическому обществу. Современные же развивающиеся страны — это в подавляющем своем числе бывшие колонии и полуколонии. В отличие от Европы на нормальное развитие капитализма в этих странах

влиял мощный «экзогенный» фактор, а именно иностранный капитал. Он модифицировал и деформировал их развитие. Экономика колоний была ориентирована на удовлетворение потребностей метрополий в рынках сбыта и сырье. Это обстоятельство имело следующие важные с демографической точки зрения последствия.

Во-первых, в колониях иностранный капитал всегда был подобен монополистическому капиталу. Для обеспечения монопольной прибыли он стремился к устранению любой конкуренции. Колониализм был главным препятствием для возникновения и развития собственного капитализма в колониях. Этому содействовали два шедших параллельно процесса: проведение колониальной политики, тормозящей промышленный прогресс, и сохранение традиционных форм сельского хозяйства. В ряде колоний и полукolonий уже в XIX в. иностранный капитал нарушил привычный ход становления промышленности. Он разорил предшественников индустриального развития: кустарное производство, домашнюю промышленность и мануфактуру. Всякое стремление к индустриализации пресекалось административными и экономическими мерами. Кроме того, иностранный капитал оказывал консервирующее влияние на традиционное сельское хозяйство как на главный сектор экономики колоний. Сохранение докапиталистических отношений в свою очередь явилось существенным препятствием для индустриализации. Свободному развитию промышленности (не говоря уже об общем экономическом росте) были поставлены мощные преграды. С демографической точки зрения такое положение, возникшее под влиянием колониализма как «внешнего» фактора, имеет двойные последствия. С одной стороны, оно препятствует течению тех обусловленных внутренними причинами процессов, которые можно рассматривать как объективную основу демографического перехода. С другой стороны, эта ситуация означает сохранение тех традиционных отношений, на которых зиждется традиционная демографическая система с присущими ей высокими уровнями смертности и рождаемости.

Во-вторых, влияние иностранного капитала в колониях в качестве экзогенного фактора все же не было только консервирующим и только тормозившим развитие. В соответствии со своими потребностями в получении прибыли иностранный капитал развивался своеобразно, односторон-

не и изолированно от экономики колоний. Как известно, в рамках международного разделения труда колонии снабжали метрополию сырьем. С переходом капитализма в свою монополистическую стадию, связанную с огромной централизацией капитала и концентрацией производства, постоянно возрастали потребности монополий во всех видах сырья, поставляемого из колоний. Эти потребности уже невозможно было утолить, применяя дополнительные, отсталые методы добычи сырья. Необходимым фактором процесса воспроизводства, который позволил бы удовлетворить растущие количественные и качественные потребности монополистического капитала в сырье, стало прямое вмешательство монополий в производство сырья в колониях. Так, в ряде колоний и полукolonий возникло современное и чрезмерно развитое производство, изолированное от местной экономики. Оно было ориентировано исключительно на удовлетворение потребностей «управляющих» держав. Почти вся произведенная прибавочная стоимость переводилась в метрополию и там использовалась также для накопления.

Механизм функционирования этих чрезмерно развитых секторов экономики имел для колоний также решающее демографическое значение. С одной стороны, возникновение и развитие этих секторов предполагало проведение ряда мероприятий, направленных на создание самых элементарных условий для прибыльного вложения иностранного капитала. Общеизвестные санитарные меры, борьба с эпидемиями, использование в колониях ряда достижений медицины развитых стран — все это были элементарные предпосылки длительного пребывания там иностранных специалистов, чиновников и деловых людей. Однако эти меры, хотя и невольно, способствовали снижению уровня смертности в колониях. Так, в результате функционирования иностранного капитала в колониях было нарушено традиционное устойчивое соотношение между детерминантами динамики численности населения. Внешний фактор дал начало демографическому переходу. Но при этом речь идет о своеобразном переходе, в котором отсутствуют стимулы для снижения рождаемости. Мы уже указывали на тормозящее и консервирующее влияние иностранного капитала как на фактор, который препятствовал возникновению условий для ограничения размеров семьи. Гипертрофированно развитые сектора, с одной стороны, обусло-

вили снижение смертности, с другой — препятствовали снижению рождаемости. Постоянное изъятие прибавочной стоимости, созданной в этих современных секторах экономики, и ее накопление в метрополиях лишали колонии средств, которые могли бы решающим образом способствовать созданию экономической и социальной основы нового демографического поведения и уменьшения рождаемости.

Демографическую ситуацию в колониях на пороге их независимости и после 150-летнего господства колониализма можно определить следующим образом. В то время как под влиянием «экзогенных» факторов смертность постепенно снижалась, под воздействием тех же факторов рождаемость сохранялась на традиционно высоком уровне. Результатом этого были быстрый рост населения и изменение его структуры в сторону омоложения. Это изменение в свою очередь способствовало снижению смертности. Рост населения превратился в демографический взрыв. Когда в 50—60-е годы рухнула колониальная система империализма, развивающиеся страны наряду с этой демографической ситуацией унаследовали также отсталую колониальную экономику. Население этих стран увеличивалось и увеличивается в рамках экономики, которая не в состоянии исчерпывающим образом использовать растущие людские ресурсы. Население оказывает все большее давление на средства производства, ресурсы продовольствия, систему образования и т. д. Это значит, что молодые независимые государства начинают процесс своего социально-экономического развития в условиях, когда значительная часть населения уже находится вне экономического общественного производства.

Так, после завоевания политической независимости развивающиеся страны оказались перед сложной проблемой: необходимостью преодолеть отсталость в условиях быстрого роста населения.

Речь идет о ряде тесно взаимосвязанных задач. Во-первых, необходимо создать основы экономики, которая соответствовала бы запросам и потребностям растущего населения. Во-вторых, требуется восстановить равновесие между детерминантами динамики численности населения. Решение этих задач осуществляется как сложный процесс, часто называемый «экономическим ростом». Успешный ход этого процесса в немалой степени зависит от пра-

вильности разработки стратегической концепции, в которой четко были бы определены такие важные проблемы, как, например, устранение факторов социальных осложнений, выбор пути развития, выбор правильной технологии производства — и не последнее по значимости — изменение поведения и привычек миллионов людей. Проведение социальных реформ, и прежде всего радикальной аграрной реформы, означает не только устранение серьезных препятствий на пути индустриализации; аграрная реформа будет способствовать ослаблению давления населения на землю, ресурсы продовольствия и средства производства. Важной предпосылкой улучшения общих условий жизни сельского населения, его потребления и повышения производительности труда является ликвидация феодальной земельной ренты. Одновременно это предпосылка использования сельскохозяйственного прибавочного продукта в целях накопления. Это значит, что аграрная реформа создает условия, в которых прибавочный продукт сельского хозяйства сможет выполнять свою историческую функцию в процессе экономического роста.

Очевидно, что без индустриализации национальной экономики развивающиеся страны не смогут преодолеть свою отсталость. Одной из наиболее сложных задач является разработка концепции использования процесса индустриализации в качестве движущей силы эффективного развития. С одной стороны, развивающиеся страны должны применять достижения науки и техники и начинать индустриализацию с того уровня, который соответствует современному уровню промышленного производства. С другой — использование современной техники в отсталых странах, где отсутствуют необходимые для этого условия (помимо всех других трудностей), противоречит насущной проблеме населения. То обстоятельство, что демографический переход предшествует процессу экономического роста, несомненно, определяет характер концепции развития освободившихся от колониальной зависимости стран: любая подобная концепция должна учитывать проблему занятости. Так, объективно противоречивые требования вынуждают развивающиеся страны к рациональному сочетанию трудоемкой и капиталоемкой технологий. Долгосрочный переход к обществу, основу экономики которого образует промышленность, включает в себя стимулирование домашней и мелкой промышленности и ремесленных

производств наряду с развитием соответствующих отраслей современной индустрии.

В этот переходный период постепенно сформируются условия, которые образуют материальную основу для перестройки образа мыслей, переоценки ценностей и изменения привычек людей. В результате изменится и демографическое поведение населения, что в конечном счете приведет к снижению рождаемости.

Однако снижение уровня рождаемости не должно происходить стихийно. По мере создания условий для такого снижения могут приниматься искусственные меры по контролю над рождаемостью, которые в состоянии ускорить демографический переход и способствовать восстановлению устойчивого баланса между параметрами динамики населения.

В этом комплексе проблем кардинальное значение имеет выбор пути развития. Опыт социалистических стран с колониальным и полуколониальным прошлым показал, что эти страны сумели в течение двух-трех десятилетий последовательно и успешно решить задачи экономического развития, а затем и демографические проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. UNO. The World Population Situation in 1970. New York, 1971, p. 4; UNO. World Population Conference Bucharest, 1974, E/Conf. 60/CBP/14, p. 7; UNO. World Population Prospects as Assessed in 1973. New York, 1977, p. 90.
2. UNO. World Population Situation in 1970. New York, 1971, p. 7.
3. UNO. World Population Prospects as Assessed in 1973. New York, 1977, p. 110.
4. Demographic Trends in the World and its Major Regions 1950/70, UNO. World Population Conference. Bucharest 1974, E/Conf. 60/CBP/14, p. 5; World Population Prospects as Assessed in 1973. New York, 1977, p. 92.

ДЕМОГРАФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Р. Анкер, Г. Фарук¹

В последние 20 лет проблеме воздействия роста численности населения на экономическое развитие было посвящено множество исследований. И тем не менее эта проблема остается во многом неясной, а спектр мнений достаточно широким: одни авторы видят в быстром росте населения главное препятствие экономическому развитию, для других, придерживающихся полярной точки зрения, демографический рост представляется необходимым стимулом экономического прогресса.

Как известно, вопрос о соотношении демографического и экономического роста образует стержень классической экономической теории, разработанной еще более двух столетий назад. Между тем в период после второй мировой войны большинство теоретиков экономического развития в своих построениях полностью игнорировали взаимосвязь этих двух факторов, а международная помощь в демографической области почти целиком сводилась к попыткам снизить уровень рождаемости с помощью программ планирования семьи. Иными словами, как в концепции развития, так и в международной деятельности внимание уделялось главным образом лишь негативным последствиям увеличения численности населения. Такое отношение может быть понято, если принять во внимание те беспрецедентные темпы роста населения, какие наблюдались в раз-

¹ Richard Anker, Ghazi M. Farooq. Population and socio-economic development: the new perspective.— «International Labour Review», vol. 117, № 2, March-April 1978. Ричард Анкер и Гази М. Фарук — сотрудники Международной организации труда.
© International Labour Organisation, 1978

живающихся странах как результат снижения смертности в условиях стабильной рождаемости. Всемирная конференция ООН по народонаселению (Бухарест, 1974 г.) способствовала более широкой постановке проблем, признавшей существование сложного комплекса прямых и обратных связей между демографическими и экономическими процессами.

В настоящей статье освещены некоторые демографические закономерности в общем контексте взаимосвязи между демографическим ростом и социально-экономическим развитием, предпринята также попытка определить место демографической политики в планировании развития.

НЕОМАЛЬТУЗИАНСКИЕ ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ИХ КРИТИКА

Первые послевоенные теоретические исследования рассматривали демографический рост и экономическое развитие, по существу, изолированно друг от друга. Демографические прогнозы составлялись (и, как правило, составляются и поныне) на основе оценок о вероятных изменениях показателей смертности и рождаемости. Поскольку эти оценки приблизительны, прогнозы обычно разрабатываются в трех вариантах: максимальном, среднем и минимальном.

Первое поколение моделей и прогнозов экономического роста развивающихся стран основывалось на показателях нормы накопления и капиталоемкости. Исходя из того, что в этих странах рабочая сила избыточна, утверждалось, что дополнительная рабочая сила не увеличит совокупный продукт и потому всякий рост населения может лишь снизить душевой доход. Интересно отметить, что этот тип моделей все еще используется в практике экономического планирования многих развивающихся стран. Прогноз роста валового внутреннего продукта (ВВП) строится на основе планируемой нормы накопления и некоторого постоянного предельного коэффициента, связывающего темпы прироста населения и ВВП. Так, коэффициент 3, который был типичен для развивающихся стран в 1950-х годах, означает, что страна, население которой растет на 3% в год, нуждается в увеличении ВВП на 9% в год лишь с той целью, чтобы не допустить снижения жизненного уровня населения. С учетом того, что почти во всех развивающихся

странах норма накопления низка (около 10% ВВП), напрашивается вывод, что в большинстве стран с высоким темпом демографического роста вообще нет возможности сколь-либо существенно увеличить душевой доход.

Итак, модели первого поколения исходят из предпосылки об отрицательном воздействии демографического роста на увеличение душевого дохода.

Вслед за этими моделями появились другие, в которых постулируется, что при данном уровне развития технологии совокупный продукт является функцией труда и капитала. Но так как изменения рождаемости воздействуют на предложение рабочей силы лишь с 15-летним лагом, то динамика душевого дохода в течение этого периода описывается, по существу, той же схемой, какая была использована в предыдущих, более простых моделях.

Неомальтузианские модели делают акцент также на том факте, что быстрый демографический рост требует увеличения доли капиталовложений в непродуцированную сферу в ущерб высокоэффективным инвестициям в производство средств производства, что в свою очередь понижает норму накопления. Но если при этом вспомнить, что предельный коэффициент растет по мере индустриализации страны, то становится ясным, почему этот подход настаивает на негативной окраске воздействия роста населения на экономическое развитие.

Описанные выше демографические модели вызывают множество возражений из-за характера той роли, которую они отводят темпам увеличения численности населения.

Во-первых, опыт истории показывает, что ускоренный демографический рост не обязательно тормозит экономическое развитие. Взаимосвязь этих процессов, измеренная в категориях душевого дохода, в течение последних 30 лет была очень слабой, и можно привести множество примеров, когда быстрый рост населения сочетался со столь же быстрым экономическим развитием.

Во-вторых, можно поставить под сомнение обоснованность ряда гипотез, положенных в основу неомальтузианских моделей. Так, рост населения рассматривается в них как таковой, без учета его структуры. Но ускорение роста населения может быть вызвано различными комбинациями изменений темпов рождаемости и смертности, и потому было бы неправомерно не замечать причин этих измене-

ний. Однако и причины, и социально-экономические последствия демографических сдвигов неодинаковы в разных странах. Например, в Шри Ланке в результате развернутой в 1954 г. кампании борьбы с малярией уровень смертности быстро снизился, что вызвало резкое ускорение демографического роста. Такой тип демографической динамики (в корне отличный от того, который наблюдается в условиях повышения рождаемости) способствовал экономическому развитию, поскольку вследствие снижения заболеваемости и потерь трудоспособности улучшились количество и качество рабочей силы. Кроме того, стало возможным экономическое освоение районов, в прошлом зараженных малярией. В результате душевой доход в 1963 г. был на 10% выше уровня, который мог быть достигнут в условиях прежней распространенности малярии. Этот пример свидетельствует также о том, что неомальтузианские модели всегда предполагают неизменность технического уровня производства, то есть игнорируют научно-технический прогресс.

В-третьих, эти модели исходят из предпосылки об отсутствии обратной связи между социально-экономическим развитием и демографическими процессами. Между тем история промышленных стран показывает, что социально-экономический прогресс вызывает целый ряд серьезных изменений в характере демографического поведения населения (повышение возраста вступления в брак, широкое использование средств контрацепции, рост числа аборт, перемещение населения в города). В более близкий к нам исторический период в ряде стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки (Сингапур, Колумбия и др.) быстрый экономический рост в сочетании с социальным развитием повлек за собой весьма значительное снижение размеров семьи и когортных коэффициентов рождаемости.

В-четвертых, в неомальтузианских моделях национальная экономика рассматривается как единое целое. Эта предпосылка исключает возможность учитывать существующие в каждой развивающейся стране глубокие различия между городом и деревней, современным и традиционным секторами производства, сельским хозяйством и промышленностью, имущими и неимущими социальными группами. Между тем именно в этих социальных различиях и следует искать ключ к пониманию как самого процесса экономического развития, так и механизма воздействия демографиче-

ских процессов на это развитие. В частности, неомальтузианский подход не позволяет включить в анализ политику, направленную на регулирование миграционных потоков, рынка труда или на помощь бедным слоям населения.

Итак, именно неомальтузианские модели ответственны за преобладавшее в 1960-х годах «алармистское» отношение к явлению демографического роста. Алармизм стал главной формой выводов и основой неомальтузианских рецептов: развивающиеся страны могут выйти из экономического застоя только ценой жесткого контроля за ростом населения, что практически осуществимо лишь при условии проведения широких и строгих программ сокращения рождаемости. Но не станем забывать, и это уже было сказано выше, что эти модели строились на упрощенческих схемах, сомнительных гипотезах и игнорировании целого ряда важных мер демографической политики.

АНАЛИЗ ЧАСТНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

В настоящее время при принятии решений в области планирования все большее значение придается учету взаимосвязи между демографическими процессами и экономическим развитием. Демографические процессы оказывают воздействие на все традиционные объекты планирования и в свою очередь подвержены влиянию мер, разработанных в рамках планирования развития. Например, миграционные потоки оказывают непосредственное влияние на такие характеристики районов оттока и притока мигрантов, как состояние рынка рабочей силы, спрос на жилье и социальные услуги. В то же время политика, ориентированная на изменение пространственной структуры экономики, прямо воздействует на направление и масштабы миграций.

Рассмотрим вначале некоторые наиболее важные частные экономические и демографические взаимосвязи, существующие между предложением рабочей силы, миграциями и рождаемостью. Затем используем более общий подход, который позволит представить эти взаимосвязи в виде единой модели.

Из всех характеристик населения наибольшее внимание планирование обычно уделяет рабочей силе. Это обстоятельство не вызывает удивления, если учитывать существование все более обостряющихся проблем, связанных с состоянием занятости в развивающихся странах.

Высокие темпы роста населения в большой мере обуславливают две серьезные проблемы. Во-первых, в населении растет доля молодежи (во многих развивающихся странах 45—50% населения составляют лица моложе 25 лет), а коэффициент демографической нагрузки остается очень высоким — около 1. Во-вторых, хотя экономически активное население и растет медленнее населения страны в целом, его темпы роста намного превышают темпы создания новых рабочих мест (средний по развивающимся странам коэффициент замещения равен около 3).

В любой момент времени масса рабочей силы является функцией: а) структуры населения по полу, возрасту, месту жительства и б) уровней экономической активности различных по полу, возрасту, месту жительства групп населения. Половозрастные коэффициенты экономической активности зависят от ряда социальных, экономических и культурных факторов, в том числе от размера заработной платы, возможностей трудоустройства, структуры экономики, уровней образования и урбанизации, от принятых в данном обществе норм участия в экономической деятельности (последнее особенно важно для женщин). На величину коэффициентов влияют также взаимодействия перечисленных факторов. Существует, например, прямая связь между демографическими показателями и коэффициентами экономической активности различных половозрастных групп. Уровень рождаемости часто связан с уровнем экономической активности женщин. Быстрый рост населения в условиях значительной и устойчивой безработицы и неполной занятости может модифицировать уровни экономической активности различных слоев населения. Массовое перемещение сельского населения в города в состоянии еще более уменьшить вероятность найти там работу. В результате складывается ситуация, когда многие мужчины — особенно молодые — полностью теряют надежду получить

когда-либо работу, то есть, по существу, снижается уровень экономической активности соответствующих возрастных групп. С другой стороны, сокращение семейного дохода вследствие высокой безработицы или снижения занятости мужчин может способствовать росту экономической активности женщин.

Очевидно, что численность населения и его структура принадлежат к ряду наиболее важных факторов, определяющих уровень предложения рабочей силы. В странах с равным по количеству населением, одинаковыми коэффициентами экономической активности, но с разной возрастной структурой численность экономически активного населения не может быть одной и той же. Если рассматривать уровни активности только мужского населения (в отличие от аналогичных показателей по женскому населению эти уровни, как правило, не зависят от социально-культурных и религиозных факторов; на них меньше отражается также неточность статистической информации), то оказывается, что соответствующие «грубые» коэффициенты для развивающихся стран на 11—18 пунктов ниже, чем для Японии. Однако если бы население развивающихся стран имело одинаковую возрастную структуру (к примеру, «японскую»), то индексы экономической активности мужского населения большинства этих стран оказались бы выше тех, какие наблюдаются в Японии.

Возрастная структура населения дает составителям планов развития также важную информацию о будущем увеличении трудовых ресурсов, поскольку большинство людей, которые в течение ближайших 15—20 лет войдут в состав экономически активного населения, уже родились. В условиях, когда быстрый рост трудовых ресурсов усугубляет и без того тяжелые проблемы безработицы, необходимо, чтобы стратегия развития в большей степени, чем ранее, ориентировалась на расширение занятости. Опыт 1950—1960-х годов показал, что экономический курс, направленный лишь на увеличение ВВП, не способен разрешить острые социально-демографические проблемы. Из этого следует, что планирование должно уделять больше внимания выбору адекватных технологий, развитию сельских районов и традиционных отраслей экономики, равно как и другим факторам, влияющим на предложение рабочей силы.

Отток населения из сельской местности и проблемы развития

В большинстве развивающихся стран в настоящее время происходят сильные миграции сельского населения в города. Поскольку мигранты устремляются главным образом в крупные городские агломерации, которые в связи с этим испытывают разного рода значительные трудности, неудивительно, что правительства в гораздо большей степени опасаются возрастания этих миграционных потоков и обострения порождаемых ими социальных, экономических и политических проблем, нежели демографического роста как такового.

Доказано, что отток населения из сельских районов зависит от того, насколько предполагаемый реальный доход в городе превышает средний реальный доход в сельском хозяйстве. При этом сельско-городская миграция определяется не только разницей в доходах между сельским хозяйством и современным сектором городской экономики, но и разницей в доходах между сельским хозяйством и традиционным (или неорганизованным) сектором городской экономики. Имеют значение и такие характеристики городского образа жизни, как преимущества в социально-культурной области, соблазны «индустрии досуга» и т. д. Таким образом, оказывается, что даже в условиях, когда в сельском хозяйстве предельная производительность положительна, а в городе велика открытая безработица, переезд из деревни в город может субъективно расцениваться как экономически оправданный.

Поскольку любые меры социально-экономической политики влияют на соотношение темпов экономического роста сельских и городских районов, эти меры прямо или косвенно воздействуют также на направления и масштабы миграции. Поэтому, чтобы стратегия развития стала действительно эффективной, она должна внимательно учитывать взаимосвязи между социально-экономическим положением, расселением и миграциями. Так, следует иметь в виду, что политика, направленная на повышение уровня жизни городского населения, может закрепить процесс оттока населения из деревни. Можно, конечно, попытаться противодействовать этому, осуществляя программы интенсивного развития сельских районов. Но успех соответствующих мероприятий будет в первую очередь зависеть от правил

ного определения основной причины ухода населения из деревни в город. Такой причиной может быть и недостаточный уровень дохода от сельского хозяйства, и земельный «голод», и привлекательность «городских огней» и т. п.

Рождаемость

Рождаемость в сочетании с возрастной структурой населения образуют главную компоненту демографического роста. От интенсивности рождаемости зависят будущие темпы увеличения рабочей силы, потребность в школах, жилье, медицинских услугах. В свою очередь репродуктивное поведение может меняться в соответствии с изменениями социально-экономических условий.

Правительства многих развивающихся стран, ослепленные негативными аспектами быстрого роста населения, продолжают сводить свою демографическую политику к программам снижения рождаемости и охраны материнства и детства. Приведенные выше соображения показывают ограниченность такого подхода. С точки зрения планирования гораздо важнее учесть механизм зависимости между уровнем рождаемости и уровнем социально-экономического развития. Особенно важно понять, почему супружеские пары стремятся иметь много детей и какие меры государственной политики могут воздействовать на их поведение в этой области.

Рассмотрим один из аспектов этого механизма, а именно связь между частотой рождений и степенью экономической активности женщин. Модели, имитирующие процесс принятия решений в семье о числе детей, основаны на предположении, что рождение и воспитание ребенка препятствуют профессиональной деятельности женщины (особенно если эта деятельность связана с работой вне дома) и наоборот. Эти предположения, в целом верные для развитых стран, оказываются слишком большим упрощением по отношению к развивающимся странам. Так, работа в мелкой розничной торговле или сельском хозяйстве не обязательно мешает женщине заниматься воспитанием детей. Более того, женщина может прибегнуть к помощи родственников или прислуги, содержание которой в развивающихся странах пока еще обходится относительно дешево (это обстоятельство еще более смягчает воздействие

уровня рождаемости на экономическую активность женщин). Вероятно, это положение будет меняться в процессе модернизации, что уже и происходит в некоторых азиатских странах. По мере роста образовательного уровня женщин расширяется их занятость в современном секторе экономики. В результате возрастает «относительная стоимость» ребенка, что в этих условиях побуждает женщин иметь меньшее число детей. Казалось бы, напрашивается эффективный способ снижения рождаемости — это политика, способствующая увеличению занятости женщин в общественном производстве. Но подобная рекомендация парадоксальна по отношению к большинству развивающихся стран, где существуют огромные трудности, связанные с созданием новых рабочих мест. Затраты на проведение такой «демографически ориентированной» политики занятости наверняка не оправдаются. Можно было бы направить усилия на организацию недорогостоящей системы детских учреждений, которые создадут условия для работы женщин вне дома. Но эта политика также (и по тем же причинам) оказалась бы столь же парадоксальной. Кроме того, ее результатом было бы снижение «относительной стоимости» детей и, как следствие, повышение рождаемости.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ: СИНТЕЗИРУЮЩИЙ ПОДХОД

Как это записано во Всемирном плане действий в области народонаселения, принятом на Бухарестской конференции в 1974 г., демографическая политика включает все те правительственные меры, которые прямо или косвенно воздействуют на демографические процессы. Такой подход предполагает, что демографическая политика должна стать интегральной частью социально-экономического планирования. Столь широкая трактовка планирования развития требует разработки ряда методологических вопросов.

Вот уже в течение нескольких лет осуществляются попытки построить для нужд плановых органов комплексные модели, которые использовали бы результаты новейших исследований взаимосвязи экономических и демографических явлений. В этих моделях каждая компонента

демографического роста (рождаемость, смертность, миграция) рассматривается как функция социально-экономического положения и предпринимаемых правительством мер. Одновременно предполагается, что демографические тенденции и указанные меры в свою очередь сами влияют на такие факторы экономического роста, как предложение рабочей силы, структура занятости и объем производства.

Современные экономико-демографические модели обладают рядом больших преимуществ по сравнению с моделями первого поколения.

Во-первых, они объединяют в связную и логически стройную систему некоторую совокупность взаимодействующих между собой факторов и тем самым приближают известную схематичность теории к сложности реального мира. Так, например, снижение рождаемости в принципе должно повлиять на структуру потребления, что в свою очередь отразится на относительных ценах товаров и, следовательно, на отраслевой структуре занятости. Эти изменения вызовут сдвиги в тенденциях экономического развития городских и сельских районов. Круг причинно-следственных связей замкнется, когда эти сдвиги сами окажут воздействие на потребление, миграцию, смертность и, возможно, рождаемость. Именно поэтому, с точки зрения авторов современных моделей, опасно изучать лишь частные или односторонние отношения типа тех, которые рассматривались нами выше. Включение в эти модели сложных и различно взаимодействующих связей позволяет имитировать кумулятивный (прямой и косвенный) эффект демографической политики: как отдельных правительственных мер, так и их совокупности.

Во-вторых, в новейших моделях демографические процессы и демографическая политика (рассматриваемая в наиболее широком смысле) являются эндогенными переменными и анализируются весьма подробно. Население в них рассматривается не как неделимое целое (что было общим недостатком прежних моделей), а как некая совокупность, дифференцированная по полу, возрасту, месту проживания и т. п. Отсюда и возникает возможность моделировать процесс воздействия различных государственных мероприятий на различные компоненты демографического развития, причем речь идет не о воздействиях на население вообще, а о мерах в отношении его конкретных групп.

В-третьих, охватываемый этими моделями период времени (от 10 до 50 лет) намного превышает традиционный плановый период, обычно составляющий не более 5 лет. Это особенно важно, если учесть, что игнорирование долгосрочных тенденций чревато опасностью накопления ошибок краткосрочного планирования.

В-четвертых, модели этого класса представляют собой очень полезный инструмент исследования. Они дают возможность лучше познать экономико-демографические взаимосвязи, выявить недостатки методов сбора и обработки статистической информации, а также вычленив вопросы, требующие дальнейшего, более интенсивного изучения.

Однако и эти модели не свободны от недостатков. Вот некоторые из них.

1. Поскольку задачей данных моделей является долгосрочное прогнозирование, они зачастую предают забвению некоторые важные экономические факторы конъюнктурного порядка (например, цены, банковские учетные ставки). Поэтому эти модели мало что могут дать для формулирования краткосрочной экономической политики.

2. От долгосрочного прогнозирования нельзя ожидать большой точности: оно способно показать лишь основные тенденции. При этом многие гипотезы, положенные в основу современных моделей, вряд ли правомерны. Так, например, предполагается, что общественные институты и структура власти остаются неизменными, а некоторые качественные факторы — предпринимательский дух, стремление к нововведениям, направленность технического прогресса — сохраняют независимость от характера демографического развития. Отсюда следует, что и в сложных многоуровневых моделях надо видеть не более чем своего рода лаборатории, которые предназначены для экспериментов с различными вариантами демографической политики — но обязательно в рамках постоянной институциональной структуры.

3. Выводы моделирования зависят от его предпосылок. Это банальное утверждение не всегда должным образом принимается во внимание. Так, например, если строить модель на предположении, что всякое увеличение рабочей силы имеет своим следствием падение предельной производительности труда, то вывод будет, несомненно, настаивать на отрицательной зависимости душевого дохода от

демографического роста. Точно так же модель, которая предполагает, что санитарно-гигиенические условия воздействуют лишь на уровень смертности, а миграция влияет на все компоненты демографического роста, неминуемо приводит к следующему заключению: экономика более чувствительна к миграционной политике, нежели к политике здравоохранения. Если гипотезы, положенные в основу модели, разумны, то и выводы будут правильны. Но нельзя забывать, что многие из этих выводов, по существу, закладываются в модель еще на стадии формулирования ее основных предпосылок.

4. Статистические данные и эмпирические знания, используемые в экономико-демографических моделях, нередко оставляют желать лучшего. Этот факт обуславливает важность исследования частных взаимосвязей экономических и демографических процессов, о чем шла речь выше. Если принять во внимание очень большой объем необходимой для построения модели статистической информации и наличия «белых пятен» в теории, то покажется неудивительным, почему столь часто при создании моделей прибегают к процедурам подмены недостающих данных корреляционными соотношениями, рассчитанными по материалам других стран, либо собственными суждениями о том, каковы должны были бы быть эти данные. Используемые в моделях корреляции лишь приблизительно соответствуют действительности. Чем сложнее модель, тем больше она содержит приблизительных корреляций, тем более она чувствительна к принципам их сочетания. Поэтому особенно важно, чтобы корреляционные уравнения модели как можно точнее отражали реалии изучаемой страны. При построении моделей всегда следует задать себе следующие вопросы: так ли важны включенные в модель корреляции и не существует ли других, более важных, о которых забыли? Правильно ли вычислены количественные параметры этих соотношений и соответствуют ли они реальному положению дел в изучаемой стране? Исключают ли принятые в модели гипотезы возможность подмены выводов предпосылками?

Итак, современные экономико-демографические модели позволяют получить важную информацию, недоступную при использовании прежних чисто экономических или чисто демографических моделей. Вместе с тем эти модели могут быть полезны для целей планирования только при

условии их тщательной проработки, точной дефиниции понятий и показателей, ясного представления об имеющихся ограничениях и очень большой осторожности при интерпретации результатов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Вывод всех моделей первого поколения, применявшихся в практике планирования развития, о неблагоприятном воздействии роста населения на экономический рост предопределялся, по существу, игнорированием важных экономико-демографических взаимосвязей. 2. На основе изучения трех важных переменных (предложение рабочей силы, миграция, рождаемость) было показано, что эти переменные весьма чувствительны к мерам государственной политики и к стратегии экономического и социального развития. 3. Выявлена аналитическая и практическая ценность современных комплексных экономико-демографических моделей при условии ясного представления о присущих им ограничениях.

В заключение отметим, что недопустимо отделять демографические вопросы от вопросов экономического планирования. Представляется очень важным научное познание существа взаимосвязей экономических и демографических явлений и учет этих связей в планировании. Вместе с тем следует подчеркнуть, что отрицать демографическую политику под тем предлогом, что экономический рост сам-де разрешит любые демографические проблемы, так же неверно, как и утверждать, что рост населения является главным (а то и непреодолимым) препятствием для экономического развития.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

*Рауль Эрнандес Кастельон,
Педро Вальдес Суарес¹*

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РОСТА НАСЕЛЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Характер производственных отношений, присущий данной социально-экономической системе, решающим образом влияет на формирование режима воспроизводства населения. Исторический опыт свидетельствует, что в той мере, в какой население испытывает воздействие модернизации процесса социально-экономического развития, оно само испытывает изменение своих демографических характеристик, которое проявляется главным образом в снижении величин смертности и рождаемости [1]. Главная интерпретация такого рода изменений, основанная преимущественно на историческом опыте социально-экономического развития стран Западной Европы, известна в настоящее время как концепция «демографического перехода».

Демографический переход может быть охарактеризован тремя главными моментами. 1. В его начальную стадию, пришедшуюся на конец XVIII — начало XIX в., господствовали высокие уровни рождаемости и смертности при весьма низком среднегодовом темпе роста населения (порядка 0,5%), что было вызвано частыми повышением смертности вследствие войн, эпидемий, неурожаев и т. д. 2. С началом процесса модернизации социально-экономического устройства общества в результате промышленной

¹ Raúl Hernández Castellón, Pedro Valdés Suárez. La población, Editorial de Ciencias Sociales. La Habana, 1978, p. 37—66. Рауль Эрнандес Кастельон и Педро Вальдес Суарес — сотрудники Демографического центра экономического факультета Гаванского университета (Куба).

революции и ломки феодальных структур появились возможности для более совершенной организации системы здравоохранения; ускоренный процесс урбанизации обеспечил улучшение санитарно-гигиенических условий среды обитания, что вместе с ростом доходов и формированием более справедливой структуры их распределения создало основу для постепенного уменьшения смертности. Что касается рождаемости, то в подавляющем большинстве случаев она не снижалась на протяжении рассматриваемого отрезка времени, а в тех случаях, когда такое снижение все же имело место, оно не было столь значительным, как снижение смертности. В итоге темп роста населения в этот период ускорился. 3. В конце концов, с течением времени рождаемость начала падать; воздействие урбанизации, изменение характера производства и распределения товаров и услуг, изменение роли семьи и снижение смертности создавали объективные и субъективные условия, при которых небольшая по размеру семья становилась все более функциональной и все более соответствовала новым господствовавшим в обществе производственным отношениям. Снижение рождаемости привело к тому, что коэффициент прироста населения вначале стабилизировался, а затем стал падать.

Демографический цикл завершился, таким образом, возвращением к своему исходу, то есть к стадии медленных темпов роста населения. Однако теперь эти невысокие темпы были уже вызваны очень низкими уровнями рождаемости и смертности, которые присущи в настоящее время промышленно развитым странам. В Латинской Америке демографический переход также проявился в той или иной мере, однако ему свойственны свои специфические характеристики, которые весьма сильно отличаются от характеристик, отмеченных в европейских странах. После 1950-х годов в большинстве стран региона смертность резко снизилась, в то время как рождаемость продолжала оставаться почти неизменной, что привело к формированию самых высоких темпов роста населения из всех когда-либо зарегистрированных за всю историю человечества. Отметим, что в большинстве развитых стран уровень рождаемости в момент начала уменьшения смертности был значительно ниже средних показателей, наблюдавшихся в Латинской Америке в начальной стадии демографического перехода.

С другой стороны, в прошлом смертность в Европе снижалась медленно и с перерывами, напротив, в большинстве латиноамериканских стран смертность снизилась быстро, в течение буквально последних десятилетий. Если в развитых странах наибольшее увеличение средней продолжительности жизни часто происходило вслед за падением рождаемости, то в Латинской Америке уровень рождаемости почти во всех странах снизился незначительно, а в некоторых из них остался без изменений.

Особенности демографического перехода в Латинской Америке кратко можно было бы охарактеризовать посредством выделения трех групп стран. 1. Первая группа — это страны, которые далеко продвинулись в направлении последних фаз демографического перехода. Большинство из них свойствен высок уровень прогрессивных преобразований социально-экономических структур; сюда относятся государства Южной Америки, Куба¹ и некоторые другие территории и страны региона (Барбадос, Тринидад и Тобаго, Гайана и др.). 2. Вторая группа — это страны, в которых в последнее время началось снижение смертности и которые можно квалифицировать как находящиеся на полпути от первой ко второй стадии демографического перехода; в эту группу входят Эквадор, Парагвай, Боливия и страны Центральной Америки, за исключением Панамы и Коста-Рики. 3. Третью группу образуют прочие страны Латинской Америки; все они находятся на втором этапе демографического перехода, хотя уровни рождаемости и смертности в них далеко неодинаковы.

Влияние некоторых социально-экономических факторов на демографические показатели

Уровни и тенденции рождаемости в странах Латинской Америки характеризуются в последние десятилетия значительной неоднородностью. В общем и целом рождаемость здесь очень высока по сравнению с другими регионами мира, однако в последние годы отмечается определенная тенденция к ее снижению. В то же время, как уже указывалось выше, смертность в большинстве стран региона в

¹ Куба, как и некоторые другие социалистические страны, относится, по официальным данным ООН, к развивающимся странам. — *Прим. ред.*

послевоенный период уменьшалась быстро и стабильно.

Динамика снижения смертности в Латинской Америке существенно отличается от хода этого процесса в современных промышленно развитых странах. В последних уменьшение смертности было достигнуто не сразу, а происходило в течение длительного периода и сопровождалось постепенной модернизацией общества и улучшением условий жизни. Напротив, в Латинской Америке быстрое снижение смертности обязано своим происхождением не глубоким изменениям социальной структуры, а главным образом широкому применению новых эффективных средств укрепления здоровья и борьбы с заболеваниями, ввозимых сюда из стран с более высоким уровнем социально-экономического развития.

Среди стран региона отмечаются значительные различия в уровнях смертности: средняя продолжительность жизни составляет в Гаити 44,5 года, в то время как на Кубе она равна 71 году, то есть разрыв превышает 25 лет. Это обусловлено в первую очередь уровнем социально-экономического развития, достигнутым каждой из этих стран. Надо также помнить, что современные медицинские средства и лекарственные препараты, используемые для борьбы со смертностью, почти целиком ввозятся в Латинскую Америку из-за рубежа.

Если верно то, что нововведения, применяемые теперь для предупреждения болезней, особенно паразитарных и инфекционных, способствуют значительному снижению уровней смертности (и прежде всего детской), то не менее верно и то, что неодинаковая степень доступности медицинских средств для различных слоев населения, неравенство в распределении доходов и неудовлетворительные условия жизни большинства жителей латиноамериканских стран препятствуют дальнейшему снижению смертности.

Следует обратить особое внимание на высокую смертность в Гаити, Боливии, Гватемале, Сальвадоре, Гондурасе и Доминиканской Республике. Этот факт полностью соответствует чрезвычайно низкому уровню экономического развития этих стран, что выражается, в частности, в больших масштабах неграмотности, низком уровне питания и неудовлетворительном обеспечении населения медицинским обслуживанием. Сюда следует добавить неравенство в распределении национального дохода, которое приводит к тому, что большая часть населения этих стран живет в

куда более худших условиях, чем об этом можно судить по среднестатистическому показателю душевого дохода (табл. 1).

Таблица 1

Распределение доходов в Латинской Америке

Группа населения	Доля совокупного национального дохода, приходящаяся на данную группу населения, %	Среднедушевой размер дохода (среднедушевой размер дохода в регионе = 100)
20% (наиболее бедное население)	3,1	15,5
30% (доходы ниже среднего по региону)	10,3	34,0
30% (доходы выше среднего по региону)	24,1	80,0
15% (доходы ниже, чем у 5% с наивысшими доходами)	29,2	195,0
5% (население с наивысшими доходами)	33,4	670,0

Источник: ONU. *La distribución del ingreso en América Latina*. Nueva York, E/CN, 13/863, 1970, Tabla 1, p. 33.

Уровень рождаемости обуславливается целым комплексом социально-экономических факторов, влияние которых проявляется в различной степени и в различных формах и приводит к возникновению бесконечного числа демографических характеристик. «Однако главный фактор, в конечном счете определяющий тип воспроизводства населения, — это способ производства материальных благ, и он базируется на экономической и политической структуре общества, на характере политики государства в области народонаселения и охраны здоровья» [2].

В большинстве стран Латинской Америки условия жизни населения определяются многими причинами, которые действуют в сторону поддержания рождаемости на относительно высоком уровне, а именно: преобладает низкий культурный уровень, сопровождаемый высоким процентом неграмотного населения; развитие медицины и здравоохранения не достигает всех слоев населения (и прежде всего наиболее бедных и одновременно наиболее многочисленных его слоев); удерживается высокая детская смерт-

ность, доходы семьи остаются низкими. Все эти причины вместе с такими фактами, как использование детского труда, ранний возраст вступления в брак женщин, сильное влияние католической религии и все еще широкое распространение отживающих традиций создавали и продолжают создавать условия для сохранения высоких показателей плодovitости супружеских пар [3].

Исторический опыт свидетельствует, что снижение рождаемости связано с ростом индустриализации, урбанизации, процессами массового вовлечения женщин в общественное производство и повышения уровня образования и культуры. Такую демографическую эволюцию можно проследить на недавних примерах изменения уровня рождаемости в социалистических странах, главным образом начиная с конца 40-х годов.

Анализ современного положения и перспектив использования экономически активного населения

Демографические тенденции в странах Латинской Америки привели к тому, что в целом возрастная структура населения характеризуется высокой долей лиц, находящихся за пределами трудоспособного возраста. Только в двух странах региона доля населения моложе 14 лет менее 30% от общей численности населения. В Аргентине и Уругвае она составляет 29%. Чили, Барбадос и Пуэрто-Рико имеют долю молодого населения, колеблющуюся от 35 до 38%, в остальных странах региона этот показатель превышает 40%. Иначе говоря, число лиц вне трудоспособного возраста изменяется от 58 (Аргентина и Уругвай) до 132 человек (Суринам) на каждые 100 человек в трудоспособном возрасте.

Такая структура состава населения предполагает в то же время высокий коэффициент вступления в рабочий возраст. И действительно, в Латинской Америке на каждые 100 лиц трудоспособного возраста ежегодно приходится 25 потенциальных работников [4].

В общем можно констатировать, что в Латинской Америке, за исключением Аргентины и Уругвая, население в рабочих возрастах составляет очень низкий процент общей численности населения (менее 60%), к тому же этот процент систематически снижался в течение последних десятилетий вследствие больших различий в уровнях рождае-

мости и смертности. С другой стороны, экономически активное население в странах региона (занятые плюс ищущие работу) составляет значительно более низкую долю по сравнению с таковой в промышленно развитых странах.

Подсчитано, что около 55% населения региона в возрасте от 15 до 64 лет является экономически активным, тогда как в Западной Европе эта доля достигает 67%. Причина различия состоит в низком уровне занятости латиноамериканских женщин, несмотря на в целом более высокую занятость лиц за пределами трудоспособного возраста. Если в Латинской Америке занятость женщин составляет всего 20—25%, то в Западной Европе этот показатель превышает 50%.

К указанным выше проблемам можно было бы добавить еще одну, а именно: использование экономически активного населения в хозяйстве латиноамериканских стран подвержено влиянию высокого уровня безработицы и частичной и неполной занятости. Согласно оценкам, в 1960-х годах более 40% активного населения региона относились к частично занятым при уровне безработицы 27,4% от общей численности экономически активного населения [5].

Возрастание числа безработных в 1950—1965 гг. в конечном счете связано с разрушением традиционной экономической структуры латиноамериканского общества, которое вызвано ростом современной промышленности. Последняя не в состоянии использовать всю наличную рабочую силу, часть ее продолжает оставаться излишней и оседает главным образом в сельскохозяйственном секторе. Недостаточное по своему объему создание новых рабочих мест в традиционном секторе экономики активизирует миграцию населения в рабочих возрастах (главным образом молодых людей) из сельских районов в урбанизированные. Очевидно, что в рамках существующих в Латинской Америке социально-экономических структур перспективы повышения уровня занятости вряд ли многообещающие, поскольку господствующие в регионе условия слабого экономического развития и высокие темпы вступления населения в трудоспособный возраст должны скорее поддерживать тенденцию к ухудшению нынешней ситуации.

Необходимы структурные изменения, которые гарантировали бы гармоничное и пропорциональное развитие всех отраслей экономики в целях достижения полной за-

нятости всего мужского населения и более интенсивного вовлечения женщин в производство. Тем самым были бы созданы необходимые предпосылки для уничтожения безработицы, снижения уровня неполной занятости и повышения качества жизни латиноамериканского населения.

ПОЛИТИКА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

В документе, который был подготовлен Вторым Латиноамериканским совещанием по проблемам народонаселения под эгидой ООН (Мехико, 1975 г.) [6], после краткого анализа результатов Первого Латиноамериканского совещания, а также рассмотрения итогов работы Всемирной конференции ООН по народонаселению (Бухарест, август 1974 г.) излагаются главные положения принятого на данной конференции Всемирного плана действий в области народонаселения. Отмечается также, что в Бухаресте был выработан согласованный подход к некоторым тезисам и что «достижение такой договоренности имеет исключительно большую практическую значимость, куда более важную, чем простая констатация наличия национальных и региональных различий в политической организации, культуре и уровнях развития разных стран». Ниже приводятся важнейшие из согласованных принципов.

1. Признается наличие неразрывной связи между демографическими характеристиками населения и уровнем социально-экономического развития данного общества.

2. Признается первичность социально-экономического развития как основы эффективного решения проблем народонаселения. Иными словами, политика и мероприятия в области народонаселения рассматриваются не как альтернатива политике и мероприятиям экономического роста, а как средства для претворения их в жизнь.

Необходимо, однако, отметить, что здесь не акцентируется то положение, что не только социально-экономическое развитие само по себе является непременным условием решения «проблем народонаселения»; но что лишь изменение существующей социально-экономической структуры общества может привести к постепенному исчезновению неравенства в распределении доходов как лишь одной из составляющих всего комплекса неравенств, присущего Латинской Америке.

Далее, хотя в этом документе подчеркивается важность снижения темпов роста населения, вместе с тем здесь же указывается, что, «даже если в развивающихся странах и произойдут существенные изменения в уровне рождаемости (...), коэффициенты прироста населения останутся в течение жизни нескольких поколений достаточно высокими, что обеспечит значительное увеличение абсолютной численности населения».

«Можно, вероятно, ожидать, что эти демографические тенденции не будут проявляться совершенно одинаково во всех странах Латинской Америки из-за наличия различий между ними в численности населения, его плотности, размерах природных богатств и достигнутых уровнях развития в каждой из стран».

Если даже допустить, что приведенное выше утверждение содержит в себе идеи страха перед ростом населения, или, иначе (если употребить чрезвычайно модный в настоящее время термин) демографическим взрывом, то все же приходится считаться с тем фактом, что экономическое положение латиноамериканского населения имеет тенденцию к ухудшению.

Концепции и идеологическая интерпретация роли народонаселения в развитии Латинской Америки

Итак, как показало последнее латиноамериканское совещание по проблемам народонаселения, существует согласие относительно отдельных положений программ деятельности в области народонаселения. Тем не менее по-разному оценивается та роль, которую должно играть население в развитии общества, или, точнее, то значение, которое имеет для процесса развития рост численности населения; ниже мы приводим краткий анализ этих разных точек зрения [7].

Отметим, что все излагаемые здесь взгляды предполагают, что такие явления, как проблемы народонаселения и слабое экономическое развитие, не могут рассматриваться изолированно друг от друга.

1. Сторонники одних взглядов под «развитием» понимают прежде всего достижение более высоких темпов роста производства и потребления. С этих позиций любые мероприятия, которые способны привести к сокращению темпов роста населения, имеющего очень низкие доходы,

уменьшают вероятность социальных конфликтов и предоставляют больше времени и возможностей для изыскания ресурсов, требуемых для достижения первоочередных задач развития. Полагаем, что нет необходимости комментировать или как-то истолковывать эту позицию: она настолько реакционна, что говорит сама за себя.

2. Сторонники другой точки зрения полагают, что стратегия развития, изложенная выше, способствует лишь абстрактному псевдоразвитию, которое сохраняет и увековечивает несправедливое зависимое положение стран развивающегося мира в капиталистической системе эксплуатации [8]. Другими словами, предполагается, что социально-экономическое развитие в собственном смысле этого слова возможно лишь после революционных преобразований существующего строя и уничтожения отношений зависимости.

3. Наконец, третья точка зрения акцентирует внимание на том влиянии, которое оказывает быстрый рост населения на благосостояние человечества и развитие семьи в аспекте доступа к средствам планирования интенсивности деторождений и тем самым на содержание государственной политики в отношении роста населения [9].

Позиция Кубы была изложена в речи Хосе А. Гутьерреса Муньиса, главы кубинской делегации на Всемирной конференции по народонаселению в Бухаресте и на Втором Латиноамериканском совещании по проблемам народонаселения в Мехико. Ниже приводятся выдержки из этого выступления [10].

«Возможно, один из самых важных выводов Всемирной конференции ООН по народонаселению состоит в том, что она в какой-то степени рассеяла «страх перед ростом населения», на основании которого упорно отказывались рассматривать проблемы «демографического взрыва». Конференция указала, хотя, возможно, и не столь решительно, как хотелось бы, что необходимые изменения демографического фактора могут произойти лишь как следствие кардинальных преобразований социально-экономической структуры общества, преобразований, без которых в конечном счете самые лучшие мероприятия демографической политики обречены на провал».

«Идеологи империализма заявляли, что слабое экономическое развитие является следствием «демографического взрыва». Мы выступаем против такого взгляда, по-

скольку полагаем, что, напротив, высокие темпы роста населения присущи слабому экономическому развитию, они суть продукт этого развития, равно как и продукт империалистической эксплуатации».

«Хотя мы признаем, что «демографический взрыв», там, где он имеет место, является следствием отсталости, вызванной отношениями зависимости в системах традиционного колониализма и современного империализма, мы не отрицаем при этом необходимости политики снижения рождаемости как средства смягчения ряда серьезных проблем, какие существуют в некоторых латиноамериканских странах».

«Процесс глубоких социальных преобразований, которые несет в себе революция, сам по себе еще недостаточен для развития, но сами эти преобразования являются необходимыми его предпосылками».

«Мы подчеркиваем, что формулирование демографической политики, различной по своему направлению и содержанию, является суверенным правом каждой конкретной страны и что такая политика не может и не должна быть навязываема стране путем безответственного использования средств массовой информации, а должна добровольно приниматься заинтересованным в ней населением».

Всемирный план действий ООН в области народонаселения и мероприятия правительств по формулированию и осуществлению демографической политики

Выше в самом общем виде была сформулирована позиция Кубы в отношении содержания политики народонаселения. Дополним сказанное некоторыми выдержками из книги «Население Кубы» [11]:

«Демографическая политика, будучи всегда частью мероприятий в рамках общей стратегии развития, должна включать в себя следующие аспекты:

обеспечение полной занятости всего трудоспособного населения;

массовое вовлечение женщин в общественное производство;

равные права мужчин и женщин;

рациональная и плановая урбанизация, с упором на преобразования в сельских районах;

равномерное развитие районов в целях предупреждения массовых миграционных потоков в крупные городские центры;

постоянное повышение образовательного и культурного уровня населения в интересах развития науки и техники;

осуществление широкой политики здравоохранения, направленной на улучшение здоровья всех слоев населения, на постоянное снижение уровней заболеваемости и смертности и на предоставление супругам права самим решать вопрос о том, сколько детей они хотят иметь;

ликвидация голода и истощения как причин смерти».

Указанные аспекты вместе с упомянутыми ранее входят в содержание политики народонаселения, которая; подчеркнем мысль эту еще раз, объявляется неотъемлемой составной частью общих планов социально-экономического развития той или иной страны.

Всемирная конференция ООН по народонаселению (Бухарест, 1974 г.) приняла, как уже говорилось, Всемирный план действий в области народонаселения. Этот документ обретает большое значение, если рассматривать его, в частности, с позиций тех мероприятий в области народонаселения, которые должны быть проведены в Латинской Америке. План действий анализирует имеющиеся проблемы населения и развития, перечисляет «комплекс принципов, норм и рекомендаций для деятельности в этой области», а также накладывает определенные обязательства самого общего характера на национальные правительства и на организации, которые принимают участие в этой работе на уровне международного сотрудничества. При этом речь, однако, не идет о плане действий в собственном смысле этого слова, поскольку в нем не ставится точных целей и задач (за исключением вопросов смертности), равно как и не предлагается стратегия для их достижения, выраженная в каких-либо конкретных практических обязательствах стран, подписавших документ [12].

Это сделано исходя из того, что практическая деятельность по выработке и осуществлению политики народонаселения признается в качестве прерогативы и суверенного права национальных правительств, что в каждой стране существуют специфические условия и обстановка и что, наконец, имеются противоречивые, а подчас и антагонистические концепции и точки зрения на пути решения демографических проблем.

План действий содержит три типа предложений, которые касаются:

1) «прав и обязанностей индивидуумов, социальных групп и государств»;

2) «задач учреждений, ответственных за разработку, осуществление и изменение демографической политики»;

3) «целей, задач и инструментов демографической политики». Эти предложения носят характер рекомендаций или пожеланий, за исключением тех, которые имеют отношение к вопросам смертности.

Конечная цель плана формулируется как «призванная содействовать более гармоничному развитию демографических тенденций социально-экономического прогресса» [13].

Другой важный момент плана состоит в указании на то, что «на стадии прогнозирования специфические формы социально-экономического прогресса, как на национальном уровне, так и на уровне политических и экономических структур отдельных стран и регионов, рассматриваются в качестве определяющих факторов изменения демографических характеристик».

Разработка Плана действий отражает осознание международным сообществом важности учета тенденций демографического роста для социально-экономического развития, а социально-экономический характер рекомендаций, содержащихся в нем, свидетельствует о том, что мировой общественностью осознана также та решающая роль, которую играет социально-экономический прогресс для развития демографических процессов.

В плане действий не сформулировано полностью понятие политики народонаселения, однако из его текста можно извлечь некоторые основные элементы этого понятия.

Мы приводим эти элементы в том виде, как они изложены в документе, озаглавленном «Всемирный план действий в области народонаселения и проблемы народонаселения Латинской Америки» [14].

1. «Под политикой народонаселения понимается такая политика, которая оказывает влияние на рост населения, на уровень заболеваемости и смертности, на режим воспроизводства населения и формирование семьи, на характер расселения, на внутреннюю и международную миграцию, словом, на все демографические структуры» (§ 15.с).

2. «Конечная цель демографической политики состоит

в повышении уровня и улучшении качества жизни населения» (§ 14.a).

3. «Принимая во внимание сложные и тесные связи, которые существуют между динамикой численности населения и динамикой процессов развития, план действий констатирует, что демографическая политика является составной частью политики социально-экономического развития (§ 14.d). Это положение покоится на двух исходных посылах. С одной стороны, демографическая политика оправдывает себя в той мере, в какой она, воздействуя на динамику и структуру населения, способствует достижению целей развития (§ 14.d); с другой — для реализации определенных демографических задач, особенно в условиях слабого экономического развития, требуется воздействие на многочисленные социальные и экономические факторы (§ 14.e и 68). По этим причинам политика народонаселения приобретает *междисциплинарный характер*».

4. «Ввиду инерционности динамики народонаселения мероприятия демографической политики носят *долгосрочный характер*» (§ 18).

Исходя из изложенного выше понятия политики народонаселения, в Плане действий формулируется целый комплекс «норм и рекомендаций в отношении инструментов этой политики, необходимых для ее разработки (I) и реализации (II) [15]. План действий рекомендует «создавать в стране на высоком административном уровне специальный орган, который отвечал бы за формулирование демографических аспектов развития» (§ 95). «Независимое положение данного учреждения позволит ему проводить свою работу на межведомственном уровне; тем самым создается возможность для того, чтобы мероприятия и программы, которые принимаются с целью достижения определенных демографических результатов, включались в генеральные социально-экономические планы и программы» (§ 95) [16].

Лишь несколько латиноамериканских стран реализовали в прошлом идею создания такого специального учреждения, и среди них: Доминиканская Республика, которая образовала в 1968 г. Национальный совет по вопросам населения и семьи, Колумбия — Национальный совет по проблемам народонаселения, 1970 г., Аргентина — Национальный комитет по вопросам демографической политики, 1974 г., и, наконец, Мексика, которая на основе Закона по

вопросам народонаселения создала в 1973 г. Национальный совет по проблемам народонаселения.

В целях расширения этого списка в выводы и рекомендации Второго Латиноамериканского совещания по проблемам народонаселения были включены следующие позиции [17].

1. «Рекомендовать странам региона с учетом существующих в них административных структур изучить возможность создания советов, комиссий или других подобных учреждений, которые имели бы полномочия по выработке мероприятий в области народонаселения на высоком иерархическом уровне и которые были бы правомочны выполнять следующие функции:

а) формулировать общие направления политики народонаселения, являющейся составной частью стратегии и планов социально-экономического развития и рассматривающей различные компоненты демографических изменений в их совокупности;

б) добиваться того, чтобы принятая политика своевременно проводилась в жизнь соответствующими государственными учреждениями;

в) периодически давать оценку политики народонаселения и ее результатов;

г) способствовать сбору статистических данных и проведению исследований, результаты которых составят статистическую и научную базу для целей разработки, реализации и оценки политики народонаселения;

д) содействовать делу подготовки специального персонала с навыками междисциплинарного подхода к проблемам народонаселения как для нужд обобщения статистической информации и проведения научных исследований, так и для эффективного исполнения принятых программ».

2. «Для лучшей реализации таких функций упомянутые учреждения должны:

а) включать в себя представителей различных центральных национальных учреждений, занятых разработкой, осуществлением и оценкой политики народонаселения;

б) быть функционально связанными с органами, принимающими политические решения, с тем чтобы обеспечить включение политики народонаселения в практику планирования социально-экономического развития».

Поскольку в документе не упоминаются конкретные страны, представляется интересным познакомиться с ре-

результатами недавнего обследования в 25 странах региона, которые в том или ином виде сформулировали свою позицию по отношению к политике планирования семьи [18]:
запрещено производство и распространение современных средств контрацепции — 1 страна;

центральное правительство *допускает* проведение частными организациями или местными властями мероприятий по планированию семьи — 7 стран;

центральное правительство *поддерживает* проведение мероприятий по планированию семьи частными организациями или местными властями — 2 страны;

правительство включает мероприятия по планированию семьи в национальные программы развития — 15 стран.

«Следует указать, что во всех странах Латинской Америки, за исключением Кубы, существует система мероприятий по контролю над рождаемостью, которые проводятся частными учреждениями данных стран, входящими в своем большинстве в Международную федерацию планирования семьи; следует указать далее, что правительства стремятся включить эти мероприятия в правительственные программы здравоохранения или же организуют, параллельно с уже проводящимися мероприятиями, государственную службу планирования семьи как компонента программ охраны здоровья матери и ребенка. В течение последних 15 лет число программ планирования семьи в странах региона значительно возросло... Такая же тенденция наблюдается и в других регионах, в которых преобладают развивающиеся страны» [19].

Однако эти столь важные организационные изменения в области политики контроля над рождаемостью оказали слабое влияние на эффективность решения назревших социально-экономических проблем, стоящих перед Латинской Америкой. Эти острые социально-экономические проблемы нашли отражение в уже цитировавшихся выводах и рекомендациях Второго Латиноамериканского совещания [20].

«Анализ деятельности стран в области народонаселения и возможного вклада в эту работу региональных органов показал необходимость делать различие между ситуациями, которые возникли вследствие взаимодействия социально-экономических, политических и демографических структур в конкретных условиях каждой страны, и кризисными ситуациями, которые развиваются вследствие

увеличения спроса на услуги в результате изменения численности населения».

«Среди кризисных ситуаций первого рода делегаты совещания выделили следующие:

а) продолжающиеся неблагоприятные тенденции урбанизации и метрополизации и неравномерный характер развития отдельных частей региона;

б) бессмысленное уничтожение и нерациональное использование природных ресурсов;

в) нарушение условий среды обитания человека, особенно серьезное в городских районах;

г) негативные тенденции в развитии сельского хозяйства и их воздействие на занятость, уровень жизни, доступ к услугам, детскую смертность, а также на условия, обеспечивающие высокую плодородность;

д) недостаточное предложение рабочих мест по сравнению с темпами роста численности населения и процесса урбанизации, а в результате высокий уровень безработицы и неполной занятости;

е) выезд из региона высококвалифицированных кадров и миграция рабочей силы между соседними странами;

ж) нарушения и аномалия структуры и уровня потребления, а равно неадекватный с точки зрения задач внедрения новой технологии и обеспечения занятости характер капиталовложений, а также распыление капиталовложений на второстепенные нужды».

«Среди кризисных ситуаций второго рода необходимо специально выделить растущую потребность в развитии систем образования и здравоохранения, в строительстве жилья и т. д., что прямо связано с тенденциями динамики численности, размещения и изменения структуры населения».

«Делегаты считают, что обе категории кризисных ситуаций заслуживают одинаково серьезного внимания со стороны правительств и рекомендуют применение конкретных и согласованных программ действий, которые в равной степени затрагивают интересы индивида, семьи и социальных групп, ведут как к удовлетворению их жизненных потребностей, так и к полной реализации их потенциальных возможностей».

«Полагаем, что нет необходимости детально перечислять достижения кубинского народа в решении указанных выше «кризисных ситуаций» (иначе говоря, серьезных

проблем, связанных с ростом населения). Они хорошо известны. Положение в других латиноамериканских странах совершенно противоположно, и путь, который им еще предстоит пройти, чтобы приступить к решению проблем народонаселения, весьма сложен».

Некоторые империалистические страны, виновные в слабом экономическом развитии «третьего мира», не только не принимают никаких мер экономического, социального или финансового характера, которые вели бы к достижению большей справедливости в международных экономических отношениях, а, наоборот, упорно стремятся продолжать свою политику шантажа и угроз. Так, например, недавно принятый в США закон о внешней торговле представляет собой громадный шаг назад в нормах международного сообщества и предвещает, если его действие будет расширяться, мрачные перспективы для социально-экономического прогресса развивающихся стран. Таким образом, с одной стороны, позиция противостояния, которую займет в этом случае «третий мир» для защиты своих интересов перед угрозой агрессии, а с другой — сложность современной демографической обстановки в регионе могут повлечь за собой не улучшение условий жизни всех слоев населения, а напротив, нарастание экономического и социального хаоса, усугубляемого голодом и ужасающей нищетой».

«Демография не есть наука об одних лишь количественных закономерностях; за всеми ее индексами и показателями стоит человек. На ассамблее народов Латинской Америки забота о человеке явилась тем мотивом, который побудил народы собраться здесь и выступить в защиту качества жизни. Делегация Кубы не преминет поднять голос с требованием предоставить всем нациям возможность в полной мере пользоваться своим суверенитетом и правами на человеческое достоинство».

ЛИТЕРАТУРА

1. González Fernando. Población y desarrollo: consideraciones generales.—«Economía y Desarrollo», № 27, La Habana, enero-febrero de 1975, p. 141.

2. Smulevich R. Y. Características actuales y futuras de la reproducción de la población.—Conferencia Mundial de Población. Belgrado, 1965, vol. II, p. 37 (ONU).

3. Valdés Pedro. Algunas relaciones básicas entre el crecimiento poblacional y el desarrollo económico, Centro de Estudios Demográficos, Instituto de Economía, Universidad de La Habana (в печати).

4. González Fernando. Op. cit., p. 146.

5. ONU, Departamento de Asuntos Económicos y Sociales: *Informe sobre la situación social en el mundo*, 1970. Nueva York, 1972, p. 42.

6. CEPAL: Perspectivas para la acción en población en América Latina. La contribución de los organismos regionales. Segunda Reunión Latinoamericana sobre Población. México, 1975, ST (CEPAL) con. 54/L.5, p. 3.

7. CEPAL, Reunión Latinoamericana preparatoria de la Conferencia Mundial de Población: *Población y desarrollo en América Latina*. E/CN. 12/973, febrero de 1974, vol. I, p. 55.

8. Ibidem.

9. CEPAL, Reunión Latinoamericana preparatoria de la Conferencia Mundial de Población: *Población y desarrollo...* (op. cit.), p. 61.

10. II Reunión Latinoamericana sobre Población. Ciudad México. 3—7 de marzo de 1975.

11. González F., Farnós A., Hernández R. (y otros). La población de Cuba. Centro de Estudios Demográficos, Instituto de Economía, Universidad de La Habana, 1975.

12. CELADE-CEPAL, II Reunión Latinoamericana sobre Población: *Implicaciones para América Latina del Plan de Acción Mundial*. ST(CEPAL) conf. 54/L.4, enero de 1975, p. 1.

13. Ibidem, p. 3.

14. Ibidem, p. 11.

15. Ibidem, p. 12.

16. Ibidem.

17. CEPAL, II Reunión Latinoamericana sobre Población: *Informe provisional de la reunión*. ST(CEPAL) conf. 54/L.9, marzo de 1975, p. 7.

18. United Nations: *Report on the Second Actuary Inquiry Amount Government on Population and Development*. E/Conf. 60/CB2/62.

19. CELADE-CEPAL, II Reunión Latinoamericana sobre Población: *Implicaciones para...* (op. cit.), p. 15—17.

20. CEPAL, II Reunión Latinoamericana sobre Población: *Informe provisional...* (op. cit.), p. 20—21.

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ АЗИИ

К. Ийо, Т. Хирука, С. Като¹

ПРОБЛЕМЫ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВО ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Равновесие между ростом населения и способностью человечества обеспечить себя продуктами питания всегда отличалось ненадежностью. Изменения, происходившие в человеческом обществе, например, переход от охоты и собирательства к стабильному сельскохозяйственному производству, промышленная революция XIX в., целый ряд других факторов, и среди них механизация сельскохозяйственных работ, а также широкое применение удобрений, давали человечеству возможность увеличивать в значительных масштабах производство продовольствия, но одновременно с этим увеличивалась ускоренными темпами и численность мирового народонаселения.

Взрывоподобный рост населения земного шара после второй мировой войны явился в огромной мере результатом возросшей способности человека прокормить себя, равно как и следствием успехов современной медицины и санитарии, благодаря которым уровень смертности в мире существенно снизился. Население Земли, достигающее ныне 4,2 млрд. человек, должно к концу нашего столетия возрасти до 6,2 млрд. человек (при сохранении текущих темпов его прироста на уровне 2% в год).

Но будет ли производство продовольствия продолжать увеличиваться в масштабах, которые окажутся достаточ-

¹ Koichi Iio, Toshiki Hirooka, Susumu Kato. Population Growth and Food Problems in Selected Asian Countries. — «Policy Development Studies», United Nations Fund for Population Activities, 1979, № 3. Коиси Ийо, Тосики Хирука, Сусуму Като — сотрудники Фонда ООН для деятельности в области народонаселения.

© United Nations Fund for Population Activities, 1979

ными для обеспечения им столь быстро растущего населения и поддержания таким образом равновесия между ростом населения и ростом ресурсов продовольствия? Хотя почти все земли на планете, непосредственно пригодные для сельскохозяйственной обработки, уже освоены, в таких районах, как бассейны рек Амазонки и Конго, саванны вдоль окраин пустыни Сахары и обширные равнины Австралии, все еще остается нетронутой территория в 1,4 млрд. га, то есть примерно равная той площади, которая обрабатывается в настоящее время. Однако превращение этих земель в пахотные связано с серьезными трудностями, вызываемыми, например, неблагоприятными климатическими условиями в этих районах, сложностью практического осуществления подобных мероприятий и, что является самым критическим фактором, отсутствием должного капитала. Поэтому введение этих земель в сельскохозяйственный оборот в недалеком будущем маловероятно.

Увеличить выход продукции с уже освоенных в настоящее время территорий, разумеется, возможно посредством улучшения состояния пахотных земель, вовлечения в сельскохозяйственный оборот пустующих земель и улучшения селекции растений; однако в конечном итоге эти возможности не беспредельны. Факторы, ограничивающие темпы роста производства продовольствия, могут привести к тому, что они начнут отставать от темпов роста численности населения. Эти факторы и создают в настоящее время проблемы обеспеченности народонаселения продуктами питания.

В последние годы ведутся широкие споры по двум вопросам: «демографический взрыв» и «продовольственный кризис», но, по существу, это две стороны одной медали. Производство зерна в мире выросло с 700 млн. т в 1950 г. до 1,2 млрд. т в 1970 г. и до 1,36 млрд. т в 1975 г., население же земного шара увеличилось с 2,5 млрд. человек в 1950 г. до 3,6 млрд. в 1970 г. и до 4 млрд. человек в 1975 г. [1]. Производство зерна пока опережает по своим темпам рост населения. Но поскольку, как уже отмечалось выше, возможности создания излишков продовольствия не беспредельны, а спрос на продукты питания более высокого качества должен с повышением доходов населения возрасти, то в конечном итоге мы можем прийти к такому положению, когда опережающими будут уже не

темпы роста производства зерна, а темпы роста населения.

Если посмотреть на эту проблему повнимательнее, то становится очевидным, что страны Азии находятся в наиболее трудном положении. В этих странах прирост численности населения все еще высок, а это сводит на нет, и причем в немалой степени, их достижения в экономическом развитии, чрезвычайно замедляет темпы ускорения этого развития, а также темпы повышения уровня жизни.

Рост народонаселения в Азии

В 1975 г. население Юго-Восточной Азии составляло приблизительно 320 млн. человек, причем рост его продолжается и сейчас, видимо, на уровне 2,7% в год. Согласно оценкам ООН, население этого региона будет увеличиваться высокими темпами и далее, хотя предполагается, что годовой коэффициент этого увеличения к концу нашего столетия снизится до 2%. К 2000 г. население этого региона должно достичь 590 млн. человек, что превысит уровень 1975 г. в 1,8 раза.

Население Южной Азии, согласно имеющимся оценкам, должно возрасти в 1,8 раза, с 840 млн. человек в 1975 г. до 1,5 млрд. человек к 2000 г. Заметим, что такая перспектива увеличения населения принята, несмотря на ожидаемое резкое замедление темпов его роста после 1990 г. Приведем лишь один пример. Так, если ежегодный прирост населения Индии упадет в период с 1990 г. и до 2000 г. до уровня ниже 2%, то в 2000 г. население этой страны должно будет составить, по прогнозам ООН, 1 млрд. 60 млн. человек. Таким образом, согласно расчетам, население Южной и Юго-Восточной Азии в целом — а предметом данного исследования являются именно эти регионы — должно увеличиться к 2000 г. на 930 млн. человек: с 1 млрд. 160 млн. человек в 1975 г. до 2 млрд. 90 млн. человек в 2000 г., то есть на 80%.

Эта «унылая» картина, правда, несколько смягчается сообщениями о том, что правительства развивающихся стран Азии стремятся в последнее время способствовать проведению в жизнь программ планирования семьи и что частично по этой причине коэффициент рождаемости в этих странах начал падать неожиданно быстрыми темпами. Также не исключено, что пример Японии, страны, которая сумела снизить уровень рождаемости до уровня

Таблица 1
Рост численности населения Южной и Юго-Восточной Азии

Страна	Население, млн. человек				Годовой темп роста, %			
	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	1970—1975 гг.	1975—1980 гг.	1980—1990 гг.
Юго-Восточная Азия	283,0	323,8	370,9	478,7	591,6	2,7	2,7	2,6
Бирма	27,7	31,2	35,2	44,6	54,9	2,4	2,4	2,4
Индонезия	119,5	136,0	154,9	196,6	237,5	2,6	2,6	2,4
Малайзия	10,5	12,1	14,0	18,3	22,1	2,9	2,9	2,7
Филиппины	37,6	44,4	52,2	70,1	89,7	3,3	3,2	3,0
Сингапур	2,1	2,2	2,4	2,8	3,1	1,6	1,6	1,5
Таиланд	35,7	42,1	49,5	66,8	85,6	3,3	3,2	3,0
Другие страны	49,9	55,7	62,6	79,6	98,7	2,1	2,2	2,2
Южная Азия	741,7	837,8	954,0	1221,7	1501,2	2,4	2,6	2,5
Афганистан	17,0	19,3	22,0	28,7	36,7	2,5	2,7	2,7
Бангладеш	67,7	73,7	84,8	112,7	144,3	1,7	2,8	2,9
Бутан	1,0	1,2	1,3	1,7	2,1	2,3	2,5	2,5
Индия	543,1	613,2	694,3	876,1	1059,4	2,4	2,5	2,4
Иран	28,4	32,9	38,5	51,9	66,6	3,0	3,1	3,0
Непал	11,2	12,6	14,2	18,3	23,2	2,3	2,5	2,6
Пакистан	60,4	70,6	83,0	113,2	146,9	3,1	3,2	3,2
Шри-Ланка	12,5	14,0	15,5	18,5	21,3	2,2	2,0	1,8
Другие страны	0,3	0,3	0,4	0,5	0,6	2,0	2,1	2,2

Источник: United Nations: *World Population Prospects, 1970—2000*, as Assessed in 1973. New York: United Nations, 1975. Medium variant.

стран Запада, может оказать на развивающиеся страны Азии в этом смысле благоприятное воздействие. Но поскольку доля лиц более молодых возрастов, а также лиц фертильного возраста в развивающихся странах выше западных показателей, сдерживать рост их населения будет делом нелегким даже в том случае, если и произойдет снижение их повозрастных коэффициентов рождаемости.

Например, население Малайзии, достигавшее в 1976 г. 13 млн. человек, может прийти к стабилизации своей численности на оцениваемом уровне в 28 млн. человек только в 2095 г., даже при условии, что коэффициент рождаемости снизится до уровня, достаточного для того, чтобы нетто-коэффициент воспроизводства мог достичь значения 1,0 к началу следующего столетия. Это допущение вряд ли можно расценивать как чрезмерное, поскольку нетто-коэффициент воспроизводства составлял в 1970—1975 гг. 2,4. Правда, не следует при этом забывать об инерционности процесса роста населения.

Пример Малайзии свидетельствует о том, что прогнозы ООН о снижении темпов роста населения Южной и Юго-Восточной Азии до 2,1% в период между 1990 и 2000 гг. несколько оптимистичны.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ПРОИЗВОДСТВО ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В СТРАНАХ АЗИИ

Прежде чем перейти к прогнозированию спроса на продукты питания в Южной и Юго-Восточной Азии, мы предложили бы рассмотреть положение с производством продовольствия в отдельных странах этих регионов и их общие экономические условия. Составить четкое собирательное представление довольно трудно, так как по своим условиям страны сильно отличаются друг от друга, к тому же по некоторым из них имеются лишь весьма скудные сведения. Поэтому обратимся сначала к тем странам, данными по которым мы располагаем, а затем уже попытаемся на этой основе нарисовать общую картину по региону в целом.

Табл. 2 иллюстрирует ежесуточное потребление калорий на душу населения в некоторых развивающихся странах Азии.

Из 11 стран, приведенных в таблице, только Сингапур имеет уровень суточного потребления калорий на душу на-

Таблица 2
Суточное потребление калорий на душу населения (в ккал)

Страна	Все продукты питания			Хлебные злаки			Продукты животноводства		
	1961— 1965 гг.	1966— 1970 гг.	1971— 1974 гг.	1961— 1965 гг.	1966— 1970 гг.	1971— 1974 гг.	1961— 1965 гг.	1966— 1970 гг.	1971— 1974 гг.
Мир в целом	2448	2481	2548	1233	1227	1261	416	433	441
Развитые страны с рыночной экономикой	3148	3235	3322	956	913	882	1015	1070	1108
Развивающиеся страны с рыночной экономикой	2137	2139	2181	1246	1242	1281	169	176	177
Афганистан	2109	2071	1967	1792	1741	1671	139	139	121
Иран	1913	2173	2270	1174	1385	1424	195	195	197
Бангладеш	1987	1994	1933	1642	1611	1611	84	85	78
Бирма	1957	2118	2137	1456	1623	1649	107	106	107
Индия	2057	1934	1996	1362	1272	1332	100	99	106
Пакистан	1843	2036	2135	1110	1279	1395	204	205	206
Индонезия	1918	1881	2014	1126	1191	1339	44	45	49
Малайзия	2434	2470	2521	1338	1375	1439	236	233	235
Филиппины	1908	1947	1948	1229	1236	1272	202	226	213
Таиланд	2135	2276	2299	1567	1671	1672	140	163	164
Сингапур	2424	2581	2820	1202	1285	1329	420	473	618

Годовое наличие продовольственного зерна

Страна	1961—1965 гг.			1970—1972 гг.		
	объем про- изводства	чистый импорт	налич- ие	объем про- изводства	чистый импорт	налич- ие
Афганистан	3 541	68	3 609	3 454	257	3 711
Иран	4 275	270	4 545	5 898	770	6 608
Бангладеш	10 179	762	10 941	10 631	1483	12 114
Бирма	5 210	—1551	3 659	5 293	—634	4 659
Индия	70 281	5471	75 752	91 372	2327	93 699
Пакистан	6 662	756	7 418	10 624	112	10 736
Шри Ланка	688	802	1 490	1 009	920	1 929
Индонезия	11 109	995	12 104	15 760	1132	16 892
Малайзия	749	746	1 495	1 163	871	2 034
Филиппины	3 877	688	4 565	5 169	986	6 155
Таиланд	8 270	—2329	5 941	10 638	—3268	7 370

Источник: FAO, *Trade Yearbook*, 1977. Rome: FAO, 1978.

селения, превышающий среднемировой. Малайзия близко подходит к среднему показателю, все же остальные страны находятся на более низком уровне. Бангладеш, Бирма, Индия, Пакистан, Индонезия и Филиппины располагают показателем суточного потребления калорий, который ниже среднего для развивающихся стран. И еще более печален тот факт, что потребление калорий на душу населения в Бангладеш, Индии и в некоторых других странах находилось в недавние годы на уровне более низком, чем в 1960 г. Частично это объясняется тем, что эти страны почти не достигли успеха в деле замены хлеба продуктами животноводства, а частично тем, что сократилась и доля самого зерна в качестве источника калорий.

Доля хлебных зерновых культур в потреблении калорий населением развивающихся стран составляет от 50 до 80%, и такое положение наблюдается там, за одним или двумя исключениями, в течение 20 лет. Но производство зерновых в этих странах подвержено колебаниям в силу климатических и иных природных условий, поэтому очевидно, что, чем больше они используют зерно в качестве источника калорий, тем менее стабильным становится потребление последних. Кроме того, большинство развиваю-

Таблица 3

всех видов в 1961—1977 гг. (в тыс. т)

	1973—1975 гг.			1976—1977 гг.		
	объем про- изводства	чистый импорт	наличие	объем про- изводства	чистый импорт	наличие
	4 149	13	4 162	4 342	22	4 364
	7 007	1733	8 740	8 234	2087	10 321
	12 217	2304	14 521	12 840	1045	13 885
	5 876	—196	5 680	6 401	—638	5 763
	96 185	5326	101 511	106 328	3854	110 182
	11 573	606	12 179	13 168	—114	13 054
	972	1035	2 007	1 064	1169	2 233
	18 141	1878	20 019	18 324	2724	21 048
	1 334	917	2 251	1 245	1093	2 338
	6 291	863	7 154	7 243	842	8 085
	12 361	—2901	9 460	11 933	—4287	7 646

щихся стран Азии не обладают достаточными средствами для покрытия своих внутренних дефицитов продуктов питания за счет их импорта из других стран, в результате чего потребление калорий из года в год колеблется.

В табл. 3 представлены данные об объеме производства зерновых культур и их импорте. Как видно, только Бирма и Таиланд имеют возможность удовлетворять свои потребности в продовольственном зерне на постоянно регулярной основе; все другие страны являются его нетто-импортерами. Например, в Бангладеш и Индии, где суточное потребление калорий на душу населения сократилось в сравнении с 1960-ми годами, импорт зерна не соответствует численности населения этих стран и объему производства в них зерновых культур. Иными словами, количество ввозимого ими хлеба недостаточно для покрытия калорийного дефицита.

Факторы, определяющие спрос на продовольствие

Рассмотрим факторы, которые объясняют низкий уровень питания в развивающихся странах Азии, и выдвинем на основе нашего анализа ряд гипотез.

Как следует из табл. 3, полностью самообеспечены зерновыми только две страны: Таиланд и Бирма. Все другие страны являются импортерами зерна, хотя сильно отличаются друг от друга по величине импорта. Иран, Малайзия и Сингапур ввозят зерно, но, поскольку на душу населения уровень дохода в этих странах сравнительно высок, потребление калорий в них превышает нормы, установленные Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО) [2]¹. Очевидно, причиной недостаточного питания населения в развивающихся странах Азии является небольшой размер доходов в них в расчете на душу населения (фактор, который более детально обсуждается далее). По этой причине они не в состоянии организовать импорт продовольствия в объеме, достаточном для обеспечения нормы потребления калорий. Более развитые страны добились высокого уровня доходов путем индустриализации своей экономики, а более высоких уровней питания — путем компенсации нехватки продовольствия за счет его импорта.

Чтобы знать, не повторится ли эта схема развития в развивающихся странах Азии, определим функцию спроса на продукты питания и измерим эластичность спроса на продовольствие в зависимости от величины дохода:

$$FDi = f(GDPi),$$

где i — отдельная страна; FDi — потребности в продовольствии в расчете на душу населения (в данном случае суточное потребление калорий на душу населения); $GDPi$ — валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения в реальном выражении.

Обозначим полученную с помощью данной функции эластичность спроса на продовольствие от доходов через Ei (на основе уравнения $Ei = \frac{\Delta FDi}{\Delta GDPi}$)². Тогда в зависимости от значения Ei возможны следующие варианты.

Для случая, когда $Ei > 1$. Спрос на продовольствие от дохода эластичен. Таким образом, если доход возрастает

¹ Потребности организма в калориях, необходимые для поддержания здоровья человека в условиях Южной и Юго-Восточной Азии, колеблются в пределах от 2200 до 2250 ккал в сутки.

² Знак Δ означает предельное увеличение отдельных факторов.

на одну единицу, спрос на продовольствие возрастает больше чем на одну единицу. Вообще говоря, после того как потребление калорий в некоей стране достигает определенного уровня, спрос на продовольствие от дохода становится по мере роста величины дохода неэластичным. Справедливость этого вывода подтверждает опыт промышленно развитых стран.

Для случая, когда $Ei < 1$. Спрос на продовольствие от дохода неэластичен. При повышении дохода на одну единицу спрос на продовольствие повышается меньше чем на единицу. Это наблюдается в промышленных странах, где высокий уровень питания уже достигнут, или в тех развивающихся странах, которые еще находятся на ранней стадии своего экономического развития.

В первом случае, даже если рост дохода и приводит после достижения определенного уровня питания к смещению спроса с низкокачественных видов продовольствия (второстепенные культуры) на высококачественные его виды (рис или пшеница), общий спрос на продукты питания (потребление калорий) не будет подвергаться широким колебаниям. Эта мысль станет очевиднее, если мы получим значения эластичности спроса на отдельные виды продовольствия от доходов:

$$RWi = f(GDPi)$$

$$ANi = f(GDPi),$$

где i — отдельная страна; RWi — спрос на высококачественные виды зерна на душу населения (в данном случае ежесуточное потребление калорий на душу населения за счет риса и пшеницы); ANi — спрос на продукты животноводства на душу населения (в данном случае суточное потребление калорий на душу населения за счет продуктов животноводства); $GDPi$ — ВВП на душу населения в реальном выражении.

Эластичность RWi от дохода обозначим через Ri ($Ri = \frac{\Delta RWi}{\Delta GDPi}$), а эластичность ANi от дохода как Ai ($Ai = \frac{\Delta ANi}{\Delta GDPi}$). Как указывалось в предыдущем разделе, та «продовольственная революция», благодаря которой в промышленно развитых странах повышение доходов вызвало быстрый рост спроса на продукты животноводства, вряд

На основе вышеизложенных теоретических посылок были исчислены по продовольственным функциям показатели эластичности спроса на продовольствие в зависимости от доходов и расходов в тех странах Азии, по которым имеются необходимые данные (табл. 4).

Таблица 4

Эластичность спроса на продукты питания в зависимости от уровня доходов и расходов

Страна	Эластичность спроса на продовольствие от доходов			Эластичность спроса на продовольствие от расходов		
	продовольствие всех видов	рис и пшеница	продукты животного новодства	продовольствие всех видов	рис и пшеница	продукты животного новодства
Индия	0,36	0,81	0,68	—	0,05	0,68
Индонезия	0,29	0,86	0,29	0,53	1,26	0,54
Филиппины	0,07	—0,04	—0,01	0,15	—0,08	0,28
Пакистан	1,45	2,95	0,10	—	—	—
Таиланд	0,17	0,12	0,38	0,19	0,12	0,30
Сингапур	0,20	0,11	0,51	0,28	0,16	0,73

В Индии значения эластичности спроса от доходов и спроса от потребительских расходов сильно отличаются друг от друга. Как мы допускали ранее, эластичность спроса от дохода на продукты из высококачественных хлебных культур является самой высокой, на втором месте находится эластичность спроса на продукты животноводства и затем эластичность спроса на продовольствие всех видов. Полагают, однако, что столь большое различие между значениями эластичности спроса от доходов и эластичности спроса от потребительских расходов происходит в основном из-за существующей в Индии разницы в уровне доходов. Напомним в этой связи некоторые давние сведения, например тот факт, что в индийском штате Пенджаб суточное потребление калорий на душу населения достигало 2832 ккал в 1969 г. По величине доходов населения штат Пенджаб занимал в то время первое место среди всех штатов Индии. И наоборот, в Тамилнаде доходы были на самом низком уровне, а потребление калорий со-

ли коснется многих развивающихся государств Азии. В развитых странах Ai будет увеличиваться, пока не достигнет определенного уровня. Когда же речь идет о развивающихся странах Азии, то скорее всего величина Ai будет неизменно низка, а рост доходов населения вряд ли будет способствовать расширению спроса на белковые продукты животноводства.

Пока же в соответствии с нашими допущениями можно говорить о возможном в результате повышения благосостояния смещении потребления от менее питательных к более ценным видам зерна. Поэтому, когда речь идет о развивающихся странах Азии, в особенности странах аграрных, значения Ri должны быть выше Ei или Ai .

В наших рассуждениях ВВП фигурировал в качестве переменной дохода. Но поскольку распределение доходов во многих развивающихся странах неравномерно, то, используя эти данные для расчета коэффициента эластичности спроса на продовольствие от дохода, мы рискуем получить значения ниже действительных. Поэтому целесообразнее измерять эластичность спроса от индивидуальных расходов в реальном выражении. Но даже в условиях неравномерного распределения доходов лица с высоким доходом проявляют большую склонность к сбережениям и, следовательно, низкую склонность к потреблению. И наоборот, лица с низким доходом проявляют меньший интерес к сбережениям и больший — к потреблению. Это не означает непрямого выравнивания уровней потребления обеих категорий получателей дохода, однако свидетельствует о том, что переменная расходов на цели потребления говорит нам больше об индивидуальных наклонностях людей, нежели переменная доходов:

$$\begin{aligned} FDi &= f(Ci) \\ RWi &= f(Ci) \\ ANi &= f(Ci), \end{aligned}$$

где i — отдельная страна; FDi , RWi и ANi определены выше; Ci — потребительские расходы в реальном выражении на душу населения.

При таком подходе эластичность спроса на продовольствие вычисляется так же, как и в случае применения в качестве переменной величины ВВП.

ставляло всего 1498 ккал, то есть половину нормы потребления в штате Пенджаб [3].

В свете вышеизложенных фактов категория эластичности спроса от потребительских расходов дает более точные оценки положения, поскольку снимает эффект неравномерности в распределении доходов. Спрос на продовольствие в Индии зависит не только от уровней доходов населения, но и от характера распределения этих доходов. И следовательно, покупательная способность потребителей должна быть прежде всего повышена за счет повышения доходов в абсолютном выражении, а также путем более равномерного их распределения.

В *Индонезии* самообеспеченность страны продовольствием снижается из-за низких темпов сельскохозяйственного развития страны. Частично по этой причине спрос на продовольствие внутри страны зависит именно от уровня доходов. Эластичность спроса на все виды продуктов питания от доходов составляет 0,29 и считается сравнительно высокой. Эластичность спроса на продукты питания из высококачественного зерна в зависимости от величины доходов составляет 0,86, а это указывает на то, что повышение доходов в стране может активизировать ее крупный потенциальный спрос на продукты питания, вырабатываемые из таких ценных культур, как рис и пшеница. И наоборот, эластичность спроса на продукты животноводства в зависимости от дохода сравнительно низка. В этом отношении структурные сдвиги в спросе на продукты питания в стране отличаются по своей схеме от наблюдаемых в промышленно развитых странах.

Согласно сделанным расчетам, эластичность спроса на продовольствие от потребительских расходов выше эластичности от доходов. Отсюда делается вывод о том, что потенциальный потребительский спрос на продукты питания значителен по своим масштабам. В *Индонезии* общий индекс цен на потребительские товары находился в 1976 г. (1970 г. = 100) на уровне 292,2, а индекс цен на продукты питания — 337,5. В этом состоит одна из первых причин того, что потребление калорий в стране, особенно животного происхождения, все еще исключительное низкое.

Как явствует из табл. 4, спрос на продовольствие на *Филиппинах* крайне неэластичен по отношению к росту доходов. Это свидетельствует о том, что с ростом валового национального продукта (ВНП) в реальном выражении

на душу населения условия питания в стране не улучшаются. Практически ВНП на душу населения составлял на *Филиппинах* 410 долл. в 1976 г. и выводил их тем самым в число стран с наиболее высоким уровнем доходов из тех, что перечислены в таблице. Но при всем том потребление калорий на *Филиппинах* находится на том же уровне, какой существует в Бангладеш, где ВНП на душу населения был равен 110 долл., и в Афганистане — 160 долл. В то же время эластичность спроса на все виды продовольствия в зависимости от потребительских расходов в их реальном выражении на душу населения составляла 0,15, спроса на продукты животноводства — 0,23, а это довольно высокие цифры. Исходя из этого, можно считать, что рост потребительских расходов в их реальном выражении должен приводить к неуклонному возрастанию спроса на продукты питания. Таким образом, как и в других странах, улучшение положения в области продовольствия на *Филиппинах* будет зависеть в первую очередь от повышения покупательной способности потребителей.

Данные о колебаниях заработной платы для рабочих несельскохозяйственного сектора указывают на то, что индекс номинальной заработной платы неуклонно возрастал начиная с 1973 г. и составил в 1978 г. (1972 г. = 100) 149 — для квалифицированных рабочих и 137,7 — для неквалифицированных. Поскольку инфляция цен снимает эффект увеличения заработной платы, индекс реальной заработной платы снизился в 1978 г. соответственно до 75,5 и 69,7 [4]. Если цены стабилизируются, а реальная заработная плата начнет возрастать, то расширятся и потребительские расходы, а вместе с тем и реализация действительного спроса на продовольствие. Поэтому неотложной задачей в деле улучшения положения с продовольствием в стране является стабилизация цен.

Анализ дел в *Пакистане* из-за отсутствия данных пришлось ограничить определением эластичности спроса от дохода по отношению к ВНП. *Пакистан* — единственная из указанных в табл. 4 стран, где эластичность от дохода превышает 1 по всем видам продовольствия, включая продукты из высококачественных хлебных злаков. Основным продуктом в *Пакистане* — пшеница, и на ее долю приходится свыше 50% общего потребления калорий в стране. Страна покрывает свой дефицит в пшенице путем ее импорта и экспортирует излишки риса. Поэтому условия питания

населения во многом зависят от уровня производства пшеницы.

Если рассматривать *Таиланд* в качестве житницы Азии, то низкие значения эластичности спроса в стране на все виды питания и на продукты из высококачественного зерна можно считать вполне нормальными. Тем временем эластичность спроса на продукты животноводства от доходов оценивается довольно высоко, что не может не наталкивать на мысль об изобилии в стране зерна. Одновременно можно считать, что потенциальный спрос в стране на продукты животноводства довольно высок. Примечательно также, что в Таиланде эластичность спроса по всем видам продовольствия более или менее одинакова в отношении как ВВП, так и потребительских расходов в реальном выражении на душу населения.

При анализе положения дел в Индии мы объясняли разницу между значениями эластичности спроса на продовольствие в зависимости от доходов населения и от потребительских расходов неравномерностью в распределении доходов. Если считать такой логический подход правильным, то небольшой разрыв между этими показателями для Таиланда может свидетельствовать о более сnivelированном по сравнению с Индией распределении доходов в этой стране [5]. Если это так, то повышение общего уровня доходов должно привести к более высокому спросу на продовольствие, в особенности на продукты животноводства.

Сингапур — страна индустриализирующаяся, где сельскохозяйственное производство занимает исключительно низкую долю ВВП. В силу этого, хотя страна и удовлетворяет большую часть своих потребностей в продовольствии за счет импорта, высокий уровень доходов уже помог ей догнать промышленно развитые страны по уровню питания населения. Как видно из таблицы 4, эластичность спроса на все виды продовольствия от доходов в Сингапуре довольно низкая. Потребление калорий злакового происхождения находится в стране на достаточном уровне (см. табл. 2). В противовес этому эластичность спроса на продукты животноводства от доходов значительная, что указывает на высокую потенциальность спроса на этот вид продовольствия, причем, как ожидают, этот спрос должен с ростом доходов в Сингапуре в предстоящие годы повыситься до уровня промышленно развитых стран.

Спрос на продовольствие до 2000 года

Планы экономического развития многих стран Азии содержат ряд моментов, которые не могут не вызывать сомнений с точки зрения их осуществимости. В то же время ни одна из этих стран не составила плана экономического роста на перспективу до 2000 г. Поэтому в наших дальнейших рассуждениях о масштабах спроса на продовольствие в будущем мы воспользуемся исследованием ООН «The Future of the World Economy», выполненным под руководством В. Леонтьева и др. [6]. В этой работе представлены два варианта экономического развития освободившихся стран. Один предусматривает ежегодный прирост валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения в период с 1970 по 2000 г. на уровне 3,1% (сценарий А), а второй — на 4,9% (сценарий Х).

Для оценки спроса на продукты питания мы вычислили темпы роста потребления калорий на душу населения по сценариям А и Х, используя значения эластичности спроса на продовольствие в зависимости от ВВП и от расходов на личное потребление. Для стран, по которым требуемые данные отсутствовали, были взяты соответствующие цифры по другим странам, находящимся на том же уровне экономического развития.

В табл. 5 приведены темпы роста потребления калорий по продовольствию всех видов и по продуктам животноводства согласно сценариям А и Х, но только для стран, по которым имелись коэффициенты эластичности спроса от ВВП и потребительских расходов. В Индии, по сценарию А, потребление калорий на душу населения в течение 1970—2000 гг. должно возрасть на 1,1% в год и достичь 2620 ккал в 2000 г. Таким образом, увеличение составит 1,29 раза за 30 лет. По сценарию Х, предусматривающему годовой рост ВВП на 4,9%, потребление калорий, увеличиваясь на 1,8% в год, достигнет в 2000 г. 3134 ккал (то есть возрастет за 30 лет в 1,54 раза). Поскольку эластичность спроса на продукты животноводства в Индии велика, в период между 1970 и 2000 гг. спрос на них превысит исходный в 1,81 раза, согласно сценарию А, и в 2,46 раза — согласно сценарию Х.

Среди стран, приводимых в табл. 5, уровень потребления калорий в 2000 г. будет ниже 2500 ккал только на Филиппинах — как следствие низкой эластичности спроса на

Перспективная оценка суточного потребления

Страна	Продукт	Сценарий	Среднегодовые темпы роста потребления калорий на душу населения в 1973—2000 гг., %	Уровень
				1970 г. (1)
Индия	Продовольствие всех видов	A X	1,1 1,8	2035
	Продукты животноводства	A X	2,1 3,3	102
Индонезия	Продовольствие всех видов	A X	0,9 1,4	1979
	Продукты животноводства	A X	0,9 1,4	45
Филиппины	Продовольствие всех видов	A X	0,5 0,7	1925
	Продукты животноводства	A X	0,7 1,1	219
Таиланд	Продовольствие всех видов	A X	0,5 0,8	2279
	Продукты животноводства	A X	1,2 1,9	172
Сингапур	Продовольствие всех видов	A X	0,6 1,0	2735
	Продукты животноводства	A X	1,6 2,5	521

Источник: FAO, *Agricultural Commodity Projections, 1970—1980*. vol. II.
Сценарий A: среднегодовой темп роста ВВП на душу населения при-
Сценарий X—среднегодовой темп роста ВВП на душу населения при-

Таблица 5

калорий на душу населения (в ккал)

потребления калорий			Кратность увеличения		
1975 г. (2)	1980 г. (3)	2000 г. (4)	(5)=(4)/(1)	(6)=(4)/(2)	(7)=(4)/(3)
1992 2004	2105 2194	2620 3134	1,29 1,54	1,32 1,56	1,24 1,43
110 111	122 131	185 251	1,81 2,46	1,68 2,26	1,52 1,92
2144 2154	2243 2311	2684 3051	1,36 1,54	1,25 1,42	1,20 1,32
51 50	53 54	63 72	1,40 1,60	1,24 1,44	1,19 1,33
1975 1978	2025 2049	2237 2356	1,16 1,22	1,13 1,19	1,10 1,15
219 220	227 233	261 290	1,19 1,32	1,19 1,32	1,15 1,24
2372 2379	2432 2476	2686 2903	1,18 1,27	1,13 1,22	1,10 1,17
156 162	171 178	217 259	1,26 1,51	1,39 1,60	1,27 1,46
2829 2839	2915 2985	3286 3642	1,20 1,33	1,16 1,28	1,13 1,22
624 628	676 713	929 1169	1,78 2,24	1,49 1,86	1,37 1,64

Rome: FAO, 1971.
нимается равным 3,1%.
нимается равным 4,9%.

Таблица 6

Перспективная оценка суточного потребления калорий на душу населения (в ккал)

Продукт	Сценарий	Среднегодовые темпы роста потребления калорий на душу населения, %	Уровень потребления калорий			Увеличение		Страна, выбранная в качестве модели роста потребления калорий
			1975 г. (1)	1980 г. (2)	2000 г. (3)	(4)=(3)/(1)	(5)=(3)/(2)	
Продовольствие всех видов	A X	1,1 1,8	1933 ¹	2042 2113	2541 3019	1,31 1,56	1,24 1,43	Индия
Продукты животноводства	A X	2,1 3,3	78	87 92	131 176	1,68 2,25	1,51 1,91	
Продовольствие всех видов	A X	1,1 1,8	2137	2257 2336	2809 3338	1,31 1,56	1,24 1,43	Индия
Продукты животноводства	A X	2,1 3,3	107	119 126	180 241	1,68 2,25	1,51 1,91	
Продовольствие всех видов	A X	1,1 1,8	2082 ¹	2199 2276	2737 3252	1,31 1,56	1,24 1,43	Индия
Продукты животноводства	A X	2,1 3,3	34 ¹	38 40	57 77	1,68 2,25	1,51 1,91	
Продовольствие всех видов	A X	0,5 0,8	2270	2327 2362	2571 2770	1,13 1,22	1,10 1,17	Таиланд
Продукты животноводства	A X	1,2 1,9	197	209 216	265 315	1,35 1,60	1,27 1,46	
Продовольствие всех видов	A X	1,1 1,8	2093 ¹	2211 2288	2751 3269	1,31 1,56	1,24 1,43	Индия
Продукты животноводства	A X	2,1 3,3	142 ¹	158 167	239 320	1,68 2,25	1,51 1,91	
Продовольствие всех видов	A X	0,6 1,0	2521	2598 2650	2928 3233	1,16 1,28	1,13 1,22	Сингапур
Продукты животноводства	A X	1,6 2,5	235	254 266	349 436	1,49 1,86	1,34 1,64	
Продовольствие всех видов	A X	1,1 1,8	2135	2255 2334	2807 3335	1,31 1,56	1,24 1,43	Индия
Продукты животноводства	A X	2,1 3,3	206	229 242	346 464	1,68 2,25	1,51 1,91	
Продовольствие всех видов	A X	1,1 1,8	2018	2131 2206	2653 3152	1,31 1,56	1,24 1,43	Индия
Продукты животноводства	A X	2,1 3,3	84	93 99	141 189	1,68 2,25	1,51 1,91	

продовольствие в зависимости от дохода. В Сингапуре потребление калорий на душу населения должно достичь уровня 2000 г. для промышленно развитых стран или даже превзойти его. Потребление калорий по продукции животноводства должно сохраниться в целом, за исключением Сингапура, на уровне значительно более низком по сравнению с развитыми странами. Таким образом, прирост потребления калорий будет почти целиком падать на долю зерновых культур. Об этой тенденции свидетельствуют данные по отдельным странам (см. табл. 5) и по группам стран.

Первая группа включает страны с низким уровнем годового дохода (ниже 200 долл.): Индия, Бангладеш, Бутан, Пакистан, Бирма, Непал и Шри Ланка. Вторая группа объединяет страны со средним уровнем годового дохода (200—500 долл.): Таиланд, Филиппины и Индонезия. Третья группа — это страны с высоким уровнем дохода (свыше 500 долл.): Сингапур, Малайзия и Иран.

Для оценки будущего потребления калорий по каждой из стран, не включенных в табл. 5, мы всякий раз отбирали из этой таблицы страну с близкими уровнями потребления калорий в целом и в разбивке по источникам (по зерну и продуктам животноводства), а также с близкими значениями ВВП на душу населения и экономическому развитию, а затем использовали для расчета присущий этой стране коэффициент роста потребления калорий в перспективе до 2000 г. Полученные таким путем данные для 2000 г. по двум вариантам представлены в табл. 6.

В крайней правой колонке табл. 6 помещены страны, которые были отобраны из табл. 5 в качестве моделей для оценки роста потребления калорий. Представляется почти неправдоподобным, чтобы 7 стран, вошедших в первую группу стран с низким уровнем дохода, смогли добиваться ежегодного роста своего ВВП на 4,9% в течение всего 20-летнего периода, как это предусматривает сценарий X, и поэтому в табл. 7 мы рассматриваем для этой группы только сценарий А. В отношении двух других групп, а именно стран с высоким и средним уровнями дохода, мы избрали в качестве подходящего сценарий X и поэтому использовали для них оба сценария.

Как следует из табл. 7, в 13 развивающихся странах Азии суточное потребление калорий находилось в 1975 г.

Таблица 7

Суточное потребление калорий на душу населения
в 1975—2000 гг. (в ккал)

Страна	Принятый сценарий	Продукт	Уровень потребления калорий		Увеличение
			1975 г.	2000 г.	
Бирма	А	Продовольствие всех видов	2137	2809	1,31
		Продукты животноводства	107	180	1,68
Индонезия	Х	Продовольствие всех видов	2154	3051	1,42
		Продукты животноводства	50	72	1,44
Малайзия	А	Продовольствие всех видов	2521	2233	1,28
		Продукты животноводства	235	436	1,86
Филиппины	Х	Продовольствие всех видов	1978	2356	1,19
		Продукты животноводства	220	290	1,32
Сингапур	Х	Продовольствие всех видов	2839	3642	1,28
		Продукты животноводства	628	1169	1,86
Таиланд	Х	Продовольствие всех видов	2379	2903	1,22
		Продукты животноводства	162	259	1,60
Бангладеш	А	Продовольствие всех видов	1933	2541	1,31
		Продукты животноводства	78	131	1,68

Продолжение

Страна	Принятый сценарий	Продукт	Уровень потребления		Увеличение
			1975 г.	2000 г.	
Бутан	А	Продовольствие всех видов	2082 ¹	2737	1,31
		Продукты животноводства	34 ¹	57	1,68
Индия	А	Продовольствие всех видов	1992	2620	1,32
		Продукты животноводства	110	185	1,68
Иран	Х	Продовольствие всех видов	2270	2751	1,31
		Продукты животноводства	197	315	1,60
Непал	А	Продовольствие всех видов	2093 ¹	2751	1,31
		Продукты животноводства	142 ¹	239	1,68
Пакистан	А	Продовольствие всех видов	2135	2807	1,31
		Продукты животноводства	206	346	1,68
Шри Ланка	А	Продовольствие всех видов	2018	2653	1,31
		Продукты животноводства	84	141	1,68

¹ 1974. FAO, *Production Yearbook*, vol. 31. Rome: FAO, 1978.

в пределах от 1933 в Бангладеш до 2839 ккал в Сингапуре, к 2000 г. оно должно существенно возрасти и составить от 2233 (Малайзия) до 3642 ккал (Сингапур). Оценка потребления калорий на Филиппинах на уровне 2356 ккал в 2000 г. представляется несколько заниженной, но это объ-

ясняется низким в сравнении с другими странами коэффициентом эластичности спроса на продовольствие в зависимости от доходов и потребительских расходов.

В целом потребление калорий возрастет в большей мере по продуктам животноводства, чем по продовольствию всех видов, что свидетельствует об общем улучшении баланса питания. Однако среднемировой уровень потребления калорий по продуктам животноводства, равный 441 ккал (см. табл. 2), будет превышен к 2000 г. только в Сингапуре. (Фактически Сингапур превосходит этот уровень уже в настоящее время.) Во всех других странах потребление калорий животного происхождения по-прежнему останется низким.

Следует отметить, однако, что с точки зрения потребления калорий в целом, без разбивки их по источникам, теперешний среднемировой уровень их потребления, равный 2658 ккал, является реально достижимым почти для всех рассматриваемых нами 13 стран Южной и Юго-Восточной Азии. Но встает вопрос: насколько может возрасти среднедушевой спрос на продукты питания в этих странах за период с 1975 по 2000 г.? Определим эту величину по потреблению калорий без разбивки по источникам.

Средневзвешенное потребление калорий на душу населения в данном регионе составляло в 1975 г. 2057 ккал, из которых на долю продуктов животноводства приходилось 121 ккал. В 2000 г. эти показатели должны возрасти соответственно до 2691 и 198. Таким образом, в последующие 25 лет общее среднедушевое потребление калорий вырастет в 1,3 раза, а потребление калорий по продуктам животноводства — в 1,64 раза. Доля же продуктов животноводства в потреблении калорий также несколько увеличится, с 5,9 до 7,4%.

Таковы перспективы роста потребления продуктов питания в расчете на душу населения при условии качественных, а также количественных улучшений в балансе питания.

Рассмотрим теперь, в какой мере может возрасти в будущем общее потребление продуктов питания, если повышение такого спроса явится следствием роста численности населения.

В 1975 г. население рассматриваемого региона достигало 1 млрд. 160 млн. человек, к 2000 г. оно должно увеличиться в 1,8 раза и составить 2 млрд. 90 млн. человек (см.

табл. 1). Поэтому спрос на калории в целом, без разбивки по источникам их потребления, а как сочетание душевого потребления калорий и ожидаемого прироста населения, должен возрасти к 2000 г. по сравнению с 1975 г. в 2,36 раза (3,5% в год). Но рост спроса на калории ведет к равновеликому росту спроса на продукты питания. Поскольку, как мы уже объясняли ранее, намного более высокие темпы роста потребления калорий животного происхождения, видимо, неизбежны, последующее повышение спроса на фуражное зерно почти наверняка повлечет за собой такой спрос на продовольствие, который превысит оценочную величину 2,36 раза. В этом смысле оценка в 3,5% в год представляется самой умеренной.

ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ

Итак, потребление калорий на душу населения в рассматриваемом регионе Азии составляло в 1975 г. 2057 ккал, из которых 121 ккал приходилась на долю калорий животного происхождения. К 2000 г. общее потребление килокалорий должно достичь 2691, из них на долю продуктов животноводства будет приходиться 198 килокалорий. Но рост доли потребления калорий по продуктам животноводства предполагается чрезвычайно медленным — с 5,9% в 1975 г. до 7,4% в 2000 г. Таким образом, зерно по-прежнему будет составлять основной продукт питания в развивающихся странах Азии по крайней мере до 2000 г.

Расчеты, выполненные в предыдущих разделах, показывают, что спрос на калории должен за период с 1975 по 2000 г. возрасти в рассматриваемом регионе в 2,36 раза при условии, что спрос благодаря количественным и качественным улучшениям в балансе питания увеличится в 1,31 раза, а численность населения — в 1,8 раза. Величина роста 2,36 означает его среднегодовой темп 3,5%. Следует, однако, отметить, что эта величина была получена после оценки возможных условий на минимальном уровне.

В развивающихся странах Азии сельское хозяйство подвержено, и причем чрезвычайно сильно, капризам погоды, поэтому его продуктивность колеблется из года в год в широких пределах. Чтобы лучше представить общую тенденцию в сфере производства зерна, были исчислены на основе ежегодника «Production Yearbook», издаваемого

ФАО, его масштабы по пятилетним интервалам начиная с 1961 г.

В период 1961—1965 гг. среднегодовой объем производства зерновых составлял 177 млн. т. В период с 1973 по 1977 г. происходило его постепенное повышение до 249 млн. т. Этот рост произошел благодаря расширению площади пахотных земель и росту сборов зерна с данной обрабатываемой площади. Но возделываемая площадь в этом регионе росла очень медленно — с 157 млн. га в 1961—1965 гг. до 176 млн. га в 1973—1977 гг., то есть всего на 19 млн. га. Иными словами, в отличие от 60-х годов, когда рост обрабатываемых площадей происходил сравнительно быстрыми темпами, со второй половины 60-х годов и по первую половину 70-х годов все большую роль начинает играть продуктивность земель: в этот период объем производства увеличивался в среднем на 2,7% в год, из них доля возросшей удельной продуктивности занимала 2%.

В Индии, на которую приходится 50% валового сбора зерна в регионе и которая оказывает в силу этого большое влияние на другие страны, производство зерновых увеличивалось в течение 60-х и 70-х годов с 2,6 до 2,9% в год, то есть примерно теми же темпами, которые были характерны для региона в целом. В отличие от этого темпы введения в сельскохозяйственный оборот дополнительных площадей были в стране в этот период несколько ниже средних для всего региона. Это означает, что в основном прирост производства зерна в Индии происходил за счет повышения урожайности. За прошедшие 20 лет продукция, получаемая с единицы обрабатываемой площади, увеличилась, согласно имеющимся подсчетам, в 1,27 раза.

В Индонезии, занимающей второе место по производству зерна в данном регионе, валовой сбор зерновых возрастал в среднем на 4,4% в год. Обрабатываемая площадь в Индонезии расширяется, как и в Индии, чрезвычайно медленно, и 80% прироста сбора приходится на увеличение удельного выхода продукции с единицы площади. Несмотря на незначительное приращение общего массива сельскохозяйственных земель, основные поставщики зерна в регионе повысили свое производство, как и Индия и Индонезия, путем увеличения сборов зерна с имеющейся площади. Существенное расширение пашни произошло только в Таиланде. Но продуктивность его сельскохозяйственных земель стала падать после достижения в 1966—

1970 гг. своего максимума. Однако делать какие-либо кардинальные выводы, только исходя из этого факта, вряд ли будет правильно, поскольку такой спад продуктивности объясняется рядом моментов, в частности переходом к выращиванию других культур.

Что касается риса, который является в Азии основной зерновой культурой, то его общее производство в 15 рассматриваемых странах возрастало на 2,4% в год, или со 123 млн. т в год в первой половине 60-х годов до 163 млн. т в период с 1973 по 1977 г. По темпам роста производства рис занимал последнее место среди всех других зерновых культур, а его доля в общем объеме сбора зерновых сократилась приблизительно с 69% в 1961—1965 гг. до около 66% в 1973—1977 гг. Такой спад противоречит наметившемуся вследствие роста личных доходов предпочтению населением более ценных продовольственных культур. Со второй половины 60-х годов площади под рисом увеличивались теми же темпами, что и площади сельскохозяйственных земель в целом, сборы же риса с данной площади росли более медленно по сравнению со всеми другими зерновыми. Хотя так называемая «зеленая революция», предпринятая во второй половине 60-х годов, и привела к резкому увеличению урожайности, с того времени производство в силу различных причин стабилизировалось (о чем см. ниже).

Следующая основная культура — пшеница — выращивается лишь в ограниченном числе стран данного региона. Так, ее доля в общем производстве зерна едва превышала 17% в период с 1973 по 1977 г. Однако среднегодовой рост ее сборов составил за тот же период 6,2%.

В настоящее время на долю риса и пшеницы приходится соответственно 66 и 17% общего объема зерна, производимого в данном регионе.

Как отмечалось, производство риса в регионе сравнительно стабилизировалось, а производство пшеницы постепенно возрастало в прошедшие 17 лет. Но поскольку среднегодовой прирост валового сбора зерна на уровне 2,9% в год почти равен годовому приросту численности населения в регионе, то достигнутое увеличение производства зерна целиком пошло на удовлетворение потребностей растущего населения, а положение с производством продовольствия на душу населения почти не улучшилось ни с количественной, ни с качественной стороны.

Возможности увеличения производства продовольствия в Азии

Если, как указывалось выше, в силу сочетания количественного и качественного роста потребностей в продовольствии в расчете на душу населения, с одной стороны, и роста народонаселения — с другой, спрос на продукты питания будет увеличиваться в среднем на 3,5% в год, и если прирост в обеспеченности данного региона продовольствием останется на уровне 2,9% в год, то разрыв между предложением и спросом на продукты питания будет углубляться и дальше, и объем предложения продовольствия в регионе уже не сможет достичь той точки, при которой станет возможным улучшить уровень питания населения.

Перспективу повышения производства продуктов питания в Азии можно видеть, если обратиться к проекту Программы удвоения производства риса в Азии, который был предложен некоторое время назад группой экспертов ООН под руководством С. Окито.

Эта программа нацелена на достижение стабильного предложения риса в Южной и Юго-Восточной Азии, причем в плане длительной перспективы. Проект охватывает лишь территорию Южной и Юго-Восточной Азии по той причине, что там сосредоточено 70% общей численности населения развивающихся стран. Упор же на рис обусловлен тем, что в основе продовольственной проблемы в Азии лежит именно эта культура.

В целом в 16 странах Азии, исключая Японию и Китай, в 1975 г. рис выращивался на 80 млн. га. Заметим, что из общей площади сельскохозяйственных земель 65% зависят от дождей, 33% орошаются частично и только 2% имеют регулярное орошение.

Новый сорт риса, проданный фермерам в 1966 г. Исследовательским институтом рисоводства, базирующимся в пригороде Манилы, занимал в 1973 г. уже 1 млн. 560 га, или 20% всех земель под рисом, или две трети орошаемых земель под рисом в Азии. При таких темпах внедрения новый сорт займет преобладающее место на землях орошаемого рисоводства всего за несколько лет. Но до того времени производство риса сможет поспевать за растущим спросом на него, вызываемым увеличением численности населения, только в том случае, если будут расширяться площади орошаемых земель под этой культурой. Иными

словами, если вода является сдерживающим элементом «зеленой революции», то выход из положения кроется в «иригационной революции».

На величину сборов риса влияют в основном его сортность, масштабы применения удобрений, ядохимикатов, орошения и другие технические моменты. Но наибольшую роль играют масштабы орошения. С этой точки зрения страны Азии можно подразделить на три группы. В первую группу войдет Япония, в которой урожайность риса достигает 6 т с га, а орошается 98% земель под рисом. Во вторую группу следует включить некоторые другие районы, где иригация охватывает 70% земель, а урожайность риса составляет 4—5 т с га. В третью группу должны войти все те страны, в которых орошаемая площадь занимает 35%, а урожайность риса составляет 2 т с га.

Как видно из такого соотношения, наличие воды является существенной предпосылкой развития рисоводства, а сорт и применение удобрений могут давать эффект только при достаточном орошении. Если это условие не будет четко осознано странами Азии и если они не примут необходимых мер по улучшению иригационных мероприятий, то, согласно проекту программы, «зеленая революция» в Азии закончится неизбежным провалом. Таким образом, развитие сельского хозяйства на основе иригации должно стать ключевым фактором повышения производства риса в Азии. Конечным годом программы выбран 1990 г., а в качестве базисного взят 1970 г., когда производство риса находилось на максимальном уровне. Проект программы исходит из того, что в 1970 г., когда общая численность населения Азии, исключая Японию и Китай, достигала 1 млрд. человек, регион почти полностью обеспечивал себя рисом, производство которого составляло тогда 150 млн. т. Исходя из допущения, что спрос на рис будет расти в среднем на 3,8% в год (учитывая, что среднегодовой темп роста населения составит 2,5%, а потребления риса — 1,3%), авторы проекта подсчитали, что к 1990 г. регион должен будет производить 316 млн. т риса для обеспечения населения численностью 1 млрд. 640 млн. человек.

Чтобы удовлетворить растущий спрос при возможно меньших затратах, программа предусматривает расширение площади орошаемых земель с 35% в 1970 г. до 66% в 1990 г. Это означает, что в последующие 15 лет

26,4 млн. га в настоящее время искусственно орошаемых и 21,5 млн. га частично орошаемых земель в Азии будут полностью охвачены иригацией. Эти преобразующие мероприятия должны обойтись в 50 млрд. долл. (по ценам 1975 г.). Для успешного осуществления программы потребуется наладить производство удобрений, ядохимикатов. Станет необходимым широко применять сельскохозяйственную технику, с тем чтобы выполнять полевые работы в более сжатые сроки.

Предусматривается также создание Международного центра сельскохозяйственного развития стран Азии, который играл бы роль научно-исследовательской и учебной организации и содействовал бы претворению в жизнь программы удвоения производства риса. Выполнение этих задач потребует более чем 3 млрд. долл. в год, или приблизительно вдвое больше тех средств, которые затрачиваются на иригационные сооружения в Азии в настоящее время.

Перспективы обеспеченности продовольствием на 2000 год

Исходя из тенденций производства зерна в Азии в прошлом, а также учитывая эффект влияния политической и экономической обстановки, были сделаны прогнозы относительно общих объемов производства зерновых культур, отдельно риса и пшеницы, а также размера обрабатываемых площадей и урожайности на 2000 г.

За период с конца 60-х и до начала 70-х годов среднегодовой прирост сбора риса поднялся с 1,2 до 1,8%. Этот существенный рост стал возможен благодаря уже упоминавшейся «зеленой революции», которая началась в конце 60-х годов. Происходило активное внедрение новых, высокоурожайных сортов риса. К 1973 г. эти новые сорта занимали уже половину посевных площадей под рисом. Сегодня они распространены повсеместно.

Программа удвоения производства риса была намечена с целью преодолеть сложности сельскохозяйственного развития в странах Азии. Если ее претворение в жизнь будет протекать гладко, как намечено первоначально, то в период с 1970 по 1990 г. сборы риса должны будут возрастать в среднем на 3,5% в год. В действительности уже в течение некоторого времени происходит замедление тем-

пов роста урожайности риса, и это даже при условии, что исключается вероятность неблагоприятной погоды и военных действий.

Наибольшую роль здесь играет медленный рост производственной базы и отставание с проведением аграрных преобразований. С точки зрения масштабов требуемых финансовых вложений упомянутая программа удвоения производства риса вполне осуществима. Однако с учетом воздействия только что названных двух факторов намеченный 20-летний срок окажется скорее всего недостаточен для достижения поставленной цели. Если же продлить этот срок до 30 лет, то есть до 2000 г., то в этом случае среднегодовой прирост сборов риса должен быть равен 2,3%.

Расчетный сбор риса в 2000 г. должен составить в целом по региону 284 млн. т. В этом случае производство риса будет возрастать в среднем только на 2,2% в год. А такие темпы уже весьма близки к тем (2,3%), какие намечены на 30-летний срок (1970—2000 гг.) программой удвоения производства риса, о которой говорилось выше.

Что касается пшеницы, то в период с 1960 по 1970 г. ее сборы увеличивались в среднем на 6,2% в год, а посевная площадь и урожайность росли каждый год соответственно на 2,7 и 3,4%. Этот прогресс является результатом сравнительно благоприятного хода «зеленой революции» в странах, где выращивается эта культура, в основном в Индии и Пакистане. Однако будущее не представляется в столь розовых тонах.

В результате массового распространения высокоурожайных сортов пшеницы в фермерских хозяйствах среднего и малого размеров отдача от них, как это было и в случае с рисом, начнет постепенно снижаться. Поэтому вряд ли стоит ожидать, что в будущем произойдет столь же быстрое расширение площадей под пшеницей, какое отмечалось в 60-х и 70-х годах. В итоге наблюдавшиеся в те же годы среднегодовые темпы роста производства пшеницы на уровне 6,2%, по всей видимости, упадут к 2000 г. до 3,8%.

На основе вышеприведенного анализа можно считать, что общее производство риса и пшеницы в Азии в 2000 г. должно достичь 451 млн. т.

Хотя урожайность будет по-прежнему, как и до «зеле-

ной революции», возрастать в среднем на 1,6% в год, посевные площади будут увеличиваться в течение этого периода, вплоть до 2000 г., на 0,8% в среднем за год, то есть более медленными темпами по сравнению с периодом 1961—1977 гг., когда эта величина составляла 1%. В результате среднегодовой прирост производства зерна снизится с 2,9 до 2,4%.

ВЫВОДЫ

До сего момента вопросы о состоянии в развивающихся странах Азии проблемы производства продовольствия и спроса на него рассматривались нами отдельно. Поэтому целесообразно представить соотношение между спросом и предложением, выраженное в понятиях среднегодовых темпов роста за 1975—2000 гг., в виде нижеследующей таблицы.

Таблица 8

Соотношение между спросом и предложением
на продукты питания
(среднегодовой прирост в % в период с 1975 по
2000 г.)

Спрос на продовольствие	3,5
Увеличение численности населения	2,4
Количественные и качественные улучшения	1,1
Предложение продовольствия	2,4
Расширение обрабатываемых площадей	0,8
Повышение продуктивности земель	1,6

Среднегодовой прирост производства зерна (предложение) равен приращению спроса на продовольствие, вызванного увеличением численности населения. Это означает, что если население в этом регионе не откажется от опоры только на собственные силы при решении проблемы обеспечения себя продовольствием, то оно не сможет поднять потребление продуктов питания на душу населения ни в количественном, ни в качественном отношении.

Согласно настоящему прогнозу, в 2000 г. на рис будет приходиться 62% общего урожая зерновых, что свидетельствует о постепенном снижении его доли в пищевом рационе населения в предстоящие годы. Такой расчет не соответствует нашему предположению о том, что спрос на высококачественные продукты питания будет расти вместе с ростом доходов. Скорее произойдет качественное ухудшение спроса на продукты питания.

Предсказываемые среднегодовые темпы роста потребления продовольствия (на 3,5%) указывают на возможное удвоение спроса за последующие 20 лет. Это повышение спроса может быть удовлетворено только в случае успешного претворения в жизнь Программы удвоения производства риса в Азии.

Анализ спроса на продукты питания позволяет получить реальное представление о тех последствиях, какие может иметь ежегодный прирост численности населения на 2,4%. Если эти прогнозы оправдаются, то спрос, вызванный непосредственно ростом населения, вряд ли может быть удовлетворен исключительно за счет намечаемого расширения производства продуктов питания в данном регионе. Иными словами, население развивающихся стран Азии сможет повысить количество и качество потребляемых им продуктов питания только в том случае, если удастся приостановить увеличение его численности. Ввиду этого упор следует делать на сдерживание роста народонаселения, а равновесие между продовольствием и населением следует сместить в сторону, благоприятствующую повышению потребления высококалорийных продуктов питания¹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Food and Agricultural Organisation *Production Yearbook*. Rome: FAO (см. выпуски ежегодника за соответствующие годы).
2. FAO, *Agricultural Commodity Projection*, vol. II. Rome: FAO, 1971.

¹ Настоящий вывод противоречит содержанию этого интересного исследования и расчетам самих авторов. Демографическая политика, направленная на ограничение роста населения, сама по себе не в состоянии изменить продовольственный баланс в странах Азиатского региона. Подробнее об этом см. вступительную статью к данному сборнику.— *Прим. ред.*

3. Kaul J. L. et al. An Economic Analysis of Nutrition Problems in India.— «Indian Journal of Agricultural Economics», 1977.

4. Central Bank of the Philippines, *Statistical Bulletin*, 1978. (Manila: Central Bank of the Philippines, 1979).

5. The Council for Asian Manpower Studies, *Income Distribution by Sectors and Overtime in East and Southeast Asian Countries*. (Tokyo, 1978): Institute of Developing Economies, *Asian Affairs*, 1979.

6. Leontief W. et al. *The Future of the World Economy*. New York: Oxford University Press, 1977. [Есть русский перевод: В. Леонтьев. Будущее мировой экономики. М., 1980—Ред.]

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, РЕСУРСЫ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Рональд Г. Ридкер¹

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к вопросу о том, как дальнейший рост численности населения и экономическое развитие могут отражаться на ресурсообеспеченности человечества и качестве окружающей среды, порождается прогнозами, которые предсказывают рост дефицита природных ресурсов в будущем и снижение «емкости среды» — то есть ее возможности поддерживать жизнеспособность определенной численности населения, — а также осознанием того, что, чем дольше будут откладываться те коренные изменения, которые требуется внести в демографическую политику в случае правильности прогнозов, тем труднее будет проводить в жизнь соответствующие мероприятия.

Если обсуждать эти последствия именно в духе такой озабоченности, то привлечение только теоретических или исторических исследований вряд ли будет правильным. Теория помогает выяснить приоритет изучаемых переменных и взаимосвязей, способна подсказать также наиболее вероятные тренды. Но для целей, которые мы преследуем здесь, нам нужно иметь ответы количественного характера, и не только потому, что ожидаемые изменения будут отражаться на демографической политике неодинаково, а в зависимости от своих масштабов и темпов, но еще и по той причине, что число противодей-

¹ Ronald G. Ridker. Resource and Environmental Consequences of Population and Economic Growth.— In: World Population and Development, Syracuse University Press, 1979, p. 99—123. Рональд Г. Ридкер — научный консультант Управления по охране окружающей среды (США). Статья написана по заказу ООН.
© United Nations Fund for Population Activities, 1979

ствующих сил часто слишком велико, чтобы можно было судить об их чистом эффекте, не зная при этом их количественных значений. Взгляд в минувшее и здесь может оказаться полезным, однако когда речь идет о грядущем, которое будет разительно непохоже на прошлое, то одних исторических параллелей далеко не достаточно. Более того, последствия роста населения и экономики для ресурсообеспеченности и состояния окружающей среды будут различными, в зависимости от географического региона, продолжительности прогнозируемого периода времени и характера изменения других корректирующих факторов, таких, например, как технологическая и техническая оснащенность производств, выбор решений, административно-правовая основа и наличие сырьевых ресурсов.

Становится очевидным, что исследования на интересующую нас тему могут дать наибольшую отдачу, если будут нацелены на будущее, носить количественный характер, учитывать особенности данного географического региона и периода времени и непременно брать во внимание все основные детерминанты, могущие проявить себя в расчетный период.

В данной работе нами была предпринята попытка каким-то образом учесть все изложенные выше соображения. Предметом анализа стали глобальные прогнозы на период в 50 лет и пять обзоров по отдельным странам — США, Индии, Индонезии, Колумбии и Филиппинам¹. Наиболее детальным является исследование по США, основу которого составили серия специальных работ по отдельным отраслям экономики, а также ряд модельных разработок и центральная среди них — динамическая модель «затраты — выпуск» [2]². За недостатком места и времени

¹ Исследования по странам, за исключением Филиппин [1], были предприняты организацией «Ресурсы для будущего» («Resources for the Future») и вскоре будут опубликованы. Более ранний вариант настоящей статьи был представлен в качестве доклада на Конференции Международного союза по научным исследованиям проблем населения (IUSSP), Хельсинки, 28 августа 1978 г.

² В число других компонентов модели входят материально-вещественные и финансовые переменные, рассматриваемые как на национальном, так и региональном уровнях и относящиеся к энергетике, добыче нетопливных минералов, транспорту и состоянию окружающей среды (виды загрязняющих веществ и качество среды, расходы на возмещение ущерба и на мероприятия по контролю за состоянием среды). В систему входят 185 секторов эко-

упор делается на общих результатах. Хотя и были исследованы различные варианты, численные значения следует отнести к типовому, или базисному, случаю, если нет указания об обратном.

РЕСУРСЫ

Рост спроса на ресурсы

Мы начнем анализ на глобальном уровне с рассмотрения прогнозов ежегодного спроса на ресурсы. В их основу положены ряды вариантных допущений относительно темпов увеличения численности населения и экономического роста в расчете на душу населения для различных регионов, а также суждения о том, как будет меняться соотношение между спросом на ресурсы и их производством с течением времени. Предполагается, что действительные цены в прогнозируемый период останутся постоянными.

Снижение темпов роста населения есть результат простой экстраполяции недавних тенденций во времени при допущении, что никаких особых успехов в программах контроля над рождаемостью достигнуто не будет. И в самом деле, эти успехи, вероятно, не столь существенны, чтобы подтвердить значительное дополнительное снижение уровня рождаемости во многих странах, где предпринимались определенные усилия в этом направлении. Долгосрочное снижение темпов экономического роста возникает в силу ряда факторов. Если объем расходования материалов и энергии на единицу продукции останется неизменным, то это прямо скажется на темпах роста потребления ресурсов и объема отходов производства в сторону их снижения. Указанная тенденция проявляется, однако, с большим разнообразием. Так, во многих странах в течение последующих десятилетий должно возрасти применение более легких металлов, например алюминия, а также це-

номики, все основные виды топлива, 20 нетопливных минералов, 42 вида загрязняющих веществ. Все коэффициенты модели корректируются во времени, некоторые на основе эконометрически рассчитанных уравнений с временными трендами или лаговыми переменными, но большая часть — исходя из экзогенно обусловливаемых изменений (в составе и структуре населения, характеристиках рабочей силы, уровне, технологии и т. д.), которые определяются в ходе специальных исследований.

Прогноз численности населения и экономического роста для мира в целом и по отдельным регионам

	1972 г.	2000 г.	2025 г.	1960— 1972 гг.	1972— 2000 гг.	2000— 2025 гг.
<i>Мир в целом</i>						
Население, млн. человек	3799	6 446	9 364	2,2	1,9	1,5
Валовой национальный продукт (ВНП), млрд. долл. США 1971 г.	3839	10 711	24 199	5,8	3,7	3,3
ВНП на душу населения, долл. 1971 г.	1011	1 662	2 584	3,5	1,8	1,8
<i>Северная Америка, Западная Европа, Океания, Япония</i>						
Население, млн. человек	726,0	848,0	921,5	1,00	0,56	0,33
ВНП, млрд. долл. 1971 г.	2446,3	5 567,7	9 937,3	5,29	2,98	2,09
ВНП на душу населения, долл. 1971 г.	3370	6 566	10 784	4,36	2,41	2,00
<i>Латинская Америка, Азия, Ближний Восток, Африка</i>						
Население, млн. человек	1897,4	3 812,9	6 136,5	2,58	2,52	1,92
ВНП, млрд. долл. 1971 г.	496,7	2 128,4	7 667,7	8,63	5,33	5,26
ВНП на душу населения, долл. 1971 г.	262	558	1 250	4,29	2,74	3,28

	1972 г.	2000 г.	2025 г.	1960— 1972 гг.	1972— 2000 гг.	2000— 2025 гг.
<i>СССР, Восточная Европа, КНР</i>						
Население, млн. человек	1175,7	1785,2	2306,1	2,08	1,50	1,03
ВВП, млрд. долл. 1971 г.	928,0	3014,4	6594,4	6,35	4,30	3,18
ВВП на душу населения, долл. 1971 г.	789	1689	2860	5,21	2,76	2,13

Источник: R. G. Ridker, W. J. Watson. To Choose a Future: Resource and Environmental Problems of the U.S.A., A Long-Term Global Outlook. Washington, D. C.: Resources for the Future forthcoming).

При допущении о высоких темпах увеличения численности населения и низких темпах экономического развития. Прогнозируемые значения подсчитаны, исходя из данных за период 1974—1975 гг. Прогнозируемые темпы роста населения были бы ниже по большинству регионов, если бы они строились на основе последних текущих данных.

Таблица 2

Мировое потребление нетопливных минералов в 1971 г. и прогноз спроса (базисный случай)

	В абсолютном выражении	Годовые темпы роста потребления			
	1971 г.	1971— 1985 гг.	1985— 2000 гг.	2000— 2005 гг.	
Алюминий	12 107	6,7	4,8	4,4	
Хром	3 416	2,5	2,5	2,6	
Кобальт	44	4,4	2,9	3,2	
Медь	8 026	2,9	2,1	2,1	
Железо в руде	456 183	2,3	2,2	2,3	
Свинец	4 768	3,1	2,7	2,5	
Марганец	2 786	6,0	3,6	3,7	
Молибден	40	7,4	3,4	3,3	
Никель	657	4,7	3,6	3,5	
Фосфаты	114 913	3,2	2,6	2,0	
Поташ	21 711	2,8	2,2	1,9	
Сера	24 251	4,5	3,6	2,9	
Олово	257	3,1	2,6	2,8	
Титан	543	9,2	4,5	3,7	
Вольфрам	23	4,9	2,9	3,1	
Ванадий	22	4,7	3,4	3,0	
Цинк	5 525	3,3	2,6	2,7	

Таблица 3

Мировое потребление промышленной энергии и прогноз спроса (базисный случай)

	1950 г.	1960 г.	1972 г.	1975 ¹ г.	2000 г.	2025 г.	2050 г.
<i>Всего (10¹⁵ британских тепловых единиц)²</i>	77	124	211	209	548	1166	2365
Уголь	43	—	—	46	106	175	1080
Нефть	22	—	—	100	230	300	27
Природный газ	7	—	—	48	130	255	27
Ядерная энергия	0	—	—	4	58	276	666
Прочие источники энергии	5	—	—	11	24	160	565
Ежегодные темпы роста потребления энергии в целом (в % к предыдущему году)		4,9	4,5	—0,3	3,9	3,1	2,9

¹ Величины за 1975 г. оценочные.

² Одна британская тепловая единица (БТЕ) равна 252 кал.—Прим. ред.

мента, пластмасс и стекла в качестве основных заменителей ряда материалов. В отношении других видов минералов и металлов материалоемкость, видимо, снизится в промышленных странах и возрастет в странах, только еще вступающих на путь быстрой индустриализации. Этот же прогноз относится и к общему потреблению энергии, хотя намечаются существенные сдвиги в ассортименте используемых видов топлива по мере того, как страны будут пытаться отойти от применения импортируемой дорогостоящей нефти и природного газа и заменять их на уголь, ядерную энергию и другие отечественные источники топлива.

Что касается таких минералов, как сера, поташ и фосфаты, которые являются основным сырьем для производства удобрений, то многое зависит здесь от уровня сельскохозяйственного развития отдельных стран.

Таким образом, намечается довольно пестрая картина, однако ее конечным результатом будет снижение темпов роста спроса на группу нетопливных минералов, а также в целом на энергоресурсы.

Это, разумеется, не означает, что рост спроса, который потребуется удовлетворять в будущем, окажется несущественным. Если наши прогнозы верны, то ежегодное потребление угля должно возрасти в 3,8 раза, а ядерной энергии — в 76 раз по сравнению с ее теперешней базой для исчисления. Но результат будет иным, если построить расчеты на допущении о возрастающих или даже неизменных темпах роста спроса, как это и делается довольно часто. Допущение же о снижении темпов помогает объяснить те выводы, к которым мы приходим, когда сопоставляем потребности будущего с имеющимися ресурсами.

Нетопливные минералы

Анализ предложения нетопливных минералов был ограничен стремлением в основном оценить их перспективные запасы. Иными словами, те количества, которые можно будет добавить к разведанным запасам в последующие 50 лет при условии неизменности цен и внедрения лишь скромных усовершенствований в способы добычи, причем подразумевалось, что проблемы технологии извлечения минералов из этих резервов в конце концов будут со временем решены. Наши суммарные оценки разведанных и перспективных запасов нетопливных минералов, пожалуй, занижены, поскольку в них не учтены «предположительные» запасы, часто обозначаемые также как «гипотетические», а также ресурсы некоторых отдельных территорий (например, по фосфатам и меди для КНР).

Эти оценки затем сравнивались с перспективными оценками кумулятивного спроса с целью определить сроки истощения этих запасов в гипотетических условиях, когда цены остаются неизменными, а дополнительные усилия по рециркуляции или консервации рассматриваемых ресурсов не предпринимаются. (В реальной действительности цены, конечно, начнут расти намного раньше прогнозируемых дат, а следовательно, произойдут изменения и в спросе и в предложении, и поэтому предполагаемые гипотетические сроки истощения будут иными.)

Оценки, приведенные в табл. 4, свидетельствуют о том, что до 2025 г. могут быть израсходованы запасы только кобальта и свинца, а до 2050 г. — кобальта, свинца, никеля, меди, алюминия, серы, олова и вольфрама. Кроме того,

Таблица 4

Гипотетические даты истощения запасов некоторых видов сырья при условии неизменности цен¹ (базисный мировой случай)

	Разведанные запасы	Разведанные и перспективные запасы
Алюминий	2025	2038
Хром	2048	2095
Кобальт	2004	2016
Медь	2010	2041
Железо	2053	2094
Свинец	2000	2016
Марганец	2061	2112
Молибден	2014	2480
Никель	2014	2032
Фосфаты	2034	2120
Поташ	2104	2368
Сера	2010	2036
Олово	2003	2030
Титан	2043	2151
Вольфрам	2009	2037
Ванадий	2060	2180
Цинк	1993	2065

¹ Также при условии неизменности темпов рециркуляции, расходования в первую очередь разведанных запасов и сохранения после 2025 г. тех же темпов роста спроса, какие постулируются на период 2020—2025 гг.

уже в преддверии этого времени может наступить нехватка фтора и ртути.

Заметим, однако, что в большинстве случаев названные в таблице гипотетические даты могут оказаться ошибочными, ибо в расчетах не всегда учтены некоторые возможные резервы. Так, мы не включили в наши оценки те значительные количества ресурсов кобальта, меди, никеля и особенно железа и марганца, которые содержатся в океане в форме глубоководных конкреций, хотя, по мнению некоторых экспертов, в последующие 25 лет возможна чрезвычайно рентабельная разработка этих подводных залежей, позволяющая обойтись поэтому без существенного повышения цен. При определении сроков обеспеченности алюминием в качестве его источника учтены только бокситы,

хотя земная кора на 8,3% по весу состоит из алюминия и можно считать, что среди конструкционных металлов алюминий имеется в наибольшем количестве. Чтобы при нынешнем уровне технологии можно было переключиться для получения алюминия на новые виды сырья, потребуются повысить цены на бокситы в пределах от 20 до 80%, однако есть все основания считать, что такой рост цен может быть значительно снижен уже в предстоящие десятилетия.

Оценка перспективных запасов серы не включает данные по Африке, гипотетические запасы по всем странам и не учитывает объем регенерации серы из отходящих газов при сжигании угля.

Очевидно, повышать цены для ликвидации разрыва между спросом и предложением придется в отношении вольфрама, свинца, фтора и ртути, но, по всей видимости, не более чем в двукратном размере (сравним это с четырехкратным увеличением цен на экспортируемую нефть в 1973—1974 гг.), да и то в большинстве случаев это потребуются сделать не раньше 2025 г. Кроме того, имеются некоторые минералы, и прежде всего заключенные в океанических глубоководных конкрециях, цены на которые, если оправдаются ожидания, связанные с усовершенствованием технологии их добычи, вполне могут понизиться. Таким образом, мы можем не без оснований полагать, что по меньшей мере в пределах взятого нами отрезка времени не следует ожидать повышения действительных цен на нетопливные минералы как следствия истощения их запасов.

Бесспорно, однако, что относительные цены на нетопливные материалы могут подняться с течением времени, что связано с рядом еще и других причин. Затраты на охрану окружающей среды и стоимость энергии, расходуемой при таких операциях, как извлечение, обогащение, восстановление и очистка добытого минерального сырья, в расчете на один доллар продукции обычно выше, чем при других видах экономической деятельности. Кроме того, в будущем могут быть введены дополнительные ограничения на использование земли под горнорудные разработки. В некоторых районах может оказаться проблематичным приобретение воды в объеме, требуемом для первичной обработки полезных ископаемых. Поэтому в будущем в качестве стимула для достаточного притока капиталовложений в горнодобывающие районы, вероятно, возникнет необходи-

мость установить более высокую норму прибыли, что даст возможность компенсировать фактор повышенной неопределенности и риска. По крайней мере требования такого рода часто можно слышать.

В конечном итоге масштабы роста цен, необходимого для сглаживания воздействия всех этих факторов, вряд ли будут очень велики. Опасность в другом. Наша экономика не может безболезненно воспринимать резкие срывы с поставками сырьевых материалов, срывы, которые порой происходят так быстро и неожиданно, что потребители не имеют времени приспособиться к ним. Однако, поскольку в сфере производства нетопливных материалов существует множество различных стран-поставщиков и нет условий для образования эффективных и активно действующих корпораций, подобных имеющимся в сфере добычи нефти, и поскольку у стран-потребителей накоплены значительные запасы этих видов сырья, то такие срывы ограничены по своей длительности и существенного ущерба нанести не могут.

Энергетические ресурсы

Какой бы острый характер ни носили проблемы в сфере нетопливных минералов, они выглядят второстепенными в сравнении с теми, какие возникают в энергетическом секторе. Но и здесь проблемы связаны не столько с недостаточностью самих ресурсов, сколько с их размещением, с соображениями по охране окружающей среды и трудностями переходного характера при переключении с одного района энергоснабжения на другой.

В настоящее время объем доступных для использования энергетических ресурсов неизмеримо более высок, чем в 1972 г., когда страны — члены ОПЕК решили ввести более высокие цены на нефть. И если действительные цены на энергию поднимутся в будущем вновь, то это явится стимулом для вовлечения в орбиту экономики еще больших объемов энергоресурсов, включая такие практически неисчерпаемые их виды, как солнечная энергия и энергия биомассы. Согласно перспективным оценкам предложения ресурсов, масштабы использования угля, ядерной энергии и синтетического жидкого и газообразного топлива, получаемого из угля, нефтеносных горючих сланцев, тяжелой нефти и битуминозных песков, будут расти быстрыми тем-

пами. Первоочередное расширение потребления угля и ядерной энергии происходит ввиду постепенного отхода от применения нефти и газа для производства электроэнергии и непрерывного повышения доли энергии, потребляемой в виде электричества. Что касается солнечной энергии, то она не будет играть заметной роли в энергобалансе до конца нынешнего столетия, если не произойдет значительного повышения цен на энергию до 2010 г.¹, а нововведения в технологии смогут во много раз снизить издержки производства разве только в сфере прямого преобразования солнечной энергии в электрическую, и то это окажется возможным лишь в конце рассматриваемого нами периода. Геотермальные источники энергии со временем приобретут не менее важное значение, чем гидроэнергетические, однако на протяжении прогнозируемого периода ограниченность их применения сохранится.

На основе проведенного анализа можно сделать три важных вывода. Во-первых, даже если и не произойдет существенного повышения цен на энергию, то и тогда опасности серьезного истощения каких-либо видов энергетических ресурсов в мире, за исключением нефти и природного газа, в течение первой половины следующего столетия и, вероятно, в более длительной перспективе не возникнет. Оговорку, видимо, придется сделать в отношении урана ввиду неопределенности оценки его ресурсной базы. Правда, эта оговорка окажется справедливой только в том случае, если не будет реализована ни одна из широких возможностей роста эффективности замещения (различные формы рециркуляции плутония с применением реакторов-размножителей, лазерное обогащение, топливный цикл с торием и термоядерный синтез). В пределах взятого нами 50-летнего горизонта времени важными источниками энергии по-прежнему останутся также нефть и природный газ. При базисном случае 86% нефтяных ресурсов, доступных для разработки в настоящее время, при условии только незначительного роста цен или совершенствования технологии добычи будут израсходованы к 2025 г., а резкое свертывание производства может произойти только после 2030 г.

¹ Уже в 1979—1980 гг. цены на энергию повысились в 3 раза.—
Прим. ред.

Таблица 5

Мировой кумулятивный спрос на невозобновимые источники энергии и его доля от пригодных для использования энергоресурсов в 2000 и 2025 гг. (базисный случай)

	1975—2000 гг.		1975—2025 гг.	
	кумулятивный спрос, 10 ¹⁵ БТЕ	доля, %	кумулятивный спрос, 10 ¹⁵ БТЕ	доля, %
Уголь	2832	1,6	7 035	4,1
Нефть	3907	33,0 ¹	10 567	86,0 ¹
Природный газ	1734	17,3	6 062	60,6
Уран (U ₃ O ₈)	963	2,4—11,7	6 313	15,4—77,0
Нефтеносные сланцы и битуминозные пески	—	—	625	4,0

¹ При условии, что ресурсы составляют 12 500×10¹⁵ БТЕ: разведанные запасы в объеме 10 000×10¹⁵ БТЕ+перспективные запасы+дополнительный резерв 25% за счет повышения доли рекуперации и использования тяжелой нефти, что может стать выгодным в случае, если действительные цены на нефть поднимутся по сравнению с их текущим уровнем на 30%. [Цены уже поднялись на 200—300%.—Прим. ред.]

Во-вторых, производство нефти может идти в ногу с ростом спроса на нее еще некоторое время и в следующем столетии, при условии, однако, что никаких ограничений на производство или на продажу нефти из каких-либо ее мировых источников налагаться не будет, а цена на нее в промежуточный период не снизится ниже текущего уровня¹. Но вслед за этой стадией цена на нефть, по всей видимости, поднимется, если к тому времени, конечно, не появятся альтернативные источники жидкого топлива по конкурентоспособным ценам. При базисном случае (когда мы допускаем, что стоимость производства синтетического топлива с течением времени станет медленно падать, но не ниже уровня текущих цен на нефть) цены на нефть должны начать повышаться в 2010 г. и достигнуть максимума на уровне, превышающем цены современного преysкура-

¹ Следует подчеркнуть, что на протяжении всей работы мы имеем в виду изменения какой-либо цены относительно всех других цен. С этой точки зрения мировая цена на нефть упала с 1974 г. в тех странах, чей курс валюты повысился по отношению к доллару США.

га на 60%. Однако к 2040 г., когда в достаточной мере расширятся мощности по производству синтетического топлива, цены вновь должны упасть до уровня, перекрывающего существующие расценки на 15%. Что касается газа, то переход к производству его синтетических форм скорее всего начнется пятью или десятью годами позднее, но он займет гораздо меньше времени и не вызовет сильного колебания в уровне цен.

Поскольку эти два вывода резко расходятся с оценками других авторов [5], которые предсказывают нехватку нефти и рост цен на нее уже во второй половине 80-х годов, то, видимо, необходимо остановиться на причинах таких несовпадений. Основные расхождения здесь относятся к сфере предложения нефти на мировом рынке, то есть к расчетам уровня производства, а не ресурсов. Вывод, противоречащий нашим оценкам, основан на допущении о снижении мирового суточного производства нефти до 145×10^{15} БТЕ, или 68,5 млн. баррелей, в 1958 г., до 190×10^{15} БТЕ в 2000 г. и 200×10^{15} БТЕ в 2025 г. В такой ситуации рост цен на нефть начнется в 1987 г., но поскольку при этом использование нефтяных запасов будет растянуто на более длительный период и поскольку будут стимулироваться более высокие темпы создания мощностей по производству синтетических жидких топлив, то рост цен вряд ли составит свыше 40% над текущим уровнем и к тому же будет происходить сравнительно медленно и упорядоченно. Согласно оценкам, нефтяные ресурсы развивающихся стран достаточно велики. Несомненно, что эти страны прилагают все усилия, чтобы решить свои социальные и производственные проблемы в 1980—1990 гг., и поэтому они будут стремиться к увеличению экспорта нефти, с тем чтобы иметь возможность получать продовольствие, технологию и сырьевые материалы, необходимые им для собственного развития.

В современном мире экономический рационализм представляет собой не единственную основу для действия. Это мнение подводит нас к третьему, и последнему, выводу, вытекающему из нашего анализа.

Хотя в последующие одно-два десятилетия с включением в систему рыночной экономики источников нефти, находящихся вне стран — членов ОПЕК, концентрация добычи нефти и природного газа в руках небольшого числа производителей должна будет несколько снизиться, но и

после этого она останется еще довольно высокой. И пока мощности по производству синтетических видов топлива не расширятся в достаточных масштабах, мир ощутимо будет зависеть от немногих поставщиков.

Разумеется, на всех этих рассуждениях и предложениях есть сильный налет неопределенности. Так, недавно открытое Юкатанское месторождение нефти в Мексике может оказаться намного крупнее, чем это считалось в то время, когда для данной статьи собирались показатели по нефтяным ресурсам. Успешное развитие солнечной энергетики и создание промышленности синтетических топлив могут завершиться гораздо раньше тех сроков, какие предполагаются в нашем варианте. Не исключено, что развитие ядерной энергетики будет происходить более медленными темпами. Могут оказаться недооцененными перспективы использования огромных залежей тяжелой нефти. Со сферой энергетики связано также огромное множество проблем окружающей среды.

Существо дела сводится к следующему. Возрастающая нехватка энергетических ресурсов и рост мировых цен на энергию — это не основные проблемы в числе тех, с которыми придется столкнуться человечеству в первую половину следующего столетия, а скорее трудности переходного характера: это проблемы приспособления к многократному увеличению цен, которое уже произошло; проблемы, связанные с упорядочением включения в производственную сферу все новых источников энергии, и проблемы, которые вызваны изменениями в географии мировых энергетических ресурсов и смещениями в результате этого энергобаланса на мировой арене.

Производство продовольствия, лесное хозяйство и лесоводство

Имеющиеся в мире земельные и водные ресурсы, которые требуются для производства продовольствия в масштабах, необходимых для удовлетворения возможного спроса на него в первую половину следующего столетия, видимо, достаточны. Но существует разрыв между равномерностью распределения на планете резервов земли и воды, производственного опыта, наличных капиталов и соответствующих стимулов для подъема производительности труда, с одной стороны, и равномерностью распределения мирово-

го населения — с другой. Если же еще учесть имеющиеся различия в темпах роста населения и экономического развития, то становится очевидным, что этот разрыв может с течением времени углубиться. При таком раскладе медленные темпы роста мирового производства продовольствия в расчете на душу населения могут сохраниться, а в некоторых регионах — особенно в Южной Азии — даже снизиться. Падение душевого потребления продуктов питания в этих регионах возможно предотвратить путем увеличения масштабов переброски продовольствия на международном уровне.

Ключевую роль в этой глобальной картине играют, конечно, Соединенные Штаты Америки, располагающие огромными излишками продовольствия для экспорта. И хотя в недавнее время высказывались сомнения в способности США наращивать эти излишки и далее, не прибегая к существенному повышению цен, наш анализ не подтверждает этих сомнений. По соображениям в основном здравого смысла мы исходили из допущения о значительном, хотя и медленном снижении в данном случае темпов роста производительности, а именно от среднегодовых 1,7% в течение последней четверти нашего столетия до 0,9% в течение нашего расчетного периода. Но темпы роста потребления в США могут, даже и без увеличения цен, упасть до еще более низкого уровня и довольно быстро приблизиться к темпам роста населения, которые тоже в свою очередь снижаются. В результате может произойти приумножение излишков продовольствия для экспорта.

В таком случае в целом не возникнет необходимости вводить новые земли в сельскохозяйственный оборот, поэтому темпы роста применения удобрений, пестицидов и энергии должны существенно замедлиться в течение расчетного периода. Цены на энергию и затраты на охрану окружающей среды внутри стран должны будут несколько повыситься, но не настолько, чтобы это могло существенно повлиять на издержки производства уже до конца расчетного периода. К тому же на протяжении последующего десятилетия могут упасть цены на удобрения, если будут реализованы теперешние прилагаемые в масштабах всего мира усилия по расширению производственных мощностей. По другим вариантам, такое положение после 2025 г. может стать иным. Например, согласно самым пессимистическим расчетам, предусматривающим более высокие

уровни экспорта и более быстрые темпы роста населения в США, потребуется ввести в сельскохозяйственный оборот 82 млн. акров земель к 2025 г. В результате все высококачественные и пригодные для сельскохозяйственного оборота земли будут фактически исчерпаны, хотя останутся еще немалые площади земель среднего качества, а издержки производства возрастут на 25%. Но по меньшей мере для этого базисного случая и нашего расчетного горизонта времени причин для существенного увеличения реальных цен, видимо, не будет.

Абсолютно иная глобальная ситуация предполагается в области лесного хозяйства и рыболовства.

Во-первых, нынешние темпы эксплуатации этих ресурсов, видимо, чрезмерны в том смысле, что не позволяют при современном уровне техники сохранить их прежнюю продуктивность. И хотя еще имеются некоторые виды морской фауны, которые традиционно не добываются, но в принципе могут быть использованы, особенно на корм скоту, большинство специалистов считает, что без снижения уловов рыбы нельзя будет сохранить ее поголовье на традиционном уровне. Если с течением времени усилятся загрязнение океана, то для сохранения ресурсов моря придется сокращать их потребление в еще больших масштабах, хотя обоснованных конкретных показателей такого сокращения не имеется. Эта же проблема существует и в пресноводном рыболовстве.

Ведя разговор о лесных ресурсах, нельзя прежде всего не отметить, что если 25 лет назад леса покрывали земную поверхность на одну четверть, то сейчас — на одну пятую; при сохранении текущих тенденций хозяйствования эта доля снизится до одной шестой в 2000 г. и до одной седьмой — в 2020 г. Обезлесение коснется в основном развивающихся стран, где в силу роста населения должны значительно повышаться потребности в средствах существования. В развитых странах проекты лесопосадок и растущее применение заменителей древесины позволяют удерживать цены на лесоматериалы в умеренных рамках.

Далее, в первой половине следующего столетия производственная технология в сферах лесного хозяйства и рыболовства может подвергнуться кардинальным изменениям. Можно считать, что в отличие от современного сельского хозяйства эти отрасли экономической деятельности еще не вышли из стадии охоты и собирательства. Когда это слу-

чится, выращивание деревьев и рыбы станет обычным занятием, а стабильность урожая, по аналогии с сельским хозяйством, существенно повысится. На пути реализации этой тенденции в крупных масштабах встает большое число технических, финансовых и организационно-правовых проблем, но, видимо, мы сумеем предотвратить появление серьезной нехватки лесных и океанических ресурсов, если обеспечим необходимые стимулы к работе и подойдем к решению задач с осознанием неотложности этого дела.

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Проблемы сохранения окружающей среды, как текущие, так и перспективные, чрезвычайно многочисленны, очень специфичны, и поэтому для нашего анализа их целесообразно разбить на группы. В первую группу включены те проблемы, которые или уже поставлены под контроль, или не порождают в настоящее время новых задач. Это массовые загрязнители воздуха, твердые отходы, допустимые уровни радиации при работе атомных электростанций.

Все другие проблемы и спорные моменты сгруппированы по двум категориям: те, что проявляются или могут остро проявиться на местном уровне, не будучи в то же время критическими на национальном уровне (например, выбор мест для строительства атомных электростанций или нехватка воды), и те, которые могут вызвать серьезные последствия в общенациональном и глобальном масштабах (например, эрозия почв, изменение климата, радиоактивное заражение, загрязнение океана).

Сравнительно хорошо контролируемые проблемы

Предполагается, что если процент твердых отходов, выбрасываемых в окружающую среду, останется в будущем неизменным, то доля воздушных эмиссий с ростом экономики США быстро возрастет до недопустимого уровня. Однако контроль за составом отработанных газов должен усилиться даже в базисном случае, который предполагает некоторое смягчение установленных законом норм. Эти контрольные меры хотя и будут далеко не оптимальны, но все же достаточны для того, чтобы добиться снижения выбросов 9 из 11 массовых загрязнителей. Поэтому, согласно нашим оценкам, ущерб от массовых загрязнителей должен

сократиться с 37 млрд. долл. в 1975 г. до 27 млрд. долл. в 2025 г., несмотря на то что вероятности ущерба будет подвержена гораздо большая сфера экономической деятельности и большее число объектов. Стоимость контроля над газообразными отходами, конечно, возрастет: с 9,1 млрд. долл. в 1975 г. до 68,3 млрд. долл., но даже с учетом расходов на борьбу с другими источниками загрязнения — твердые отходы, нестационарные источники загрязнения, сернистый шлам, рекультивация земель, радиация — общая сумма затрат составит лишь 1,1% ВВП в 1975 г. и 1,7% в 2025 г. Тем не менее появления проблем, связанных с осуществлением этих мер, следует ожидать и, помимо прочего, по той причине, что выделяемые средства не распределяются равномерно ни во временном плане, ни между секторами экономики.

Предстоит также вести борьбу с ростом объема твердых городских отходов и радиационных выбросов при работе атомных электростанций и расходовать на это все большие средства, однако не в таких масштабах, которые могли бы существенно влиять на общий экономический рост. Удельная стоимость ликвидации твердых отходов будет, вероятно, расти по мере удаления от города приемлемых мест складирования отходов и усложнения технологии их утилизации, с тем чтобы избежать выноса и последующего опасного накопления в почве тяжелых металлов и высокотоксичных химикатов. Меры по контролю за радиационным загрязнением атмосферы при нормальном режиме эксплуатации АЭС все чаще и в виде все более оптимальных технологических решений становятся составной частью проектных работ, что — в отличие от ряда других ситуаций, вызываемых мирным применением ядерной энергии, — порождает определенный оптимизм во взглядах на будущее.

Потенциально острые проблемы на местном уровне

Эти проблемы охватывают конфликты в сфере землепользования (в частности, выбор участков для размещения предприятий атомной энергетики, разрушение земель горнорудными разработками, удаление сернистого шлама и т. д.); проблему нехватки воды; последствия аварий на ядерных реакторах, удаления отработанного ядер-

ного горючего, изменения погоды. Эти проблемы отличаются от тех, какие включены нами в первую категорию, по двум моментам.

Во-первых, требуемые для решения многих из них технологии и административно-правовые меры еще не столь хорошо разработаны. В большинстве районов те земли, плодородие которых было разрушено горными работами, еще можно вернуть сельскому хозяйству с помощью методов рекультивации, причем не прибегая к чрезмерным расходам, однако в засушливых регионах, где в будущем будет развернута экономическая деятельность в крупных масштабах, потребуются решать ряд специфических проблем. Еще многое предстоит сделать в области повышения эффективности водопользования — и в попытках избежать нехватки воды, и в стремлении устранить причины чрезмерного загрязнения, но в большинстве критических районов еще не созданы организационно-правовые механизмы для реализации мероприятий такого рода. Снизить до нуля вероятность аварий на атомных электростанциях и утечки радиоактивных веществ с участков сброса отходов АЭС не представляется возможным, так же как нельзя полностью исключить вероятность аварий на угольных шахтах; но в первом случае существуют некоторые дополнительные опасения, связанные со спецификой использования ядерной энергии, в частности чрезвычайно затруднен поиск мест захоронения радиоактивных отходов. Не совсем удовлетворительны имеющиеся стандартные методы устранения твердых отходов; особенно это касается мер по удалению сернистого шлама с электростанций, работающих на угле.

Скорее всего, эти проблемы поддаются решению, но, пока подходящие рецепты у нас не найдены, мы можем считать, что связанное с ними давление на окружающую среду (наряду с проблемами размещения и потребления воды) будет локально возрастать под воздействием роста населения и экономики. Картина здесь сильно отличается от той, какую мы ожидаем в отношении большинства массовых загрязнителей.

Во-вторых, хотя названные выше проблемы и могут иметь социальные и экономические последствия на общенациональном уровне, их воздействие, особенно с точки зрения качества окружающей среды, будет ощущаться в основном на местном уровне.

Потенциально острые общенациональные и глобальные проблемы

В этой категории проблем наиболее часто упоминаются такие ситуации, как уничтожение и деградация почвенного покрова, ухудшение генетического фонда, воздействия на глобальный климат, истощение содержания озона в атмосфере, утечка радона из хвостохранилищ урановых заводов, накопление токсических веществ в пищевой цепи, загрязнение океана и ядерное заражение. Судя по опыту недавнего прошлого, этот список должен существенно измениться в предстоящие десятилетия.

В силу ряда обстоятельств невозможно найти в скором времени успешные меры борьбы практически ни с одной из проблем, входящих в эту категорию. В некоторых случаях этот поиск осложнен по причинам технического и административно-правового порядка. Например, распространение ядерного оружия зависит в конечном итоге от распространения соответствующей технологии и информации. Рост числа атомных электростанций в мире — а сам этот процесс, видимо, нельзя поставить под контроль — есть лишь вопрос времени, и то в незначительной степени. Борьба с концентрацией двуокиси углерода в атмосфере может стать успешной только за счет геркулесовских усилий, для чего потребуются международные соглашения о необходимости осуществлять газоочистку дымовых выбросов, обратить вспять тенденцию к обезлесению и в конечном итоге уменьшить масштабы сжигания твердого топлива. Что касается методов борьбы с деградацией почв, то, хотя они и хорошо известны, их широкое применение затруднено тем, что фермерские хозяйства, будучи заинтересованы в скорейшей максимизации производства, предпочитают — в целях компенсации ущерба такого рода — ограничиться более интенсивным внесением удобрений, введением в сельскохозяйственный оборот маргинальных земель и сокращением времени парования почвы.

Перечисленные трудности часто усугубляются отсутствием соответствующих знаний, на основе которых мы могли бы судить о том, в самом ли деле необходимо применение тех или иных мер контроля и борьбы, и если да, то сколь жесткими они должны быть. Нужно ли уже сегодня регулировать содержание CO_2 в атмосфере или с этим можно подождать в надежде на то, что процессу сжигания по-

РОЛЬ НАСЕЛЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ДРУГИХ ДЕТЕРМИНАНТОВ БУДУЩЕГО

При всем этом можно задать вопрос: а сколь важное значение имеет рост населения в сравнении с экономическим ростом в расчете на душу населения и другими детерминантами в общей картине усиления давления общества на природные ресурсы и окружающую среду?

Ответить на этот вопрос наиболее просто, если сопоставить варианты прогноза, каждый из которых касался бы только одного из детерминантов: роста населения, экономического прогресса или какого-либо иного определяющего фактора — и имел бы свой набор наиболее приемлемых или целесообразных для нашего расчетного периода предположений относительно их будущего.

Материалы, которыми мы располагаем, дают возможность сделать три обобщения.

Во-первых, в рамках избранного временного периода вариабельность предположений о темпах роста населения лишь незначительно корректирует наши прогнозы относительно обеспеченности общества ресурсами и состояния окружающей среды.

Поскольку гипотетические сроки истощения 9 из 17 детально рассмотренных минералов должны наступить после 2050 г., оставим их вне нашего анализа. То, что в этом случае уже любое изменение в прогнозах роста населения приводит к значимой разнице, можно показать с помощью простой экстраполяции, но далее этот метод будет неуместен, поскольку не позволяет сказать что-либо определенное о том, а что именно может произойти с темпами роста населения, предпочтениями, технологией или любым другим фактором и каким образом это конкретное «что» может воздействовать на далекую перспективу. В отношении остальных 8 минералов поправки на предполагаемые темпы роста населения будут довольно несущественны. Даже если мы сравним варианты, предусматривающие разрыв между наивысшими и наинизшими перспективными оценками *общего* внутреннего национального продукта по состоянию на 2025 г. в 35%, то и тогда средневзвешенная величина различий в наступлении гипотетических сроков истощения ресурсов составит только 4 года для разведанных запасов и 10 лет — для перспективных. Что касается США, то при условии сохранения текущих

лезных ископаемых будет найдена альтернатива — возможно, солнечная энергия или энергия ядерного синтеза, — прежде чем эта проблема приобретет нежелательную остроту? Каким уровням риска мы в действительности подвергаем себя, когда разрешаем строить атомные электростанции повышенной мощности, и как их можно сравнить с тем риском, на который мы идем в других областях, и с тем, какой бы мы извели в отсутствие ядерной энергетики? Более того, очень трудно мобилизовать широкую поддержку для реализации уже намеченных мер борьбы и контроля. Особенно это сложно в тех случаях, когда для эффективного осуществления мероприятий требуется заключение международных соглашений, ибо, даже располагая одними и теми же фактами, страны с различным уровнем национального дохода будут по-разному оценивать риск, который связан с тем или иным мероприятием, и чистые выгоды от него. Но, помимо общемировых, существуют также и внутринациональные проблемы ввиду различий в отношении к нравственным и этическим категориям, например в оценке того, какой вес следует придавать интересам будущих поколений.

В результате в отличие от проблемы массовых загрязнителей проблема давления на окружающую среду со стороны описанных выше критических ситуаций должна с ростом населения и экономической деятельности усиливаться. Вопрос о том, приобретет ли она в первую половину следующего столетия такую остроту, что этот рост придется ограничить, остается открытым. Но подобный исход возможен, если станет подтверждаться пессимистический прогноз об увеличении роста содержания CO_2 в атмосфере и усилении риска, сопряженного с использованием ядерной энергии, или если возникает перегрузка экологических и социальных систем в результате одновременности давлений такого рода. Тем не менее вряд ли следует слишком полагаться на эти или любые другие допущения. В рамках выбранных нами расчетных 50 лет большинство критических ситуаций будут проявлять себя не в виде реальных повреждений, а скорее в форме повышенной вероятности крупного ущерба. Если это так, то *перспектива непрерывного роста населения и экономического развития вполне допустима.*

темпов рециркуляции и отсутствия импорта допустимо игнорировать в наших рассуждениях 6 из 17 минералов либо ввиду наступления гипотетических сроков истощения их ресурсов после 2050 г., либо ввиду незначительности их резервов в США. Для остальных минералов разница в этих оценках при максимальном и минимальном вариантах ВВП (расхождение 36 % на 2025 г.) выразится в 2 года по разведанным и в 16 годах — по перспективным запасам. По другим странам нет возможности выполнить подобный количественный анализ, однако общее впечатление аналогичное.

Ситуация с энергетическими ресурсами сходная. Модель мирового рынка нефти, представленная в данной статье, свидетельствует о том, что в базисном случае подъем цен на нефть должен начаться в 2012 г.; если же подтвердятся максимальный (минимальный) варианты роста мирового спроса, то цены на нефть начнут расти в 2009 г. (2014 г.). Сопоставимые сроки истощения запасов природного газа должны наступить позднее примерно на десятилетие, но разрыв между наивысшими и наименьшими темпами роста его потребления в этом случае шире. Уголь можно не учитывать, поскольку его ресурсы будут израсходованы намного позднее 2050 г. О результатах коррекции положения с ураном судить трудно, поскольку показатели по его ресурсам слишком неопределенны. На национальном уровне изменения в прогнозах темпов роста населения и экономического развития оказывают даже еще меньшее влияние на наши расчеты, поскольку в большинстве стран производство ресурсов определяется скорее либо факторами, накладывающими ограничения на их поставки, например будет ли нефть или нет; как часто можно строить атомные электростанции или будет введена система разрешений на их строительство, либо же, когда речь идет о странах-экспортерах, — соображениями, связанными с колебаниями спроса на мировом рынке, а не внутри страны.

Близкая картина складывается и в отношении прогнозов качества окружающей среды, и прежде всего в отношении размера ущерба, наносимого природе большинством массовых загрязнителей, хотя причины здесь в разных странах различные. С массовыми загрязнителями во многих развитых странах ведется довольно эффективная борьба, и, видимо, поэтому варианты допущения о тем-

пах роста населения на примере США почти не дают разницы. В действительности имеющиеся данные, например, о выбросах сульфатов и величине биохимической потребности в кислороде показывают, что с течением времени выбросы должны в результате предпринятых усилий сократиться, а не увеличиться, как этого можно было бы ожидать, исходя из тенденций развития народонаселения и экономики. Аналогичные выводы можно получить и в отношении других видов загрязнителей, и индексов качества воздуха и воды, и размеров ущерба в расчете на душу населения. Расходы на осуществление мер борьбы с загрязнением в расчете на душу населения варьируют в более широком диапазоне, но, как мы подчеркивали выше, их доля в ВВП на душу населения столь мала, что эти колебания не имеют существенного значения.

Расчетные данные дают представление о том, что может произойти, если прекратится контроль за загрязнением атмосферы, то есть если объем выбросов в воздух станет равен объему производимых отходов. В таком случае рост населения и экономики, очевидно, внесет гораздо более серьезные поправки в наши расчеты. Но применительно к развивающимся странам сможет, однако, сложиться несколько преувеличенное представление о последствиях. В действительности дополнительный рост экономического и демографического потенциала в странах менее индустриализированных и с меньшей долей энергопотребления, по всей видимости, выразится в меньшем количестве отходов на единицу продукции по сравнению, например, с США, вне зависимости от того, будет внедрена новая технология или нет. Концентрации загрязнителей в окружающей среде и ущерб от них в расчете на душу населения будут в этих странах при одинаковом уровне контроля, вероятно, ниже на единицу выброшенных отходов, поскольку размещение населения и экономическая деятельность носят здесь более разбросанный характер, в результате чего естественное растворение и абсорбция загрязняющих веществ происходят в более широких масштабах. Но, каким бы ни было воздействие факторов населения и экономической активности, оно даст лишь небольшое приращение к кругу нерешенных проблем, которые аккумулировались из-за интенсивности роста в прошлом и отсутствия соответствующей политики в борьбе с загрязнением среды обитания.

Во-вторых, изменения в уровне душевого дохода корректируют положение с ресурсами и состояние окружающей среды в значительно большей степени, чем взятое в процентном отношении аналогичное увеличение численности населения в начальные годы расчетного периода. Равнозначное воздействие демографического фактора на потребление ресурсов может стать ощутимым лишь к 2025 г. Вследствие этого колебания в размерах доходов на душу населения оказывают на протяжении расчетного периода в целом более широкое влияние на кумулятивные потребности в ресурсах, нежели рост населения.

Но результат получится обратный, если прогнозируемый период удлинить. Этот общий вывод не распространяется лишь на те полезные ископаемые, из которых вырабатываются удобрения, и на те их виды, добыча которых вызывает дополнительные потребности в земельной площади и водных ресурсах. В условиях высокого уровня доходов на душу населения динамика их эксплуатации, по крайней мере в США, более тесно привязана к изменениям в народонаселении, чем к темпам роста доходов на душу населения во все периоды.

В-третьих, все другие детерминанты усиления давления на ресурсы, а именно технологические нововведения, иные оценки обеспеченности ресурсами, масштабы рециркуляции отходов, политика, имеющая целью сократить потребление какого-либо конкретного природного ресурса или объем эмиссий какого-либо конкретного загрязнителя в целом, обладают в рамках расчетной перспективы большим резонансом, нежели колебания роста населения или экономического развития.

Несколько примеров из области ресурсов. В начале 1978 г. Венесуэла пересмотрела в сторону повышения втрое свои оценки запасов битуминозных песков. Вскоре после этого Колумбия объявила об открытии запасов природного газа в объеме, достаточном, чтобы уменьшить ее потребности в импорте на 15% к 2000 г. И еще через несколько месяцев Мексика опубликовала данные по своим запасам нефти, которые ныне почти достигают запасов Саудовской Аравии.

Вряд ли должен вызывать удивление тот факт, что в США в создании большей части давления на ресурсы и окружающую среду рост народонаселения играет сравнительно небольшую роль. Темпы роста населения здесь на-

ходятся на низком уровне, падают и вряд ли смогут возрасти в ближайшем будущем. Ввиду этого мы можем реалистично ожидать снижения перспективных оценок численности населения, хотя и в пределах довольно узкого диапазона значений.

Но даже в случае существенного прироста населения в США экономика страны, с ее достаточно богатыми ресурсами, высокими доходами, большими технологическими и управленческими возможностями, вполне сможет перестроиться без заметного снижения уровня благосостояния. Подобные выводы можно сделать и в отношении других промышленно развитых стран, хотя некоторым в подобной ситуации придется прибегнуть к импорту сырья и энергии в более широких масштабах. Однако в развивающихся странах, не обладающих такими возможностями для перестройки, ограничения в сфере ресурсообеспеченности могут носить более сдерживающий характер. Но почему тогда, как показывают исследования, в этих странах обнаруживается слабая функциональная зависимость между динамикой прироста и состоянием окружающей среды?

Одна из причин состоит в том, что эти исследования охватывают расчетный отрезок времени лишь в 25 лет. В течение такого периода снижение коэффициента рождаемости не может существенно снизить общий объем производства, не уменьшится серьезным образом и численность рабочей силы: напротив, темпы роста сбережений и капиталовложений непременно повысятся. В этих условиях на потребности в ресурсах могут повлиять только изменения в ассортименте выпускаемой продукции, однако в сравнении с эффектом возрастания масштабов производства это влияние довольно незначительно. За пределами 25 лет в развивающихся странах потребление ресурсов и состояние окружающей среды будут зависеть от масштабов безработицы, которую потребует ликвидировать, от темпов роста капиталовложений и производительности труда. Однако в конечном итоге экономический потенциал, а следовательно, и совокупный спрос на материальные ресурсы и ресурсы окружающей среды должны быть здесь ниже, чем в развитых странах в 1980—1990 гг.

Во-вторых, большинство этих расчетов начиналось с выбора тех темпов роста населения и экономического развития в расчете на душу населения, которые представлялись вероятными или логичными по соображениям нере-

сурсного характера. В частности, темпы экономического развития отбирались исходя из возможных изменений в приросте сбережений, поступлений иностранной валюты, наличия капитала и производительности труда, что зависит в свою очередь от административных и управленческих возможностей, качества рабочей силы, экономических стимулов и т. д. В целом эти факторы обычно ставят какой-то предел темпам экономического роста, который находится в рамках того, что возможно осуществить в течение взятого расчетного периода, исходя из степени ресурсообеспеченности и экономических требований.

Например, в исследовании по Индии сделан вывод, что расширение сельскохозяйственного производства — а оно будет критическим фактором для страны в последующие 15 лет — будет сдерживаться не нехваткой земель и водных ресурсов, а низкими темпами развития и распространения приемов улучшенной агротехники, темпами капиталовложений в ирригационное строительство, эффективностью управленческих функций и наличием экономических стимулов. На Филиппинах, где достигнутый выход древесины не дает возможности без внесения изменений в нынешний уровень потребления удовлетворить полностью спрос на нее (внутренний плюс определенная доля внешнего) в 2000 г., положение все же можно исправить, если предпринять энергичные меры в области лесопосадок, научного управления лесным хозяйством и регулирования рубок. Индонезия, крупнейший экспортер нефти, считает, что четырехкратное увеличение цен на нефть в 1973—1974 гг. не даст ей возможности смягчить существенным образом проблемы в деле достижения высоких темпов экономического роста. В других исследованиях отмечается, что эффективность использования энергии очень низка и не превышает 10—20% пригодных для потребления общих затрат энергии [6]. Таким образом, сдерживающими факторами для развития освободившихся стран является не якобы дефицит материальных ресурсов или ресурсов окружающей среды как таковых, а отсутствие опыта и навыков продуктивно использовать эти ресурсы.

И наконец, отметим, что за исключением, возможно, нефти, потребности развивающихся стран в природных ресурсах довольно невелики — сравнительно с потребностями остального мира и даже по отношению к другим секторам собственной экономики, не потребляющим нефть, — и по-

этому любые возникающие нехватки они в состоянии компенсировать за счет импорта, причем без чрезмерных расходов иностранной валюты. В исследовании по Индии делается вывод, что ее внутренние источники ряда металлов, особенно меди и цинка, могут значительно истощиться к 2000 г., хотя в то же время подчеркивается, что общие расходы, связанные с покрытием возможного дефицита в них за счет импорта, не должны быть излишне обременительными. В отношении Колумбии эксперты заключают, что трудностей, связанных с повышением поступлений от экспорта в масштабах, необходимых для возмещения дефицита природных ресурсов и энергии, возникать не должно. Проблема, перед которой стоит экономика этой страны, упирается в решение вопроса о том, на какие экспортные отрасли следует сделать упор; в частности, следует стимулировать экспорт промышленной или сельскохозяйственной продукции. Ввиду неопределенностей, касающихся движения цен на мировой арене в будущем, выбор верного решения сопряжен с немалым риском.

Существенное исключение составляет, конечно, импорт нефти, поскольку некоторые развивающиеся страны расходуют на него большой процент своих поступлений иностранной валюты. Но очевидно, что проблемы связаны здесь не столько с темпами роста населения как таковыми, сколько с быстрым повышением цен и не всегда успешными попытками отдалить перспективу автомобильного общества. По мере истощения мировых ресурсов нефти и ввиду нового подъема цен эти проблемы могут еще более обостриться. Но важно то, что любое снижение темпов прироста населения в пределах наиболее вероятного диапазона может отодвинуть начало повышения цен не более чем на несколько лет.

Следует, однако, признать, что эти выводы относятся лишь к тем воздействиям динамики воспроизводства населения, которые поддаются измерению.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Главный вывод, о котором уже упоминалось выше, состоит в утверждении, что сдерживающим фактором экономического и социального развития в последующие несколько десятилетий будет не сам по себе дефицит мате-

риальных ресурсов и ресурсов окружающей среды, а отсутствие возможностей их производительного использования. Реальные предпосылки здесь варьируют в широком диапазоне между странами и зависят от множества внутренних и международных факторов.

В тех странах, в которых ощущается сильное давление со стороны растущего населения, экономический и социальный прогресс может сдерживаться так же сильно, как и при нехватке самих ресурсов; ясно, что снижение темпов роста населения будет оказывать здесь благотворное влияние. Но если учесть тот факт, что резервы развития можно увеличить путем просвещения, научных исследований, ввоза капитала и технического опыта из-за границы, а также посредством внесения изменений в национальные и международные правила, регулирующие экономическую деятельность, то, видимо, при этих условиях не будет ни необходимости, ни оправдания для применения в области народонаселения драконовских мер, даже в самых затруднительных случаях.

Здесь можно сделать одну потенциально существенную оговорку. Она касается таящихся в современном мире опасностей для состояния окружающей среды, которые могут, в случае подтверждения их реальности, потребовать или даже навязать необходимость серьезного свертывания темпов экономического роста, а возможно, и темпов роста населения. Но в настоящее время, чтобы сделать верный выбор, требуется в самом срочном порядке иметь более пространственные данные о характере и степени вероятности этой угрозы. Получить такого рода сведения легко или быстро не представляется возможным, поскольку во многих фундаментальных областях научной деятельности, например в метеорологии, еще нет значительного прогресса, который позволил бы сделать достаточно обоснованные выводы.

А тем временем мир стоит перед лицом серьезных региональных диспропорций в плотности населения по отношению к природным ресурсам. Важным следствием таких диспропорций является внутренняя и внешняя миграция. По этой теме, а именно о численности, занятиях и демографических характеристиках мигрантов, о детерминантах и результатах миграции и ее перспективах на будущее, имеется слишком мало информации. Если, как полагают многие, коэффициент миграции растет, то наличие такой

информации приобретает все более важное значение в качестве основы для выработки реалистической, отвечающей интересам всех сторон политики на будущее.

И наконец, растет необходимость более комплексного, чем это было в прошлом, подхода к учету демографических показателей. До сего момента максимальный горизонт времени при планировании все еще составляет пять лет, а при такой продолжительности прогнозируемого периода если не коэффициент миграции, то по меньшей мере уровни смертности и рождаемости приходится перспективно исчислять в отрыве от того, что происходит в экономике.

Но, поскольку в современной жизни проблемы природных ресурсов и окружающей среды начинают занимать все более важное место в работе органов планирования, прежний горизонт времени должен быть отодвинут. Какой, например, смысл делать заключение о темпах эксплуатации энергетических и лесных ресурсов или намечать решения усугубляющихся проблем эрозии почв или качества городской среды и не учитывать при этом те явления и события, которые могут произойти в течение последующих десятилетий. Период прогнозирования должен быть достаточно длительным для того, чтобы экономические процессы успели проявить свое влияние на демографические переменные.

Таким образом, по мере того как проблемы природных ресурсов и охраны окружающей среды будут выходить на передний план, будет расти и потребность в проведении более комплексного демографического анализа, при котором население рассматривалось бы как неотъемлемая часть процесса развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. PREPF, *Philippine Scenarios: 2000* A. D. Manila: Study Group on Population, Resources, Environment and the Philippine Future, 1977.
2. Almon Clopper, Jr. et al. 1985: *Interindustry Forecasts of the American Economy*. Lexington, Mass.: Heath, 1974.
3. U. S. Geological Service, *United States Mineral Resources*, Geological Survey Professional Paper 820. Washington, D. C.: USGPO, 1973.
4. Goeller H. E., Weinberg A. M. The Age of Substitutability. — «Science», February 1976, 191 (4228), p. 683—688.

5. OECD, *Energy Prospects to 1985*, vol. II. Paris, OECD, 1975; CIA, *The International Energy Situation: Outlook to 1985*, ER 77-10240U, April, Washington, D. C., 1977; WAES, *Energy: Global Prospects 1985-2000*. New York: McGraw-Hill, 1977.

6. Makhijani Arjun. *Energy and Agriculture in the Third World*. Cambridge, Mass.: Ballinger, 1975; Revelle Roger. *Energy Use in Rural India*. — «Science», 1976, 192, p. 969.

ПРОГРАММЫ КОНТРОЛЯ НАД РОЖДАЕМОСТЬЮ: СОДЕРЖАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Б. Берельсон¹

Наша задача заключается в том, чтобы определить наиболее вероятную направленность, которой будет следовать уровень рождаемости в развивающихся странах за оставшийся период XX в., и на основе полученных выводов наметить меры по регулированию, которые способны оказать корректирующее действие в тех странах, где это необходимо или желательно.

Чтобы понять, во имя чего предпринять содержащийся в данной статье анализ, следует исходить из посылки о том, что быстрый рост народонаселения в развивающихся странах является нежелательным, поскольку серьезным образом усложняет решение проблем, связанных с развитием здравоохранения, ликвидацией неграмотности, общей «модернизацией» общественного развития в целях повышения уровня благосостояния населения. Уже одно это делает необходимым его регулирование с помощью соответствующих мер [1]. Речь идет о том, что сокращение темпов прироста населения путем снижения уровня рождаемости принесет несомненную пользу, хотя отнюдь не обязательно, чтобы эта мера фигурировала в самом начале перечня национальных приоритетов. Концепция, сформулированная как «проблемы народонаселения», которая еще в 1960-е годы побудила международное сообщество к действиям, с

¹ Bernard Berelson. Prospects and Programs for Fertility Reduction: What? Where? — «Population and Development Review», December 1978, vol. 4, Number 4. Бернارد Берельсон — почетный президент Международного союза по научным исследованиям проблем народонаселения.

© The Population Council, Inc., 1978

точки зрения автора настоящего исследования, по-прежнему действительна и сегодня.

Смысл данного исследования определяют две цели. Цель содержательного характера заключается в том, чтобы достигнуть к 2000 г. для развивающихся стран общего коэффициента рождаемости, равного 20 рождением на 1000 человек населения в год (ОКР 20), или, точнее говоря, довести до максимума вероятность достижения такой цели и/или свести до минимума отрыв от нее. Как будет видно далее, странам достанутся разные места в этом «соревновании»: одни находятся ближе к цели, другие — дальше от нее, однако уже сама по себе подобная численная конкретизация как величин, так и времени вынуждает нас по-иному взглянуть на существо проблемы. ОКР 20 — означающий примерно 2,5 ребенка в среднем на семью — взят как условие для достижения темпа естественного прироста населения (ЕП), приближающегося, по прогнозу ООН, к 1% в 2000 г., при величине общего коэффициента смертности от 8 до 10 умерших на 1000 человек населения в год (ОКС 8—10)¹. Цель процедурного характера сводится к тому, чтобы выработать разумную стратегию регулирования рождаемости на ближайшие 5—10 лет, полагая при этом, что стратегии для более отдаленного будущего из-за чрезвычайной неустойчивости ситуаций в этой области демографии можно было бы оставить в стороне. Такой подход, разумеется, не означает, что принятые стратегии нельзя продлить на срок более 5—10 лет или же что последствия их не станут ощущаться за пределами этого периода — в большинстве случаев будет как раз обратное. Однако оптимальная политика на ближайшие годы должна быть определена уже сегодня, а впоследствии она может (и должна) подвергаться анализу и пересмотру через соответствующие интервалы времени.

В основе приводимых ниже оценок и прогнозов лежат выводы современных демографических и социологических исследований о состоянии народонаселения на данный момент, о направленности демографических трендов, о характере социально-экономических условий и преобразований, об эффективности осуществляемых в этой области программ: это данные о темпах развития тенденций рождае-

мости; факторы, определяющие рождаемость; социально-экономические «пороги», способствующие снижению рождаемости; место в этом процессе программ планирования семьи¹. Иными словами, автор попытался извлечь из накопленных на сегодняшний день в этой области научных знаний максимально исчерпывающую информацию. Что же может произойти с коэффициентом рождаемости в развивающихся странах в оставшийся до 2000 г. период времени? Какие меры следовало бы предпринять, помимо уже сложившейся практики, и в каких странах для того, чтобы достичь намеченной цели или по крайней мере приблизиться к ней?

С учетом этих вопросов — на какие составные части разбивается поставленная задача? В 1975 г. численность

Таблица 1
Численность населения развивающихся стран
в 1975 г., млн. человек

Азия	Латинская Америка	Ближний Восток и Северная Африка	Страны южнее Сахары
Китай ¹ 830	Бразилия 108	Турция 39	Нигерия 63
Индия 598	Мексика 60	Египет 37	Эфиопия 28
Индонезия 132	Колумбия 25	Иран 34	Заир 25
Бангладеш 79	Перу 16	Марокко 17	Судан 18
Пакистан 70	Венесуэла 12	Алжир 17	Танзания 15
Вьетнам ² 44	Чили 10	Ирак 12	Кения 13
Филиппины 42			Уганда 12
Таиланд 42			
Южная Корея 35			
Бирма 31			
Афганистан 19			
Тайвань 16			
КНДР 16			
Шри Ланка 14			
Непал 13			
Малайзия 11			

¹ Классификация ООН включает КНР и Вьетнам в категорию «развивающихся стран». — Прим. ред.

² В 1975 г. Демократическая Республика Вьетнам имела 24 млн. жителей, Республика Вьетнам — 20 млн.

³ Здесь и далее термины «программы планирования семьи» и «программы контроля над рождаемостью» употребляются как синонимы. — Прим. ред.

¹ Сравнительные величины за 1975—1980 гг. составляют: ЕП 2,4%, ОКС 12,8 и ОКР 36,4‰ [2].

населения около 120 развивающихся стран составляла примерно 2,9 млрд. человек [3], из них 90% фактически проживает в 35 странах, в каждой из которых насчитывается более 10 млн. человек (табл. 1).

Если основываться на имеющихся в настоящее время знаниях в сочетании с разумными и самыми осторожными предположениями относительно продолжающихся тенденций, тогда мы вправе спросить: каковы перспективы того, что перечисленные в таблице страны (за исключением Бирмы, КНДР, Вьетнама, Эфиопии и Ирака, по которым не имеется требуемых данных) достигнут ОКР 20 в течение следующих 20—25 лет? И какие последствия для выработки соответствующей демографической политики вытекают из таких перспектив?

ПЕРСПЕКТИВЫ

Анализируя демографическую картину будущего, мы можем лишь с определенностью констатировать наличие неопределенности: демография, как видим, тоже не лишена своей доли недостатков. Однако политика преследует цель изменить будущее и поэтому основывается на каком-то представлении о таком будущем, то есть о тех процессах которые надлежит ускорять, замедлять или в какой-то степени корректировать. Установим, какими возможностями обладают страны, указанные в табл. 1, для достижения ОКР 20 к концу столетия. Для этого изучим: 1) сложившиеся в этих странах к настоящему времени демографические коэффициенты и тенденции; 2) их социальные условия, вернее, те социально-экономические факторы, «пороговые» величины которых использованы в настоящей работе в качестве приблизительной оценки социально-экономических условий и которые, как полагают, способствуют снижению рождаемости (табл. 2), и, наконец, 3) активность осуществления программ планирования семьи.

Абсолютная точность здесь не представляется возможной, желательной или необходимой, и даже исследователи «порогов» считают их приближенными, предварительными и вызывающими сомнение. Мы не воспринимаем эти «пороги» в прямом смысле — будто бы только эти величины и только этих переменных приведут к нужным результатам. Скорее всего, они лишь приближенные показатели социально-экономических условий, благоприятствующих сни-

Таблица 2

Социально-экономические факторы и их «пороговая» величина

Фактор	«Пороговая» величина для ОКР 35	«Пороговая» величина для ОКР 20
Грамотность среди взрослых (грам), %	70	93
Число учащихся в возрасте 5—19 лет (учащ), %	55	69
Средняя продолжительность жизни (продл), лет	60	69
Коэффициент младенческой смертности (КМС), ‰	65	32
Несельскохозяйственная рабочая сила (нск), %	55	80
Валовой национальный продукт на душу населения (ВНП), долл.	450	1080
Численность женщин в возрасте 15—19 лет, никогда не состоявших в браке (жен), %	80	—

жению рождаемости, иными словами, ориентиры или эквиваленты, если, конечно, по своей природе они не ставят под контроль весь процесс. Такое восприятие находит свое дальнейшее подтверждение в специальном исследовании П. Молдина и Б. Берельсона [4], в котором содержится вывод о том, что практически ни один из факторов не предвещает начала переходного периода в динамике рождаемости (хотя некоторые, по-видимому, более результативны, чем другие).

Данные по всем трем позициям суммированы в табл. 3. В зависимости от степени возможности достичь к 2000 г. ОКР 20 все страны разделены на четыре группы: страны с несомненными, вполне вероятными, вероятными и маловероятными тенденциями снижения уровня рождаемости. Естественно, некоторые страны находятся на стыке этих групп, и им будет уделено отдельное внимание.

**Страны с несомненными тенденциями
снижения уровня рождаемости:
Южная Корея, Тайвань, Чили**

С той же степенью несомненности, с какой только можно предсказывать подобные социально-демографические события, эти три страны должны достичь ОКР 20 задолго до конца нынешнего столетия, ибо: ОКР в этих странах уже приближается к 20; в них отмечаются низкие коэффициенты смертности и младенческой смертности; по ряду факторов эти страны уже вышли за пределы (предполагаемых) «порогов» ОКР 35 в плане снижения рождаемости; в них не наблюдается заметного негативного эффекта этнических традиций; достаточно активно осуществляются программы планирования семьи; вот уже по меньшей мере 15 лет наблюдается устойчивая и прогрессирующая тенденция к снижению уровня рождаемости. Если в 1975—1985 гг. рождаемость в этих странах сократится на ту же процентную долю, что и в 1965—1975 гг., то величина ОКР будет в эти годы намного ниже 20.

Таким образом, эти страны обязательно достигнут установленной цели. Однако на данный момент в этой группе проживает лишь 2% населения развивающихся стран.

**Страны с вполне вероятными тенденциями
снижения уровня рождаемости:
Китай, Бразилия, Мексика, Филиппины, Таиланд,
Турция, Колумбия, Шри Ланка, Венесуэла, Малайзия**

Эти страны имеют хорошие шансы достичь установленной цели, поскольку: в настоящее время их ОКР составляет от 30 до 39 или ниже (за исключением, по-видимому, Мексики, хотя, по последним сведениям, этот показатель здесь сейчас меньше 40); общие коэффициенты смертности колеблются от 6 до 11; в этих странах сложилась благоприятная социальная среда; они отвечают нескольким «пороговым» требованиям (правда, в отношении Китая имеются сомнения из-за недостаточного объема данных); только одна страна (Турция с мусульманским вероисповеданием) имеет этническую традицию высокой рождаемости, но в последние годы она переживает быструю модернизацию, которая сопровождается резким снижением рождаемости; в 6 странах реализуются программы планирования семьи,

еще одна страна (Мексика) сейчас активизирует свои усилия в этом направлении, а другие три (Бразилия, Турция, Венесуэла) располагают соответствующим административным потенциалом; во всех этих странах, по-видимому, наблюдается понижающая тенденция, которая в ряде случаев довольно круто идет вниз, правда, самый недавний период времени оставляет некоторые сомнения (см. табл. 3). Если 1975—1985 гг. явятся повторением 1965—1975 гг., все страны этой группы, за исключением трех, будут иметь к 1985 г. ОКР в пределах от 20 до 29, а в Бразилии, Мексике и Венесуэле будет отмечаться переходная величина около 35, но при условии благоприятного хода развития (улучшение социальной среды, сильные «пороговые» позиции).

На рассматриваемую группу приходится 42% народонаселения развивающихся стран. Дело фактически обстоит так, что шансы четырех стран: Китая, Колумбии, Шри Ланки, Малайзии — достичь установленной цели можно было бы расценивать даже несколько выше, чем вероятность, и что еще одно десятилетие снижения, аналогичное периоду 1965—1975 гг., и это позволит им всем занять уровень несколько выше 20 (при условии, что сведения по Китаю являются в разумной степени точными), а трем другим странам (Филиппины, Таиланд, Турция) быть в пределах от 20 до 29. Тем не менее возможности таких крупных стран, как Бразилия и Мексика, по-прежнему проблематичны. По-видимому, наиболее целесообразно утверждать, что страны категории «вполне вероятные» приблизятся к установленной цели или что они могли бы это сделать, если бы приложили усилия.

**Страны с вероятными тенденциями
снижения уровня рождаемости:
Индия, Индонезия, Египет, Перу**

Эти страны представляют собой смешанную картину. С одной стороны, две страны уже сейчас имеют переходный уровень ОКР около 35 (Индия, Египет), в трех в последнее время намечается резкое снижение рождаемости (Индия, Индонезия, Египет) и в двух (Индия, Индонезия) проводятся сравнительно эффективные для их условий программы планирования семьи. С другой стороны, общий коэффициент смертности в этих странах до сих пор высокий;

Современное положение и тенденции в 29 развивающихся странах,
к 2000 г.

Категория и страна	Демографические данные							
	население, млн. человек, 1975 г.	естественный прирост населения, % 1975 г.	общий коэффициент смертности, ‰ 1975 г.	общий коэффициент рождаемости, ‰ 1975 г.	снижение ОКР 1955—1975 гг.		снижение ОКР 1965—1975 гг.	
					единицы	%	единицы	%
Несомненные								
Южная Корея	35	1,7	7	24	16	40	11	32
Тайвань	16	1,8	5	23	21	48	10	30
Чили	10	1,6	8	23	13	36	10	29
Вполне вероятные								
Китай	830	1,4	10	26	9	25	8	24
Бразилия	108	2,8	10	38	3	7	4	10
Мексика	60	3,0	8	40	6	13	4	9
Филиппины	42	2,6	11	36	9	20	8	19
Таиланд	42	2,8	9	34	13	28	10	23
Турция	39	2,3	11	34	11	24	7	16
Колумбия	25	2,2	9	33	13	28	11	25
Шри Ланка	14	1,9	9	27	11	28	6	18
Венесуэла	12	2,9	7	37	9	20	5	11

Таблица 3
разделенных на категории в зависимости от возможности достичь
ОКР 20

Социологические данные				Данные о программе планирования семьи
уровень социальной среды		религия	достигнутые «пороги»	
1970 г.	степень изменений 1960—1970 гг.			
высок.	высок.	китайск.	грам, учащ, продл, КМС, жен	активное
высок.	высок.	китайск.	грам, учащ, продл, КМС, исх, ВВП, жен	активное
высок.	высок.	католич.	грам, учащ, продл, ВВП, жен	умеренное
выше средн. высок.	выше средн. выше средн.	китайск.	продл	активное
		католич.	грам, учащ, продл, ВВП, жен	пассивное
высок.	высок.	католич.	грам, учащ, продл, КМС, ВВП, жен	пассивное
выше средн.	высок.	католич.	грам, учащ, продл, ВВП, жен	умеренное
выше средн.	выше средн.	китайск.	грам, учащ, продл, жен	умеренное
выше средн.	высок.	мусульм.	учащ, продл, ВВП, жен	пассивное
высок.	выше средн.	католич.	грам, учащ, продл, ВВП, жен	умеренное
выше средн.	низк.	проч.	грам, учащ, продл, КМС, жен	умеренное
высок.	выше средн.	католич.	грам, учащ, продл, КМС, исх, ВВП, жен	умеренное

Категория и страна	Демографические данные							
	население, млн. че- ловек, 1975 г.	естественный при- рост населения, % 1975 г.	общий коэффициент смертности, ‰ 1975 г.	общий коэффициент рождаемости, ‰ 1975 г.	снижение ОКР 1955—1975 гг.		снижение ОКР 1965—1975 гг.	
					единицы	%	единицы	%
Малайзия	11	2,4	6	31	15	31	11	26
Вероятные								
Индия	598	1,9	16	36	7	17	7	16
Индонезия	132	2,3	20	40	6	13	6	13
Египет	37	2,3	12	35	9	22	7	17
Перу	16	3,0	13	42	3	5	1	2
Маловероят- ные								
Бангладеш	79	2,8	18	49	1	1	1	2
Пакистан	70	2,8	15	47	2	5	1	1
Нигерия	63	2,7	23	49	0	0	1	1
Иран	34	2,9	14	45	2	6	1	2
Заир	25	2,3	21	44	3	7	3	6
Афганистан	19	2,5	24	49	0	0	0	+2
Судан	18	3,0	18	49	2	2	0	0
Марокко	17	3,0	16	48	2	5	1	2
Алжир	17	3,3	15	48	3	6	2	4
Танзания	15	2,5	19	48	3	7	3	5
Кения	13	3,3	16	50	+2	+4	0	0
Непал	13	2,2	21	45	1	2	+1	+1

Продолжение

Социологические данные				Данные о программе планирования семьи
уровень социальной среды		религия	достигнутые «пороги»	
1970 г.	степень изменений 1960—1970 гг.			
выше средн.	выше средн.	проч.	учащ, продл, КМС, ВВП, жен	умеренное
ниже средн.	ниже средн.	проч.		умеренное
ниже средн.	высок.	мусульм.		умеренное
выше средн.	низк.	мусульм.	учащ	пассивное
высок.	ниже средн.	католич.	грам, учащ, ВВП, жен	пассивное
низк.	низк.	мусульм.		пассивное
ниже средн.	ниже средн.	мусульм.		пассивное
ниже средн.	высок.	африкан.		пассивное
выше средн.	высок.	мусульм.	учащ, ВВП	умеренное
выше средн.	ниже средн.	африкан.	учащ	пассивное
низк.	ниже средн.	мусульм.		пассивное
низк.	ниже средн.	мусульм.		пассивное
выше средн.	ниже средн.	мусульм.	ВВП	пассивное
низк.	ниже средн.	африкан.		пассивное
ниже средн.	выше средн.	африкан.		пассивное
низк.	низк.	мусульм.		пассивное

социальные факторы в трех крупных странах, воздействующие на динамику рождаемости, колеблются в значительных масштабах; только Перу занимает благоприятное «пороговое» положение, способствующее снижению рождаемости; в трех странах исповедуется мусульманская религия (см. табл. 3). Если 1975—1985 гг. повторят 1965—1975 гг., то показатель ОКР для Индии и Египта составит примерно 30, для Индонезии — 35 и Перу — по-прежнему 40.

В странах этой группы живет 28% населения «развивающегося мира». У них есть шансы достичь установленной цели, однако это потребует некоторых усилий. С учетом существующих в двух наиболее крупных странах трудностей ОКР в размере 25 оказался для них бы выдающимся достижением.

**Страны с маловероятными тенденциями
снижения уровня рождаемости:
Бангладеш, Пакистан, Нигерия, Иран, Заир,
Судан, Марокко, Алжир,
Танзания, Кения, Непал**

В этих странах коэффициенты рождаемости колеблются от 45 и выше, отличаясь стабильностью, и это означает, что первоначальная пауза в снижении рождаемости еще не наступила; общий коэффициент смертности по-прежнему высокий; «пороги» не достигнуты; удерживаются традиции высокой рождаемости, присущие мусульманским странам и району Африки южнее Сахары; в последние годы пассивно осуществляются меры по планированию семьи (см. табл. 3). Снижение уровня рождаемости в период 1965—1975 гг., если оно вообще имело место, едва заметно.

У этой группы стран, на которые приходится 13% населения развивающихся государств, нет реальных шансов добиться в предполагаемых условиях установленной цели. Даже трудно выделить какую-либо страну, которая находилась хотя бы на границе с категорией «вероятные». Эти страны уже добьются хороших результатов, если к указанному сроку достигнут ОКР 30 или даже 35, то есть на 10—15 единиц меньше по сравнению с существующим уровнем.

Такова одна перспектива снижения уровня рождаемости для 85% населения развивающихся стран. Теперь

посмотрим, что же случится, если недавно наметившиеся тенденции спада рождаемости сохранятся в течение оставшейся части столетия.

Темп снижения рождаемости в ближайшем будущем будет, конечно, разным в зависимости от категории стран, а также разным внутри каждой отдельной страны в различные периоды времени. В качестве отправной точки предположим, что снижение рождаемости в период до конца столетия будет: или 1) равно показателю снижения по странам в предшествующие 20 лет (1955—1975 гг.) или 2) превышать в два раза такой показатель за предыдущее десятилетие (1965—1975 гг.).

В соответствии с первым допущением темп снижения рождаемости позволит рассмотренной выше группе развивающихся стран достичь к 2000 г. ОКР 30 и в соответствии со вторым — ОКР 26, как это и показано в табл. 4 на примере прогнозов ОКР на период 1975—2000 гг. (результаты взвешены в зависимости от численности населения и социально-экономических особенностей страны).

Таблица 4
Прогнозы ОКР в период 1975—2000 гг.

Категория стран	ОКР, 1975 г.	ОКР к 2000 г. ¹ , если	
		снижение=по- казателю за 1955—1975 гг.	снижение=— двойному по- казателю за 1965—1975 гг.
Несомненные	24	15	15
Вполне вероятные	29	24	19
Вероятные	37	31	26
Маловероятные	48	47	46
В целом	34	30	26

¹ Ни один из прогнозов не выходит за пределы ниже ОКР 15; три примера с небольшими увеличениями в 1955—1965—1975 гг. были приведены как не претерпевшие никаких изменений.

Потребуется, разумеется, наличие более круто понижающейся тенденции для того, чтобы достичь ОКР 20: где-то в пределах 40%-ного уменьшения за весь период, а не 15—25%, как рассчитано здесь. Даже если коэффициенты за 1955—1975 гг. вызвали бы слишком большой оптимизм, что вообще-то маловероятно, то и тогда ОКР

в 2000 г. был бы соответственно выше, хотя и ненамного; в конце концов, уже сейчас он составляет около 34.

Сравнительную раскладку ОКР на 2000 г. на основе последних прогнозов ООН и с учетом возрастной структуры населения [5] иллюстрирует табл. 5 (результаты взвешены по численности населения).

Таблица 5

Уровень ОКР в 2000 г., согласно прогнозам ООН

Категория стран	Средний вариант	Низкий вариант
Несомненные ¹	19,6	17,6
Вполне вероятные	21,5	19,4
Вероятные	26,6	24,4
Маловероятные	36,8	33,6
В целом (исследуемые страны)	25,6	23,2
В целом (все развивающиеся страны)	27,8	25,0

¹ Тайвань не включен в документы ООН.

Особое значение имеет тот факт, что фертильность в некоторых странах будет снижаться к концу столетия несколько быстрее, чем ОКР, в том смысле, что изменяющаяся возрастная структура населения будет препятствовать общему уменьшению ОКР. В течение 10—15 лет после начала сокращения частоты рождений разница между ОКР и общим коэффициентом плодovitости явится совсем небольшой в плане процентного снижения, однако затем эта величина начнет расти и может составить уже 10—15% в пользу общего коэффициента плодovitости (который не зависит от возрастной структуры). Таким образом, ОКР на 2000 г. будет под воздействием изменений возрастной структуры относительно высоким в тех странах, где уже началось снижение уровня рождаемости или скоро произойдет (до 1985 г.). Иными словами, уровень ОКР как метод измерения уровня рождаемости действительно представляет собой «общий» показатель: коэффициенты отражают не только фактически происходящее снижение рождаемости, но и также любые изменения в возрастной структуре. С другой стороны, общие коэффициенты пло-

витости отражают тенденции интенсивности процесса рождаемости как таковые и будут показывать более крутой спад вниз, чем ОКР. Короче говоря, это означает, что даже сейчас в тех странах, где рождаемость начала падать 10 или более лет тому назад и будет все в большей степени уменьшаться в последующие десятилетия, любое снижение ОКР натолкнется на связанные с возрастной структурой остаточные явления.

С целью проследить дальнейшее развитие предполагаемых вариантов напомним для сравнения, что снижение ОКР за 1965—1975 гг. составило 5,5 единицы, а рекордным показателем в мире за последнее время был спад в Японии в период 1947—1957 гг. на 17 единиц. Снижения, которые прогнозируются в наших четырех категориях стран (см. табл. 6), колеблются от —2 единиц для «маловероятных» стран до —6—11 единиц в отношении других, при этом общее сокращение составляет 6—10 единиц от ОКР 1975 г. Такая перспектива, по-видимому, охватывает все возможные варианты и свидетельствует о том, что ограничение рождаемости в значительных масштабах является вполне достижимой целью, хотя темп этого снижения в настоящее время явно недостаточен для выполнения поставленной задачи.

Мы использовали для дальнейших расчетов уровень ОКР 35 и связанные с ним «пороги», поскольку эти величины расцениваются как стоящие у начала переходного периода. Попытаемся обрисовать возможную картину снижения рождаемости в будущем, взяв за исходную точку анализ такого числа переходных лет, которое необходимо, чтобы в стране произошло уменьшение ежегодных общих коэффициентов рождаемости с 35 до 20 [6]. Д. Кирк обнаружил возникающий с течением времени процесс ускорения темпов снижения рождаемости на протяжении такого переходного периода, кульминационный момент которого для стран, вступивших в него после 1950 г., наступает в среднем через 15 лет, медиана составляет 14, а общий диапазон времени — от 10 до 26. Однако данные Д. Кирка, ограниченные шестью странами, охватывают период до примерно 1969 г.; сейчас же мы располагаем дополнительной информацией, которую могли бы проанализировать как во времени, так и с количественной точки зрения.

Подобный анализ свидетельствует о том, что ни одна

Таблица 6

Прогнозы ОКР, 1975—2000 гг.

Категория и страна	Снижение, % 1955—1975 гг.	Снижение, % 1965—1975 гг.	ОКР, 1975 г.	ОКР к 2000 г., если		Прогнозы ООН в отношении ОКР, 1955—2000 гг.	
				снижение в % = пока- зателю за 1955—1975 гг.	снижение в % = двой- ному показателю за 1965—1975 гг.	средний вариант	низкий вариант
Несомненные							
Южная Корея	40	32	24	15 ²	15 ²	19,6	17,6
Тайвань	48	30	23	15 ²	15 ²	— ³	— ³
Чили	36	29	23	15 ²	15 ²	19,8	17,6
Вполне вероятные							
Китай	25	24	26	19	15 ²	18,3	17,1
Бразилия	7	10	38	35	30	29,4	22,7
Мексика	13	9	40	35	33	35,2	32,1
Филиппины	20	19	36	29	23	28,6	25,1
Таиланд	28	23	34	25	18	29,1	27,4
Турция	24	16	34	26	23	26,5	21,4
Колумбия	28	25	33	24	16	26,9	21,6
Шри Ланка	28	18	27	20	18	18,7	17,6
Венесуэла	20	11	37	30	29	26,4	22,6
Малайзия	31	26	31	22	15	22,6	20,2
Вероятные							
Индия	17	16	36	30	25	26,3	24,1
Индонезия	13	13	40	35	30	26,7	25,4
Египет	22	17	35	27	23	28,3	24,8
Перу	5	2	42	39	40	31,4	25,5
Маловероятные							
Бангладеш	1	2	49	48	47	36,4	33,8
Пакистан	5	1	47	45	46	32,5	30,6
Нигерия	0	1	49	49	48	44,8	40,0
Иран	6	2	45	43	43	31,0	29,1
Заир	7	6	44	41	39	40,6	37,4
Афганистан	0	+2 ¹	49	50	51	36,5	34,8
Судан	2	0	49	47	49	35,8	33,1
Марокко	5	2	48	46	46	32,0	28,3
Алжир	6	4	48	45	44	33,1	29,6
Танзания	7	5	48	45	43	42,2	33,6
Кения	+4 ¹	0	50	52	50	41,8	33,3
Непал	2	+1 ¹	45	44	46	33,4	31,7

¹ Считается в результате экстраполяции как нулевое изменение.² Произвольный нижний допустимый предел ОКР для развивающихся стран оценивается в 15.³ Тайвань не включен в документы ООН.

страна еще не достигла ОКР 20, однако некоторые уже близки к этому показателю. Примечательно сходство во времени, которое необходимо как для 6 стран, рассмотренных Д. Кирком, так и для нашей группы из 16 государств, чтобы достичь «порогового» уровня снижения рождаемости (табл. 7).

Таблица 7

Перспективы реализации программ контроля над рождаемостью

Измерение	Требуемое количество лет	
	для 6 стран по Кирку (пересмотрено)	для дополнительных 16 стран
Среднее	21	23
Медиана	22	21
Диапазон	11—33	15—40

Из этих 22 стран 19 достигнут ОКР 20 к 2000 г., а оставшиеся три (Албания, Турция, Египет) придут к этой цели с опозданием в пять лет (табл. 8).

В этом перечне, включающем и малые страны, имеется 11 государств, в которых в настоящее время живет 38% населения развивающихся стран. Более того, еще одно десятилетие снижения рождаемости, аналогичное тому, какое имело место в 1965—1975 гг., и все страны в категориях «вполне вероятные» и «вероятные» (за исключением Перу) оказались бы к 1985 г. на рубеже перехода к ОКР 35, и, таким образом, им была бы «уготована судьба» завершить такой переход к 2000 г. или несколько позже.

Более сжатая оценка сложившегося положения ставит в центр внимания самые крупные страны, скажем, 8 стран с населением каждая 50 млн. или более, на которые в совокупности приходится около 70% населения развивающихся стран (табл. 9).

Следующие по размеру 6 стран с населением от 35 до 50 млн. человек, на которые приходится 8% населения развивающихся стран (или более 75% всего населения развивающихся государств, если к ним добавить самые крупные 8 указанных выше стран), имеют, как обосновано ранее, намного большие шансы для более быстрого снижения уровня рождаемости (табл. 10).

Таблица 8

Перспективы достижения ОКР 20 в странах,
достигших ОКР 35 после 1950 г.

Страна	Год достижения ОКР 35	Год достижения ОКР 20	ОКР, 1975 г.	Снижение ОКР, % 1965—1975 гг.	Число лет, тре- буемое для до- стижения ОКР 20 (экстраполя- ция)	Переход от ОКР 35 к ОКР 20, чи- сло лет
<i>Группа Кирка</i>						
Чили ¹	1952		23,2	29	5=1980 г.	28
Пуэрто-Рико	1955	1972	23,1	20	6=1981 г.	26
Гонконг	1960					12
Цейлон ¹						
(Шри Ланка)	1961		27,2	18	15=1990 г.	29
Сингапур	1962	1973				11
Тайвань ¹	1963		23,0	30	5=1980 г.	17
<i>Дополнения</i>						
Китай ¹	1954		26,0	24	9=1984 г.	30
Тринидад и Тобаго	1963		23,0	29	4=1979 г.	16
Южная Корея ¹	1965		24,0	32	5=1980 г.	15
Албания ²	1965		33,3	15 ³	30=2005 г.	40
Маврикий	1966		25,6	29	8=1983 г.	17
Фиджи	1966		28,0	22	13=1988 г.	22
Малайзия ¹	1969		31,4	26	15=1990 г.	21
Ямайка	1970		30,3	21	18=1993 г.	23
Коста-Рика	1970		29,3	29	11=1986 г.	16
Панама	1972		31,0	22	18=1993 г.	21
Таиланд ¹	1974		34,0	23	20=1995 г.	21
Турция ¹	1974		34,0	16	30=2005 г.	31
Колумбия ¹	1974		33,0	25	18=1993 г.	19
ДРВ ¹	1974		32,0	23	18=1993 г.	19
Тунис	1974		33,9	24	19=1994 г.	20
Египет ¹	1975		34,8	17	30=2005 г.	30

¹ Страны с населением 10 млн. человек или более, включенные в общий анализ.

² Интерполировано на основе процентного снижения рождаемости в период 1960—1975 гг.

³ По классификации ООН, Албания относится к группе развивающихся стран.— *Прим. ред.*

Три страны Восточной Азии (Южная Корея, Пакистан, Филиппины) уже давно на пути к намеченной цели, а три страны на Ближнем Востоке (с мусульманским вероисповеданием) могли бы добиться успеха при наличии решительных усилий в области планирования семьи.

Таблица 9

Страны с населением 50 млн. человек и более

Несом- ненные	Вполне вероятные	Вероятные	Мало- вероятные
	Китай Бразилия Мексика	Индия Индонезия	Бангладеш Пакистан Нигерия

Таблица 10

Страны с населением от 35 до 50 млн. человек

Несомненные	Вполне вероятные	Вероятные	Мало- вероятные
Южная Корея	Филиппины Таиланд Турция	Египет	Иран

ПРОГРАММЫ

Таким образом, даже если продолжится недавно начавшийся процесс снижения рождаемости, — что уже само по себе беспрецедентно для развивающихся стран, — то он все же явится недостаточным условием для достижения к 2000 г. ОКР 20 и темпа прироста населения 1%. Однако сохранение наметившихся сейчас тенденций отнюдь не обязательно должно стать исключительно естественным ходом событий. Государственная политика также будет оказывать свое воздействие. В той мере, в какой настоящий анализ и прогноз приближен к действительности или по меньшей мере указывает на направление, в котором можно было бы с пользой проводить исследования, возникает вопрос: что и где надлежит предпринять самим странам и организациям-донорам, чтобы с помощью реалистических средств оптимизировать такой темп снижения рождаемости, который позволил бы приблизиться к намеченной или аналогичной цели.

С этих позиций рассмотрим весь круг мер стратегического порядка, которые используются или предлагаются

в настоящее время: 1) программы планирования семьи; все они — традиционные или интегрированные со службами здравоохранения, ограниченные по масштабу или расширенные с использованием аборт или каких-либо иных новых методов — преследуют цель раздвинуть диапазон средств контроля над рождаемостью; 2) развитие общества в целом: либо «интегрированное», либо «селективное», либо «с перестройкой» — например, совершенствование системы народного образования, понижение коэффициентов младенческой смертности, улучшение положения женщин, перераспределение доходов в целях увеличения потребности в контроле над рождаемостью (направление, которое можно было бы назвать «рецептом Бухареста»); 3) процедурные, административные и организационные коррективы с целью интернализировать расходы, свести до минимума негативные признаки репродуктивного поведения индивидов и рационализировать социальные явления, управляющие таким поведением; 4) официальные стимулы, давление и санкции против нежелательного или, наоборот, в пользу желательного репродуктивного поведения для того, чтобы решать проблему уже непосредственным образом (например, предусмотренное законом повышение брачного возраста и соответствующие меры по его выполнению).

Возникает вопрос, каким образом очерченный выше круг стратегических мер мог бы, в случае реалистического подхода к ним, повысить шансы стран разной категории достичь общего коэффициента рождаемости в пределах 20 или по крайней мере приблизиться к этому уровню.

Несомненные. Здесь нет трудностей. Социально-экономические условия и тенденции благоприятные, осуществление программ удовлетворительное или хорошее, уже сложилась практика контроля над рождаемостью. Эти страны, по-видимому, имеют гарантии достичь установленной цели или даже добиться показателей ниже ее.

Вполне вероятные. В данном случае имеются проблемы, а поэтому имеются и возможности. Как показали недавние исследования, более интенсивные усилия в области планирования семьи могли бы явно закрепить тенденцию снижения рождаемости в условиях сложившейся социально-экономической среды Бразилии, Мексики и Венесуэлы, а также существенно оптимизировать ситуацию на Филиппинах, в Шри Ланке и Турции. Четыре другие

страны — Китай, Таиланд, Колумбия и Малайзия — уже близки к этапу максимального эффекта, если только две последние страны не начнут делать упор на практике абортов, которая расценивается как нереалистичный курс с учетом настроений местного населения (то же самое можно было бы сказать в отношении других латиноамериканских стран этой категории). Положение с точки зрения развития представляется более или менее удовлетворительным, и дальнейшие улучшения могут оказаться вполне достаточными. В этой связи сложившиеся к настоящему времени условия являются благоприятными по отношению к «порогам» ОКР 35 (см. табл. 13, в том числе «несомненные» страны). Из 87 имеющихся в наличии примеров по двум категориям (13 стран $\times$ 7 социально-экономических факторов = 91—4 примера из-за отсутствия данных по Китаю) 64, или 74%, были в 1970 г. уже или весьма близки к «пороговой» величине, или на уровне ее, или выше. Если допустить продолжение в каждом таком примере тенденции 1960—1970 гг., то из оставшихся стран только перечисленные в табл. 11 не достигли бы к 1990 г. установленных «пороговых» уровней.

Таблица 11

Страны, не достигшие «пороговых»
уровней снижения рождаемости

Несельскохозяйственная рабочая сила	ВНП на душу населения
Китай Бразилия Мексика Филиппины Таиланд Шри Ланка Малайзия	(данных нет) Филиппины Шри Ланка

Это означает, что ни одна страна по уровню показателей социально-экономического развития в категории «несомненные» не будет ниже какого-либо «порога», а страны в группе «вполне вероятные» не будут иметь показателей ниже допустимого уровня — с учетом ускоренных темпов индустриализации и роста городов. Более того, медианная

Таблица 12

Семь социально-экономических факторов по состоянию на 1975 г.
В скобках для сравнения даны «пороговые» величины ОКР 35
в период около 1970 г.

Категория и страна	Средняя продолжительность жизни, число лет (60 лет)	Коэффициент младенческой смертности, ‰ (65)	Грамотность среди взрослых, % (70%)	Число учащихся в возрасте 5—19 лет, % (55%)	Несельскохозяйственная рабочая сила, % (55%)	ВНП на душу населения, долл. (450 долл.)	Численность женщин в возрасте 15—19 лет, никогда не состоявших в браке, % (80%)	Число достигнутых порогов (примерно 1976 г.)
Несомненные								
Южная Корея	59	60	88	76	45	344	97	5
Тайвань	68	19	81	78	65	623	94	7
Чили	62	79	88	83	57	811	91	6
Медиана (приблиз.)	62	60	85	78	57	623	94	6
Вполне вероятные								
Китай	60	— ¹	—	—	34	170	—	?
Бразилия	61	109	66	58	41	680	87	4
Мексика	62	68	74	69	42	996	79	6
Филиппины	57	82	83	87	33	289	89	4
Таиланд	57	80	79	58	21	269	81	4
Турция	56	145	51	69	38	612	80	4
Колумбия	60	76	76	63	44	432	86	5
Шри Ланка	67	50	81	73	41	129	89	5
Венесуэла	57	49	82	75	57	1837	84	7
Малайзия	58	41	58	62	42	555	84	5
Медиана (приблиз.)	60	75	75	70	40	360	85	5
Вероятные								
Индия	48	130	33	40	32	140	43	0
Индонезия	46	140	60	43	29	146	63	0
Египет	51	120	35	52	38	266	70	1
Перу	55	135	74	75	41	659	83	5
Медиана (приблиз.)	50	130	50	50	35	175	65	1
Маловероятные								
Бангладеш	40	140	22	33	14	119	11	0
Пакистан	49	136	22	27	37	131	69	0
Нигерия	40	157	25	21	31	219	28	0
Иран	50	140	29	54	43	882	54	2
Заир	43	115	35	68	30	134	—	1
Афганистан	39	190	8	14	18	102	49	0
Судан	47	145	20	21	17	139	—	0
Марокко	52	133	21	32	35	378	66	0

Продолжение

Категория и страна	Средняя продолжительность жизни, число лет (60 лет)	Коэффициент младенческой смертности, ‰ (65)	Грамотность среди взрослых, % (70%)	Число учащихся в возрасте 5—19 лет, % (55%)	Несельскохозяйственная рабочая сила, % (55%)	ВНП на душу населения, долл. (450 долл.)	Численность женщин в возрасте 15—19 лет, никогда не состоявших в браке, % (80%)	Число достигнутых порогов (примерно 1975 г.)
Алжир	52	145	26	45	33	655	54	1
Танзания	43	167	37	22	17	156	29	0
Кения	49	126	35	42	21	178	64	0
Непал	42	200	13	19	8	102	39	0
Медиана (приблиз.)	45	145	25	30	25	150	50	0

¹ Данные отсутствуют.

страна в этих категориях уже достигла соответствующих пороговых величин развития для снижения ОКР до 20 (табл. 13).

Таблица 13

Социально-демографические показатели «порогового» уровня снижения рождаемости для различных групп развивающихся стран

Социально-экономический фактор ¹	Соответствующая величина для ОКР 20	Медиана		Страны, достигшие «порога» или приблизившиеся к нему
		несомненные	вполне вероятные	
Средняя продолжительность жизни, число лет	69	62	60	Шри Ланка
Коэффициент младенческой смертности, ‰	32	60	75	Тайвань
Грамотность среди взрослых, %	93	85	75	Южная Корея, Чили
Число учащихся в возрасте 5—19 лет, %	69	78	70	Южная Корея, Тайвань, Чили, Мексика, Турция, Шри Ланка, Венесуэла
Несельскохозяйственная рабочая сила, %	80	57	40	Нет.
ВНП на душу населения, долл.	1080	623	360	Венесуэла

¹ Данные о численности женщин в возрасте 15—19 лет, никогда не состоявших в браке, отсутствуют.

Страны в категории «вполне вероятные» характеризуются эффективным осуществлением программ контроля над рождаемостью. Это относится к крупным странам, следующим по численности населения после Китая (Бразилия, Мексика, Филиппины, Таиланд, Турция). За исключением Бразилии и, вероятно, Турции, они все в прямом смысле согласились с политикой планирования семьи. В условиях этих стран такого рода программы вполне осуществимы с административной точки зрения, причем эти программы имеют такую, помимо демографической, направленность, которая позволяет поддерживать их как систему мер охраны материнства. Итак, в отношении стран этой группы справедливы слова, что если будет желание действовать, то найдутся и способы достижения цели.

Вероятные. На данную группу изложенные выше соображения, по-видимому, не распространяются. За исключением Перу, «пороговая» позиция слабая и может оставаться таковой в течение некоторого периода времени. Две другие крупные страны — Индия и Индонезия — реализуют программы планирования семьи в неблагоприятных условиях. Как и Китаю, им требуются особо активные усилия с целью преодолеть инерцию традиционных социально-экономических условий, замедляющих процесс снижения рождаемости. Действительно, по мнению некоторых экспертов, в этих трех самых крупных развивающихся странах даже те успехи, которые достигнуты к настоящему моменту, в огромной степени есть результат давления со стороны официальных кругов.

В любом случае независимо от оказываемого давления любые усилия в подобных обстоятельствах, вероятно, требуют применения постоянных и конкретных методов для того, чтобы иметь существенные демографические последствия. Что касается Египта и Перу, то более решительно проводимая политика планирования семьи должна значительно изменить ситуацию во второй стране (хотя здесь, по-видимому, этот процесс начнется со слишком удаленных позиций до намеченной цели) и менее опутимо — в первой, хотя и здесь использование более эффективных методов окажется, по-видимому, неприемлемым.

Помимо программ и «давления», какие еще методы имеются в распоряжении лиц, участвующих в разработке политики планирования семьи? С учетом сложившегося социально-экономического положения и наметившихся

тенденций в следующие два десятилетия есть основания ожидать новых сдвигов, которые позволят достичь «пороговых» уровней ОКР 35 или приблизиться к ним в том, что касается продолжительности жизни в Индии и Египте, грамотности среди взрослых в Индонезии и числа учащихся в возрасте 5—19 лет во всех трех странах, однако в отношении других факторов снижения рождаемости этого не произойдет. Названные страны находятся по-прежнему далеко от требуемых «порогов» и развиваются в их направлении довольно медленными темпами.

Еще два десятилетия дальнейших улучшений, эквивалентных периоду 1960—1970 гг., позволят странам в категориях «вероятные» и «маловероятные» достичь в 1990 г. следующих социально-экономических «порогов» для ОКР 35 (табл. 14).

Очевидно, что если бы, например, в Индии или Иране в последующие 20 лет продолжалось увеличение числа учащихся в возрасте 5—19 лет, как это имело место в 1960—1970 гг., то они достигли бы «порогового» уровня в 55%, который уже превышен в Перу и Заире. Подробнее см. табл. 15.

Здесь-то и заложена основная трудность для дела реализации демографической политики, особенно для тех его сторонников, которые выступают за пересмотр «бухарестских» принципов. Как реалистичным образом, с помощью конкретных мер, которые можно было бы претворить в жизнь в течение разумного периода времени и которые могут быть демографически обоснованы, «перестроить» структуру развития Индии, Индонезии или Египта с целью форсировать процесс снижения рождаемости?

Маловероятные. В данном случае общая картина во всех отношениях еще более мрачная. В половине стран этой категории программы планирования семьи осуществляются по недемографическим соображениям. Выполнение эффективных программ в этих странах может быть сопряжено лишь с большими трудностями, и не исключено, что они неосуществимы здесь вообще. Известна лишь одна умеренная по своим целям программа во всем их комплексе, несмотря на предпринятые многолетние попытки в некоторых странах. Более того, такие попытки, по-видимому, не повлекут за собой значительных демографических последствий, если только не будут применены постоянные и/или конкретные методы — такие, например, как

Таблица 14

«Пороговые» показатели социально-демографического развития для различных групп развивающихся стран

Средняя продолжительность жизни	Коэффициент младенческой смертности	Грамотность среди взрослых	Число учащихся в возрасте 5—19 лет	Несельскохозяйственная рабочая сила	ВВП на душу населения	Женщины в возрасте 15—19 лет, никогда не состоявшие в браке
Индия		Индонезия	Индия		Перу ¹	Перу ¹
Египет		Перу ¹	Индонезия			
Перу			Египет			
			Перу ¹			
Пакистан	Иран		Иран	Иран	Иран ¹	Пакистан
Иран			Заир ¹		Марокко ¹	Марокко
Марокко			Алжир		Алжир	
Алжир			Кения			
Кения						

ровне или выше «порога».

Таблица 15

единиц ниже «пороговой» величины (н), 1970 г. и динамика улучшения (у), 1960—1970 гг.

Средняя продолжительность жизни		Коэффициент детской смертности		Грамотность среди взрослых		Число учащихся в возрасте 5—19 лет		Несельскохозяйственная рабочая сила		ВВП на душу населения		Женщины в возрасте 15—19 лет, никогда не состоявшие в браке	
(н)	(у)	(н)	(у)	(н)	(у)	(н)	(у)	(н)	(у)	(н)	(у)	(н)	(у)
12	5	65	9	37	5	15	13	23	4	310	21	37	14
14	5	75	26	10	21	12	8	26	7	304	25	17	3
9	5	55	0	35	6	3	9	17	2	184	44	10	3
5	5	70	—43	выше	13	выше	17	14	4	выше	138	выше	—1
10	5	65	5	25	10	8	10	20	5	250	35	15	5
20	0	75	7	48	0	22	8	41	1	331	14	69	3
11	6	71	6	48	6	28	5	18	0	319	45	11	22
20	5	92	6	45	—	34	0	24	5	231	53	52	—
10	4	75	60	41	12	1	25	12	5	выше	366	26	—
17	3	50	—11	35	—	выше	20	25	5	316	29	—	—
21	5	135	—	62	5	41	9	37	3	348	0	31	—
13	5	80	—	50	8	34	10	38	4	311	—15	—	—
8	5	68	16	49	7	23	7	20	5	72	49	14	21
8	5	80	34	44	—	10	17	22	4	выше	—118	26	—
17	5	102	23	33	9	33	7	38	4	294	35	51	—
11	5	61	—	35	7	13	13	34	4	272	26	16	6
18	5	135	—	57	4	36	11	47	1	348	7	41	13
15	5	80	10	45	7	25	9	30	4	300	28	30	10

аборты, — не пользующиеся одобрением населения в большинстве стран. То же самое можно сказать о мерах, связанных с административным давлением и санкциями, хотя известно, что в Бангладеш поговаривали было и о них, а некоторые страны даже воспользовались ими... но для решения других вопросов; однако когда дело доходит до конкретных действий, такое лечение обычно считается хуже болезни. Что касается развития — общего или «с перестройкой», — то ситуация в этом плане вызывает еще больший пессимизм по сравнению со странами в категории «вероятные» как с точки зрения текущего момента (см. табл. 13), как с позиций 20-летней экстраполяции «порогов» для ОКР 35 (см. табл. 14 и 15). Только Иран имеет хорошие показатели да, вероятно, страны Северной Африки. Таким образом, в этой группе стран трудности на пути развития «с перестройкой» и реорганизацией общественных институтов в качестве инструментов демографической политики принимают еще более усугубленную форму, нежели в группе «вероятные».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытаемся теперь резюмировать итоги нашего исследования.

В табл. 16 вновь охарактеризована сложившаяся к настоящему времени в странах разной категории ситуация в отношении основных социально-экономических факторов, функционально связанных с уровнем рождаемости. Основные контрасты сразу бросаются в глаза.

Показатели верхней строки все до одного благоприятны, и, если отталкиваться от нынешних условий, страны этой категории, по-видимому, имеют гарантии достичь ОКР 20 к концу столетия.

Снижение общего коэффициента смертности по-прежнему отстает в последних двух категориях, что особенно важно, если исходить из общепринятой истины о том, что «процесс снижения общего коэффициента рождаемости начинается... примерно в то же время, когда процесс снижения общего коэффициента смертности в основном уже исчерпал себя».

Две средние категории, на которые падает преобладающая часть населения развивающихся стран, находятся на переходном этапе ОКР 35, при этом значительное сниже-

Таблица 16
Соотношение демографических показателей и факторов снижения уровня рождаемости по различным группам развивающихся стран

Категория стран	Демографические данные				Выборочные социально-экономические факторы, примерно 1970 г. (и «пороговые» величины для ОКР 35)				Данные о программе планирования семьи	
	естественный прирост населения, % 1975 г.	общий коэффициент смертности, % 1975 г.	общий коэффициент рождаемости, % 1975 г.	снижение ОКР, % 1965—1975 гг.	средняя продолжительность жизни (60 лет)	несельскохозяйственная рабочая сила (55%)	ВНП на душу населения (450 долл.)	женщины в возрасте 15—19 лет, никогда не состоявшие в браке (80%)	число доступных «порогов» (из 7)	осуществленные программы
Несомненные (2 с 2%) ¹	1,7	7	23	30	62	57	625	94	6	активное
Вполне вероятные (40 с 42%)	2,5	9	34	18	60	40	360	85	5	умеренное
Вероятные (4 с 28%)	2,3	14	36	15	50	35	175	65	1	умеренное/пассивное
Маловероятные (42 с 43%)	2,8	18	48	2	45	25	150	50	0	пассивное

¹ Число стран и процентная доля совокупного населения в развивающихся странах.

ние рождаемости было отмечено в десятилетие 1965—1975 гг.

Социально-экономическая основа, которая если не необходима, то по меньшей мере благоприятна для снижения рождаемости, отсутствует в нижних двух категориях.

Осуществление программы планирования семьи хорошее — в верхних категориях, плохое — в нижних и с переменным успехом — в средних.

Таково положение дел в настоящее время.

В отношении мер по планированию числа детей в семье представляется необходимым с демографической точки зрения подчеркнуть значение аборт (либо какого-то другого нового метода, например вакцинирования), и прежде всего в наиболее проблематичных ситуациях. В отношении действенности официальных мер стимулирования и «давления» опыт, как отмечалось выше, свидетельствует о том, что это и в самом деле эффективные методы, хотя применение их на практике иногда сопряжено с трудностями и даже опасностью. Тем не менее в них, по-видимому, есть необходимость, — конечно в течение разумного периода времени, — в целях достижения низкой фертильности в наименее развитых странах. [Здесь вновь речь идет об эмпирическом заключении, а не о нормативном рецепте, ибо в конечном итоге выбор методов контроля над рождаемостью является внутренним делом самих стран.] Это обстоятельство ставит перед нами более крупные задачи коренных изменений в социально-экономических факторах развития.

В этом контексте трудность реализации положений Всемирного плана действий ООН в области народонаселения, принятого в Бухаресте, очевидна. Одна из главных рекомендаций плана, содержащаяся в пункте 31, гласит: «Страны, стремящиеся воздействовать на уровни рождаемости, должны отдавать приоритет осуществлению программ развития, а также стратегии в области образования и здравоохранения, ибо они — содействуя экономическому росту и повышению уровня жизни — оказывают одновременно решающее воздействие на демографические тенденции, включая рождаемость». Эта тема была затем повторена в пункте 32 и включала, среди прочего, следующие положения: снижение младенческой и детской смертности посредством улучшения питания, организация санитарной профилактики и обеспечение ухода за здоровьем матери;

полное вовлечение женщин в общественную жизнь путем предоставления им возможностей в области образования и трудоустройства; более справедливое распределение доходов и земли; содействие образованию для обоих полов; введение пособий в рамках социального обеспечения. Такие задачи сами по себе явно не по плечу для тех демографических фондов, на которые приходится примерно всего 2% объема средств, выделяемых на цели экономической помощи развивающимся странам.

Что же можно сделать на благо демографической политики в странах, находящихся в центре внимания, с помощью тех средств, которые выделяются в области народонаселения или развития, и используя курс, который был бы реалистичным с политической точки зрения, практически возможным с административной и жизнеспособным в экономическом отношении? Этот вопрос требует дальнейшего изучения, если только подход через посредство «интегрированного» развития или развития «с перестройкой» не воспринимается либо просто как способ, который позволяет свести на нет значение снижения рождаемости и более низких темпов роста народонаселения, как содействующих росту благосостояния человечества, либо как метод, который усиливает политическую позицию отдельных государств, связанную с установлением «нового международного экономического порядка».

Какие, например, конкретные шаги можно было бы предпринять в странах с большим населением — в Индии, Индонезии, Бангладеш, Пакистане и Нигерии, на которые приходится более 80% населения в категории «вероятные» и «маловероятные» (или в этих пяти плюс Египет и Иран — и в таком случае 87% населения), — с целью содействовать позитивному развитию сложившегося в них положения? Удачи и неудачи этих стран по состоянию примерно на 1970 г. иллюстрирует табл. 17 (вновь учтите, что «пороговые» величины здесь соответствуют ОКР 35, а не 20, иными словами, семье с числом детей 5, а не 2,5).

Если исходить из положения о том, что «более суровые» меры нежелательны или неприемлемы и что программы планирования семьи «потерпели» или «потерпят фиаско», тогда вся проблема как раз и сводится к тому, как мы ее поставили, то есть к разработке корректирующих рецептов развития в целом, не упуская при этом из виду вопросов ограничения рождаемости.

Таблица 17

Социально-демографические показатели стран, на которые приходится 80% населения развивающихся государств

Страна	Средняя продолжительность жизни (60 лет)	Несельскохозяйственная рабочая сила (55 %)	ВНП на душу населения (450 долл.)	Женщины в возрасте 15—19 лет, никогда не состоявшие в браке (80%)
Индия	48	32	140	43
Индонезия	46	29	146	63
Бангладеш	40	14	119	11
Пакистан	49	37	131	69
Нигерия	40	31	219	28
Египет	51	38	266	70
Иран	50	43	достигнут	54

Мы располагаем сейчас более совершенными возможностями для выяснения того, что же требуется предпринять в большинстве проблематичных стран, то есть тех стран, в которых достижение цели — ОКР 20 в 2000 г. — представляется лишь «вероятным» или «маловероятным». Например, если взять типичную страну в обеих категориях, то какие так называемые «пороги» для исходных, определяющих социально-экономических факторов можно было бы легче всего достичь к 1990 г. (20 лет, чтобы получить эффект снижения ОКР 35 до ОКР 20) с учетом усиления воздействия так называемых промежуточных факторов («биологические факторы и факторы поведения, через посредство которых социально-экономические и культурные переменные, а также переменные среды воздействуют на рождаемость»): искусственный аборт, продолжительность кормления грудью, брачность, использование контрацептивов? Или же если взять уже сложившиеся в мире условия, то какое сочетание этих исходных и промежуточных факторов может дать максимальный эффект в той или иной среде?

Для иллюстрации воспользуемся медианными примерами из двух категорий — «вероятные» и «маловероятные» страны. Что касается исходных факторов (см. табл. 13), то они привели бы к увеличению продолжительности жизни на 10—15 лет, уменьшению в 2 раза или более коэффи-

циента младенческой смертности, росту грамотности среди взрослых на 20—45%, возрастанию числа учащихся в школах на 5—30 единиц, увеличению несельскохозяйственной рабочей силы на 20—30 единиц, росту ВВП на душу населения в 2,5—3 раза либо к какой-то выборочной комбинации этих показателей — все это послужило бы тому, чтобы добиться изменения средней величины ОКР с 35 до 20 в течение 20—25 лет.

В отношении промежуточных факторов, хотя имеющиеся здесь эмпирические данные еще недостаточно исчерпывающие, мы могли бы, с некоторой гарантией, исходить из того, что кормление грудью в выбранных нами странах составляет длительный период (скажем, 24 месяца), практика искусственного аборта не распространена, доля состоящих в браке высокая. С учетом этих трех обстоятельств для достижения ОКР 20 использование контрацептивов среди супружеских пар должно было бы составлять около 65%. Требование к применению контрацептивов для ОКР 35 составляет в аналогичных условиях величину, меньшую более чем в два раза.

В общем, страны в категории «вероятные», по-видимому, приближаются к нормативу ОКР 35, однако группе «маловероятных» стран еще предстоит проделать известный путь в этом направлении, причем без существенного прогресса. Для них требования в отношении ОКР 35 с точки зрения исходных и/или промежуточных факторов могут стать вполне оправданными целями на оставшийся период столетия, а относительные возможности достижения даже такой цели и эффективное движение к ней могут явиться единственным определяющим соображением.

Изложенный подход представляет собой полезный способ изучения сути проблемы, особенно когда речь идет о конкретных примерах.

В заключение отметим, что цель в виде ОКР 20 в развивающихся странах к 2000 г. не несет в себе какой-либо магической силы. Эта цель, как и всякая другая, произвольна, хотя она может быть полезна для выяснения того, что желательно, а что реально выполнимо. В любом случае анализ показывает, какие усилия потребовались бы предпринять для достижения более высокой или более низкой, более близкой или более отдаленной, более сжатой или более дифференцированной цели. Ни одной конкретной группе используемых здесь «пороговых» факторов или величин

не придается смысла окончательности. Тем не менее так называемые исходные, определяющие факторы социально-структурного характера являются столь взаимосвязанными, что любое вероятное их сочетание привело бы в основном к сходным результатам.

Таким образом, с учетом имеющейся в настоящее время информации и прогнозов представляется, что ОНР 20 и темп роста населения в 1%, очевидно, останутся недостижимыми для развивающихся стран к 2000 г. В любом случае, даже при наиболее благоприятных обстоятельствах, этим странам в целом следует ожидать значительного увеличения численности населения — порядка на 60% по сравнению с 1975 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nortman D. L., Hofstatter E. Population and Family Planning Programs.— A Population Council Fact Book, 9th ed. New York: The Population Council, 1978, Table 5, p. 18.
2. «A Population Council Fact Book», Table 1, col. 3.
3. Ibidem, Table 1.
4. Mauldin W. P., Berelson B. Conditions of fertility decline in developing countries, 1965—1975.— «Studies in Family Planning», 9, № 5, May 1978.
5. «Selected world demographic indicators by countries, 1950—2000», UN Population Division, May 1975.
6. Kirk D. A new demographic transition?— «Rapid Population Growth: Consequences and Policy Implications». Baltimore: The John Hopkins Press, 1974, p. 132.

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И РОЛЬ ЖЕНЩИН

К. Оппонг, Э. Хавио-Маннилла¹

1970-е годы: ОБЩИЙ ОБЗОР

Всемирная конференция ООН по народонаселению

Со времени состоявшейся в 1974 г. в Бухаресте Всемирной конференции ООН по народонаселению непрерывно происходило усложнение взаимодействия между компонентами воспроизводства населения и экономическими, политическими, идеологическими и религиозными факторами, и наряду с этим — изменение семейной структуры населения. Признание взаимосвязи народонаселения и социального развития как реального факта, а также непреложности общественного и экономического равноправия женщин и мужчин относится к числу основополагающих принципов, провозглашенных делегатами конференции.

В качестве первоочередных задач научных исследований конференция выдвинула изучение социальных и демографических процессов в рамках жизненного цикла семьи, а также анализ изменений семейной структуры и функций семьи. Выработанные конференцией практические рекомендации касались укрепления семьи, брака, прав супругов и детей, действий по выравниванию статуса мужчин и женщин. Характерно, что принятые этим форумом важнейшие постановления, подчеркивающие важность роли женщин и семьи, не предусматривались в первоначальном проекте Всемирного плана действий ООН в области народонаселения и были приняты непосредственно на конференции.

¹ Christine Oppong, Elina Haavio-Mannila. Women, Population, and Development.— In: World Population and Development, Syracuse University Press, 1979, p. 440—485. Кристина Оппонг и Элина Хавио-Маннилла — научные сотрудники Международной организации труда (МОТ).

© United Nations Fund for Population Activities, 1979

1975 год был провозглашен Всемирным годом женщин. В этом году представители 100 стран собрались в Мехико и постановили одобрить выработанный в Бухаресте Всемирный план действий ООН в области народонаселения на десятилетие с 1975 по 1985 г. Этот план, отражающий стремление каждого государства к достижению полного социального равенства мужчин и женщин, включает обширный перечень пунктов, касающихся положения женщин (и, в более широком плане, размеров семьи): образование и грамотность, занятость и оплата труда, домашние обязанности и внутрисемейное регулирование рождаемости. В плане подчеркивается важность права женщин самим определять количество детей и время их рождения, а также права иметь необходимую информацию для принятия соответствующих решений.

Семидесятые годы стали периодом критического пересмотра практических программ и теоретических концепций по женскому вопросу и наряду с этим — периодом значительного увеличения финансовой и технической помощи на претворение в жизнь политики народонаселения¹. Повсеместно утвердилось признание необходимости совершенствовать методы исследования и разработку новых теорий относительно места и роли женщин в обществе. Эти новые методы и теории в свою очередь позволят создать гораздо более эффективную систему мероприятий, оптимизирующих социальную роль женщин в современном мире. Отметим, однако, что акцент на экономических факторах, присутствующий многим исследованиям уровня рождаемости в развивающихся странах, а также почти полное отсутствие женщин среди демографов — ученых и практиков отрицательно сказались на некоторых итогах работ последнего 20-летия, и в будущем необходимо попытаться преодолеть этот крен, с тем чтобы суметь выработать более эффективные направления демографической политики.

¹ В период с 1960 по 1976 г. международные ассигнования на поддержание политики народонаселения увеличились с 2 млн. до 314 млн. долл. [4].

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН

Участие в политической деятельности

Во многих странах считается, что гражданство уже само по себе предполагает полноправное членство в обществе. Однако нередко женщины оказываются в иной ситуации, поскольку некоторые сохраняющиеся социальные обычаи и традиции продолжают служить помехой полной реализации гражданских прав женщин. Кроме того, само по себе право на голосование вряд ли в состоянии автоматически обеспечить другие политические и экономические права, поэтому утверждение полного социального равенства женщин является процессом длительным и трудным. Нынешняя практика показывает, что участие женщин в принятии экономических и политических решений как на внутригосударственном, так и на международном уровнях остается пока редким. Например, в период с 1946 по 1974 г. всего 6% делегатов Генеральной Ассамблеи ООН составляли женщины, причем такая диспропорция в равной мере касается и развитых и развивающихся стран. Уровень экономического прогресса страны не коррелирует также с долей женщин среди членов парламента, по крайней мере в Западной Европе [2].

Образование

В современном мире образовательный уровень является важнейшим показателем степени развития как общества в целом, так и отдельной личности. Всеобщая декларация прав человека провозгласила право каждого на получение образования. Согласно Декларации об уничтожении дискриминации женщин, девушки и женщины, независимо от их семейного статуса, имеют равные с юношами и мужчинами права на получение образования любого уровня и профиля [3].

Тем не менее различия в уровне грамотности между полами все еще значительны. В 1968 г. из 94 стран мира только в 8 странах женщины составляли менее половины всех неграмотных, тогда как в 37 странах на их долю приходилось свыше 60% всего неграмотного населения [4]. В сфере высшего образования различия между полами

также очень велики. Хотя и существует несколько стран, где более половины студентов высших учебных заведений — женщины, все же примерно в 20—30% всех стран, по которым имела информация на 1975 г., женщины, обучающиеся в вузах и университетах, составляют менее 40% студенчества. Если рассматривать в совокупности все государства мира независимо от их размера, то средняя доля женщин среди учащихся составит 45% на начальной ступени образования, 42% — на средней и 34% — на высшей [5].

Данные табл 1, 2 и 3 свидетельствуют о том, что уровень образования женщин в стране в сильной мере связан с долей экономически активного населения, занятого в промышленности и сфере услуг, и что наивысший уровень просвещенности женщин, а также самый большой процент женщин-студенток наблюдаются в наиболее экономически развитых странах.

Трудовая активность

Предполагается, что замужние и незамужние женщины должны иметь равные с мужчинами права в отношении получения работы, свободного выбора профессии, оплаты и подходящих условий труда, гарантий от безработицы, справедливой и равной платы за одинаковый труд. Считается недопустимым их увольнение в случае замужества или материнства, признается необходимым обеспечить оплачиваемый отпуск по материнству и гарантию возвращения на прежнее место работы, а также создать благоприятные условия для ухода за детьми и прочие социальные услуги. Разумеется, главные отрицательные последствия неблагоприятных условий труда, включая безработицу, неполную занятость и низкую заработную плату, одинаково ощущают и женщины, и мужчины. Но женщины часто гораздо более уязвимы в этом отношении, им бывает чрезвычайно трудно отыскать одинаковые с мужчинами работу и заработок.

В экономической сфере женщины представлены намного слабее, чем мужчины. Хотя они порой выполняют чрезвычайно тяжелые работы по дому и — по крайней мере в некоторых странах — в сельском хозяйстве, эта их деятельность не учитывается статистикой. В переписях населения данные об экономической активности разных

Таблица 1

Общий коэффициент рождаемости, а также образовательный и политический статус женщин в зависимости от доли экономически активного населения, занятого в промышленности. Групповые средние получены на базе средних по странам

Коэффициент рождаемости и статус женщин (К) ¹	Доля занятых в промышленности			
	—15 (25)	16—25 (21)	26— (35)	всего (150)
<i>Около 1968 г.</i>				
Общий коэффициент рождаемости (число рождений на 1000 жителей)	43	39	21	35
<i>Образовательный статус</i>				
Среднее число лет посещения школы женщинами в возрасте, лет				
15—24	2,0	2,7	5,5	3,6
25—64	1,1	1,6	4,2	2,6
Доля девушек среди обучающихся на начальной и средней ступенях образования, %	45	62	77	54
Доля женщин среди обучающихся на высшей ступени образования, %	30	30	34	28
<i>Около 1975 г.</i>				
Доля женщин среди обучающихся, %				
на начальной ступени образования	41	47	48	45
на средней ступени	36	44	48	42
на высшей ступени	32	31	40	34
<i>Политический статус</i>				
Год распространения на женщин всеобщего избирательного права	1949	1951	1931	1945
Доля женщин среди делегатов Генеральной Ассамблеи ООН в 1946—1974 гг., %	8	7	5	6

¹ Во многих случаях расчетное количество стран (К) занижено. В общий итог включены также страны, по которым отсутствуют данные о структуре экономически активного населения.
Источники: E. Boulding et al., *Handbook of International Data on Women*. New York: Wiley, 1976, p. 250—257; UN Centre for Social and Humanitarian Affairs, *Les Femmes aux Nations Unies*. New York: UN, 1977.

Таблица 2

Общий коэффициент рождаемости, а также образовательный и политический статус женщин в зависимости от доли экономически активного населения, занятого в сфере услуг. Групповые средние получены на базе средних по странам

Коэффициент рождаемости и статус женщин (К) ¹	Доля занятых в сфере услуг			
	—15 (22)	16—25 (49)	26— (24)	всего (150)
<i>Около 1968 г.</i> Общий коэффициент рождаемости (число рождений на 1000 жителей)	39	33	24	35
<i>Образовательный статус</i> Среднее число лет посещения школы женщинами в возрасте, лет				
15—24	3,0	3,4	6,6	3,6
25—64	2,0	2,2	5,5	2,6
Доля девушек среди обучающихся на начальной и средней ступенях образования, %	49	64	80	54
Доля женщин среди обучающихся на высшей ступени образования, %	27	31	36	28
<i>Около 1975 г.</i> Доля женщин среди обучающихся, %				
на начальной ступени образования	44	46	49	45
на средней ступени	41	44	48	42
на высшей ступени	37	35	41	34
<i>Политический статус</i> Год распространения на женщин всеобщего избирательного права	1945	1944	1933	1945
Доля женщин среди делегатов Генеральной Ассамблеи ООН в 1946—1974 гг., %	8	6	6	6

Источники: E. Boulding et al. Handbook of International Data on Women. New York: Wiley, 1976; UN Centre for Social and Humanitarian Affairs, Les Femmes aux Nations Unies. New York: UN, 1977.

Таблица 3

Общий коэффициент рождаемости, а также образовательный и политический статус женщин в зависимости от типа общества. Групповые средние получены на базе средних по странам

Коэффициент рождаемости и статус женщин (К)	Тип общества ¹			Всего (134)
	аграрный (31)	индустриальный (83)	постиндустриальный (19)	
<i>Около 1968 г.</i> Общий коэффициент рождаемости (число рождений на 1000 жителей)	42	36	23	35
<i>Образовательный статус</i> Среднее число лет посещения школы женщинами в возрасте, лет				
15—24	2,3	3,6	6,9	3,6
25—64	1,3	2,5	5,8	2,6
Доля женщин среди обучающихся на высшей ступени образования, %	26	26	37	28
<i>Около 1975 г.</i> Доля женщин среди обучающихся, %				
на начальной ступени образования	43	45	49	45
на средней ступени	39	42	48	42
на высшей ступени	32	33	41	34
<i>Политический статус</i> Год распространения на женщин всеобщего избирательного права	1949	1947	1932	1945
Доля женщин среди делегатов Генеральной Ассамблеи ООН в 1946—1974 гг., %	6	5	6	6

¹ Аграрное общество — более 50% экономически активного населения работают в сельском хозяйстве. Индустриальное общество — не менее 55% экономически активного населения занято в промышленности и сельском хозяйстве, причем доля сельскохозяйственного населения не превышает 50%. К этой категории отнесены также страны, по которым не имеется информации об их экономической структуре. Постиндустриальное общество — свыше 45% экономически активного населения занято в сфере услуг.

Источники: E. Boulding et al. Handbook of International Data on Women. New York: Wiley, 1976; UN Centre for Social and Humanitarian Affairs, Les Femmes aux Nations Unies. New York: UN, 1977.

полов нередко представляют роль женщин как крайне незначительную, такое искажение серьезно затрудняет точный анализ женской занятости. В переписях женщины часто учитываются как находящиеся на иждивении, хотя это далеко не всегда соответствует действительности. Примеры самых различных по уровню культуры обществ показывают, что все больше и больше женщин во всем мире, как в развитых, так и в развивающихся странах, являются, по существу, единственными кормильцами своих иждивенцев, главным образом детей. Таким образом, основная сложность исследования материалов о женском труде состоит в неопределенности таких понятий, как «неоплачиваемый семейный работник» и «домашняя хозяйка». Снижение во времени доли женщин, относимых к категории «домашних хозяек», может означать как увеличение производственной занятости женщин вне дома, так и простое иное толкование соответствующего термина. Поэтому, как показали новейшие исследования женского труда в некоторых странах, прежние оценки нуждаются в серьезном пересмотре. Но следует отметить, что изменение принятой в переписях классификации статистических данных не всегда делало ее менее предвзятой в отношении полов. Порой изменения имели противоположную направленность. Например, идея о зарплате мужчин как основе существования семьи или же тезис об исключении жен фермеров и мелких буржуа из состава занятого населения, не фигурировавшие в ранних британских переписях населения, присутствуют в переписях XX в.

В основе межнациональных сравнительных исследований занятости женщин лежит метод функционального и пространственного разделения обязанностей женщин между домом и работой, то есть между сферами репродукции, потребления и производства. В аграрных странах эти три сферы могут или составлять одно целое, или совпадать друг с другом лишь частично, в силу чего возникает проблема, в какой последовательности рассматривать каждую из них.

Другой фактор, усложняющий сбор и анализ информации об участии женщин в общественном труде, — его непостоянство. Быстрый рост населения на протяжении последних трех десятилетий сопровождался соответствующими быстрыми темпами увеличения численности рабочей силы и ускорением процесса урбанизации. Попутно

росла безработица и происходили коренные изменения в уровне и структуре занятости, а также в размерах оплаты труда. Эти изменения оказали глубокое воздействие на трудовую активность как женщин, так и мужчин. В большинстве стран женщины превратились в необходимый элемент совокупной рабочей силы, чье участие становится особенно ощутимым в моменты экономических и социальных затруднений.

Женщины в сельском хозяйстве

Повсюду в мире женщины играют важную роль в сельском хозяйстве. В развивающихся странах эта роль полнее всего выражена в Центральной и Южной Африке и в Юго-Восточной Азии. В Южной Америке, Северной Африке и на Ближнем Востоке доли женщин, занятых сельскохозяйственным трудом, ниже. Занятость женщин в сельском хозяйстве находится в криволинейной зависимости от доли промышленного населения в стране: в наименее и наиболее индустриализованных странах она выше, чем в тех странах, где доля индустриального труда невелика (см. табл. 4). Вместе с тем высокая доля занятых в сфере услуг тесно коррелирует с низкой пропорцией женского труда в сельском хозяйстве (см. табл. 5). Коммерческая ориентация сельскохозяйственного производства оказала тот же эффект, что индустриализация в аграрных районах: «зеленая революция» резко увеличила урожайность, но это произошло ценой вытеснения мелких фермеров, ценой возникновения региональных диспропорций и углубления неравенства в доходах. В большинстве случаев от подобной перестройки сельского хозяйства особенно пострадали женщины.

Не так давно была предпринята попытка разработать предварительную оценку характера влияния технологических изменений на условия жизни и труда женщин, занятых в сельском хозяйстве [6]. Для того чтобы понять, как распределяется между полями трудовая деятельность и преимущества технического прогресса в сельском хозяйстве, необходимо изучить характер взаимоотношений между мужчинами и женщинами в домашнем хозяйстве. Исследования показали, что игнорирование ключевой роли женщин в аграрных странах, особенно их вклада в сельское хозяйство, а значит, в производство продовольствия, а так-

же пренебрежение важностью технического оснащения женского труда могут стать серьезной помехой развитию сельского хозяйства. В последнее время обращалось все большее внимание на сильную перегруженность крестьянок в развивающихся странах, связанную с выполнением ими двух функций: производственной и репродуктивной (работницы и матери). Наряду с этим исследовались особенности в разделении труда между полами, свойственные разным культурам. Одобренная Всемирной конференцией МОТ по проблемам занятости (Женева, 1976 г.) Программа действий на национальном уровне рекомендовала развивающимся странам особое внимание уделить содействию росту социального статуса, образования, культурного развития и занятости женщин.

Женщины в промышленности и сфере услуг

Доля женщин в обрабатывающей промышленности почти так же высока, как и в сельском хозяйстве. Средние для всего мира показатели на дату, близкую к 1968 г., составляли соответственно 25 и 23%. В расчет вошло 98 стран в первом случае и 107 — во втором; общемировые средние вычислялись на основе средних по каждой стране. В других отраслях вторичного сектора — электрическая и газовая промышленность, коммунальные услуги, строительство — доля женщин ниже (4—8%). Следует учитывать, что большинство занятых женщин являются служащими или выполняют конторскую работу; общемировой показатель участия женщин в собственно производственных процессах равен всего лишь 16%. Численность женщин на производстве сравнительно велика в Америке, Европе, Азии и Австралии, чего нельзя сказать об Африке и Ближнем Востоке.

Представляется, что повсеместно доля женщин в обрабатывающей промышленности и других отраслях вторичного сектора не связана со структурой экономически активного населения и мало различается в аграрных, индустриальных и постиндустриальных обществах (см. табл. 4, 5 и 6). Вместе с тем существуют определенные различия между двумя показателями доли женщин, занятых в третичном секторе экономики (сфера услуг), а именно долей женщин-служащих (органы управления, общественные организации, коммерция, досуг и сфера личных услуг) и

Таблица 4

Уровень экономической активности женщин в зависимости от доли занятых в промышленности и структуры экономически активного населения. Групповые средние получены на базе средних по странам.

Уровень экономической активности женщин (К)	Доля занятых в промышленности, %			
	—15 (24)	16—25 (22)	26— (35)	всего (123)
<i>Около 1968 г.</i>				
Процент работающих женщин	23	14	24	24
Доля женщин в общей численности экономически активного населения, %	28	21	30	28
Доля женщин в различных группах работающих, %				
на собственном предприятии	18	17	19	19
по найму	21	18	29	24
в семье	46	27	52	45
Доля женщин в различных отраслях экономики, %				
сельское хозяйство	25	15	23	23
горнодобывающая промышленность	12	6	6	8
обрабатывающая промышленность	23	27	27	25
энергетика	5	7	9	8
строительство	3	3	4	4
торговля	29	27	36	30
транспорт	5	5	11	7
сфера услуг	34	40	47	39
Доля женщин в различных профессиональных группах, %				
инженерно-технические работники	32	38	41	38
административно-управленческий аппарат	14	7	12	11
конторские работники	26	25	46	35
торговые работники	29	29	39	33
служащие	40	47	60	50
сельскохозяйственные рабочие	28	14	23	22
производственные рабочие	15	16	17	16

Уровень экономической активности женщин (К)	Доля занятых в промышленности, %			
	—15 (24)	16—25 (22)	26— (35)	всего (123)
Около 1975 г.				
Процент работающих женщин	21	14	26	24
Распределение всех работающих по полу (женщины: мужчины)	42	31	46	45

Источники: ILO, *Year Book of Labor Statistics, 1976*; E. Boulding et al., *Handbook of International Data on Women*. New York: Wiley, 1976; UN Centre for Social and Humanitarian Affairs, *Les Femmes aux Nations Unies*. New York: UN, 1977.

долей занятых конторской деятельностью. Доля женщин-служащих составляет в среднем 39% (108 стран), а женщин конторских профессий—35% (87 стран). Кроме того, существуют региональные различия: в большинстве стран мира, за исключением Африки (без Южной Африки) и Ближнего Востока, велика численность женщин-служащих, а на конторской работе в тех же странах и в Центральной и Южной Америке, а также в Азии (за исключением Японии и Филиппин) женщин гораздо меньше.

В Латинской Америке имеется давняя традиция работы женщин в качестве домашних служанок, чем объясняется их высокая доля в сфере личных услуг в данном регионе. Но эти женщины не смогли перейти к более современным профессиям, например к конторской работе. Привилегированные слои общества не желают мириться с тем, что у их домашней прислуги появляются возможности для повышения социального статуса и выбора более выгодного занятия, контингенты же потенциальных служанок истощаются. На совещании, созванном Национальным советом Ганы по участию женщин в развитии, отмечалось, что в обществах, где именно женщины, а не мужчины выполняют работу по дому, домашние служанки необходимы для поддержания образованного и обученного сектора женской рабочей силы, способной к работе вне дома. Это достается, однако, ценой резкого ограничения жизненных возможностей детей бедных слоев населения.

В индустриальных и постиндустриальных обществах по сравнению с аграрными женщин занято несколько

Уровень экономической активности женщин в зависимости от доли экономически активного населения, занятого в сфере услуг. Групповые средние получены на базе средних по странам.

Уровень экономической активности женщин (К)	Доля занятых в сфере услуг, %			
	—20 (22)	21—45 (49)	46— (23)	всего (123)
Около 1968 г.				
Процент работающих женщин	29	17	33	24
Доля женщин в общей численности экономически активного населения, %	34	23	32	28
Доля женщин в различных группах работающих, % на собственном предприятии по найму в семье	25 22 52	17 22 36	18 29 59	19 24 45
Доля женщин в различных отраслях экономики, %	34	19	20	23
сельское хозяйство	13	6	6	8
горнодобывающая промышленность	26	26	27	25
обрабатывающая промышленность	7	8	8	8
энергетика	4	3	4	4
строительство	34	28	37	30
торговля	6	6	12	7
транспорт	38	40	48	39
сфера услуг				
Доля женщин в различных профессиональных группах, %				
инженерно-технические работники	32	38	42	38
административно-управленческий аппарат	18	9	12	11
конторские работники	28	30	50	35
торговые работники	36	30	38	33
служащие	44	49	61	50
сельскохозяйственные рабочие	36	19	18	22
производственные рабочие	17	15	16	16

Уровень экономической активности женщин (К)	Доля занятых в сфере услуг, %			
	—20 (22)	21—45 (49)	46— (23)	всего (123)
Около 1975 г.				
Процент работающих женщин	28	18	26	24
Распределение всех работающих по полу (женщины: мужчины)	53	36	47	45

Источники: ILO, *Year Book of Labor Statistics*, 1976; E. Boulding et al., *Handbook of International Data on Women*, New York: Wiley, 1976; UN Centre for Social and Humanitarian Affairs, *Les Femmes aux Nations Unies*. New York: UN, 1977.

больше в качестве служащих и значительно больше — на конторских работах. Кроме того, по мере перемещения от аграрных стран к индустриальным и постиндустриальным ощутимо нарастает участие женщин в таких отраслях, как транспорт и связь, а также в других инженерно-технических профессиях (табл. 4, 5 и 6).

Международная организация труда приняла ряд постановлений, которые предполагалось утвердить в странах — участницах в виде пунктов их национальных трудовых кодексов, в том числе такие, как запрет на ночные работы, поднятие чрезмерных тяжестей и подземные работы. Однако в последнее время возникли возражения против такого рода запретов, касающихся женского труда, отчасти потому, что они в некоторой степени способствовали сохранению сегрегации полов на рынке труда. Права женщин и юридические гарантии в периоды временного нездоровья и в случае рождения ребенка сильно варьируют в разных государствах: от обеспечения продолжительного оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком (например, в Австралии, Финляндии, Венгрии, Швеции) до полного отсутствия какого-либо обеспечения и даже отсутствия национальной системы страхования здоровья, которая покрывала бы расходы на медобслуживание населения, в том числе связанные с рождением детей. Меры социальной политики и программы по обеспечению благосостояния женщин во многих развитых странах довольно запутанны и противоречивы. Женщины чаще фигурируют в них как

Уровень экономической активности женщин в зависимости от типа общества. Групповые средние получены на базе средних по странам

Уровень экономической активности женщин (К)	Тип общества			
	аграрный (34)	индустриальный (67)	постиндустриальный (22)	всего (123)
Около 1968 г.				
Процент работающих женщин	22	25	24	24
Доля женщин в общей численности экономически активного населения, %	26	26	32	28
Доля женщин в различных группах работающих, %				
на собственном предприятии	20	18	18	19
по найму	19	25	29	24
в семье	41	40	61	45
Доля женщин в различных отраслях экономики, %				
сельское хозяйство	26	22	20	23
горнодобывающая промышленность	9	7	7	8
обрабатывающая промышленность	24	26	26	25
энергетика	6	10	8	8
строительство	3	5	4	4
торговля	28	29	37	30
транспорт	4	7	12	7
сфера услуг	36	38	48	39
Доля женщин в различных профессиональных группах, %				
инженерно-технические работники	33	40	42	38
административно-управленческий аппарат	7	13	12	11
конторские работники	20	36	51	35
торговые работники	28	35	38	33
служащие	41	53	61	50
сельскохозяйственные рабочие	26	22	20	23
производственные рабочие	15	16	15	16

Уровень экономической активности женщин (К)	Тип общества			
	аграрный (34)	индустриальный (67)	постиндустриальный (22)	всего (123)
Около 1975 г.				
Процент работающих женщин	21	25	26	24
Распределение всех работающих по полу (женщины: мужчины)	41	47	48	45

Источники: ILO, *Year Book of Labor Statistics, 1976*; E. Boulding et al., *Handbook of International Data on Women*. New York: Wiley, 1976; UN Centre for Social and Humanitarian Affairs, *Les Femmes aux Nations Unies*. New York: UN, 1977.

супруги или вдовы, а отнюдь не как работницы или граждане со своими собственными правами.

Доля работающих женщин, состоящих в профсоюзах, обычно гораздо ниже, чем мужчин.

Рождаемость

Право личности самостоятельно планировать количество детей в семье и время рождения их всегда провозглашалось ООН важнейшим человеческим правом и рассматривалось как существенный элемент физического и психического здоровья человека. Именно от степени реализации этого права во многом зависит социальный статус женщин.

Величина общего коэффициента рождаемости существенно варьирует в различных регионах мира. Например, в 1968 г. минимальные показатели составляли менее 13, а максимальные — более 52 рождений на 1000 человек населения. Показатели последнего времени, относящиеся к 1975—1980 гг., колеблются от 10 до 52‰ [7]. В зону наивысшего уровня рождаемости входят Центральная Америка, западная часть Южной Америки, подавляющая часть Африки и некоторые регионы Азии. Анализ общих показателей свидетельствует о том, что по мере повышения уровня индустриализации экономики (см. табл. 1) и нарастания занятости в сфере услуг (см. табл. 2) происходит

значительное сокращение общего коэффициента рождаемости. Табл. 3 демонстрирует также существенное понижение рождаемости при переходе от аграрных к индустриальным, а от индустриальных — к постиндустриальным обществам. Кроме того, имеется обширная литература, указывающая на существование во многих развивающихся странах обратной зависимости между урбанизацией и рождаемостью. Однако, как о том свидетельствуют некоторые исследования, подобная корреляция между рождаемостью и распределением населения в разрезе город — село, размером городов или занятостью в сельском хозяйстве выявляется не всегда. Наряду с названными факторами репродуктивное поведение определяется также конкретными условиями жизни индивидуума и совокупностью мотивов социального порядка, такими, как принадлежность к определенному классу, касте, группе. В последнее время стала все более превалировать идея о том, что успех программ семейного планирования и долговременного понижения уровня рождаемости во многом зависит от социального статуса женщин и их роли в принятии решений. Основное предположение заключается в том, что в тех обществах, где женщины преимущественно заняты ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей, рождаемость будет выше. Иными словами, замечена связь между стремлением к большой семье и тем, что получило название «традиционализм» женских ролей. Во многих исследованиях подчеркивается, что дети являются важным средством достижения социального признания, экономической опоры и счастья женщин. На примере самых различных культур доказывается, что в рамках семейной структуры отношения между матерью и ребенком наиболее тесны и менее всего поддаются замещению. Большинство женщин мира считают материнство своей главной ролью в жизни; оно даже может расцениваться как необходимая предпосылка признания их полноценными членами общества.

Отмечается, что укрепление здоровья женщины увеличивает ее потенциальную способность к зачатию большего числа детей. Доказано также, что улучшенное питание может способствовать более ранним менархиям и более позднему наступлению климактерии, а также укорачиванию периода послеродовой аменореи у кормящих матерей. Как прошлые, так и современные данные подтверждают

предположение, что вариации в уровне брачной плодovitости, существующие между разными социальными и экономическими группами, могут быть результатом различий в состоянии здоровья и питании, а также своеобразия традиций грудного вскармливания младенцев, так что вовсе нет необходимости объяснять их сознательным семейным планированием. К примеру, исследования в сельских районах Бангладеш показали, что недостаточное питание матерей и отсутствие высококачественного прикорма для младенцев сопровождается более длительным периодом лактационной аменореи, что в свою очередь оттягивает возможность последующих беременностей. Еще раз необходимо подчеркнуть, что «современный вид» некоторых социальных показателей отнюдь не всегда свидетельствует о стремлении к малому числу детей, порой они отражают противоположное желание.

Одним из аспектов рождаемости, который оказывает решающее влияние на образовательный и профессиональный уровень женщин, а также на их суммарную фертильность, является начальный возраст деторождения. Поскольку у женщин, как и у мужчин, продвижение по службе предполагает получение образования или повышение квалификации, то очевидно, что временное или окончательное прерывание учебы в связи с беременностью большей частью отрицательно сказывается на потенциальном статусе женщин во внесемейной сфере.

Браки в детском возрасте и помолвки юных девушек до достижения половой зрелости предполагается запретить. Тем самым женщины получают одинаковые с мужчинами права на свободный выбор супруга и по-настоящему сознательное замужество. Минимальный возраст вступления в брак предложено принять 15 лет, причем все браки должны быть официально зарегистрированы. В соответствии с этими рекомендациями ООН реально существующий юридический минимум возраста девушек при вступлении в брак варьирует от 12 до 20 лет. В большинстве стран юридически закреплен более высокий минимальный брачный возраст для мужчин по сравнению с женщинами. Во многих регионах, особенно в Африке и Индии, все еще существует прочная социальная традиция раннего вступления девушек в брак. В странах, где девушки выходят замуж очень юными, нередко наблюдается 10—15-летний разрыв между возрастом жены и мужа.

Ежегодно у девушек моложе 20 лет рождается 12—18 млн. детей. Процент деторождений у матерей моложе 20 лет колеблется в разных странах и у разных народов. Если в некоторых государствах Центральной Америки и Карибского бассейна он достигает 25%, в США — около 20%, то в Японии он составляет всего лишь 1%. В США, где $\frac{3}{4}$ матерей-подростков не имеют мужа, процент подобных рождений сегодня почти втрое превышает уровень 1940 г. Если в 1960 г. подростками рождено 14% всех детей, то в 1972 г. эта величина составила уже 19%. Высокая и, по-видимому, растущая степень сексуальной свободы молодежи, сопровождающаяся неизменно большим числом нежелательных беременностей и деторождений у незамужних матерей, составляет одну из серьезных проблем народонаселения в США. Эти юные матери, как правило, бедны, не имеют мужа и в силу своего несовершеннолетия лишены каких-либо экономических привилегий. Их образование, по существу, прервано, и шансы на продвижение по служебной лестнице утрачены. Вдобавок у их детишек опасность заболеть выше, чем у других детей.

Ориентация на раннее материнство заложена в культуре народа. К примеру, традиционным исламским культурам свойственны ранние браки, и всякие попытки юридически повысить минимальный брачный возраст девушек могут натолкнуться на мощную оппозицию со стороны широких масс населения. В большинстве стран Ближнего Востока 40—50% девушек к 20 годам уже выходят замуж. Обследование, проведенное 10 лет тому назад в Иране, показало, что $\frac{1}{3}$ сельских женщин и $\frac{1}{4}$ жительниц Тегерана к 15 годам уже были замужем. В исламских странах доля девушек-подростков, успевших выйти замуж, колеблется от 31% в Египте до 73% в Пакистане [8]. По исламской традиции, девушку отдавали замуж по достижении ею половой зрелости, и эта традиция до сих пор сохраняется во многих сельских регионах. Раннее вступление в брак, несомненно, оказывает заметное влияние на суммарную фертильность. Повышение брачного возраста, а значит, более позднее рождение первого ребенка может стать важным элементом государственной политики, направленной на снижение прироста населения.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВАХ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Предпринимались различные попытки выявить связь между уровнем экономического развития (с учетом таких показателей, как урбанизация, степень сложности социальной структуры, индустриализация) и изменениями в соотношении ролей мужчины и женщины в рамках семьи, в пропорции полов в сфере разделения труда, в разграничении сфер влияния в домашнем и общественном хозяйстве (если таковые дифференцированы), а также уровнем производственной и репродуктивной активности женщин. Полученные выводы о направленности подобных изменений оказались противоречивыми. Этнографы и историки в последнее время доказали, что равноправие полов и независимость женщин были характерной чертой по меньшей мере нескольких обществ на стадии собирательства и охоты. Как показывают материалы исследований, эта ситуация в корне изменилась с началом перехода к оседлому земледелию. Х. Гилле предположил наличие нелинейной зависимости между сложностью социальной структуры и равенством полов, в соответствии с которой промежуточный уровень развития социальной организации является наименее благоприятным для статуса женщин, но это мнение было оспорено [9].

Э. Бозеруп первой начала исследовать в широком масштабе те изменения, какие происходят в социальном и экономическом положении женщин по мере модернизации сельского хозяйства и расширения урбанизации. Ее анализ продемонстрировал, что «развитие зачастую способствует ослаблению экономической роли и статуса женщин». По мнению Бозеруп, дальнейшему ухудшению социально-экономического положения женщин может воспрепятствовать прежде всего получение ими соответствующего образования и профессиональных навыков. Если раньше мужчины и женщины были одинаково неграмотны и в силу этого имели одинаковую экономическую ценность, то теперь все больше мужчин по сравнению с женщинами обучаются новым профессиям. Работа Бозеруп и последующие исследования с большой убедительностью доказали, что для того, чтобы не допустить превращения женщин в

отсталый класс, необходимо повсеместное расширение образовательной и профессиональной подготовки женщин [10].

В недавней работе Э. Нэш вновь констатируется, что в отношении социально-производственной активности положение женщин ухудшилось во многих регионах мира [11]. По ее словам, цель многих программ развития сведена скорее к погоне за увеличением прибыли, чем к улучшению благосостояния населения.

Развитие промышленности влечет за собой глубокие экономические и социальные сдвиги, которые в свою очередь обуславливают изменение роли женщин и порождают новые тенденции в динамике трех основных демографических процессов: рождаемости, смертности и миграции. Впервые эти сдвиги были отмечены в Европе и Северной Америке, но по мере распространения индустриализации на остальные регионы мира в той или иной форме их испытывали и другие страны.

Многие ученые согласны с тем, что по крайней мере в западных странах до наступления эры индустриализации и урбанизации существовало большее равенство между полами. Теперь уже доказано, что с переходом от крестьянской общины к укладу с использованием наемного труда в сельском хозяйстве положение женщин ухудшилось как абсолютно, так и по сравнению с мужчинами. Важнейшей предпосылкой равенства мужчин и женщин в крестьянском хозяйстве была неразделенность экономических и семейных ролей.

В некоторых сферах раннего индустриального общества, в частности в среде рабочего класса, женщины еще продолжали совмещать свои экономические и семейные функции. Однако в основном они утратили эту особенность, и только последующие демографические сдвиги позволили им вернуть былую экономическую роль, что выразилось в росте производственной активности женщин в развитых странах в течение нескольких последних десятилетий.

Поскольку предпринимались попытки сопоставить занятость женщин в более и менее экономически развитых регионах, Э. Нэш высказывает мнение, что если уровень общей занятости и отражает степень социального и хозяйственного развития, то уровень занятости женщин не в состоянии сделать этого. В развитых капиталистических

странах женщины испытывают те же самые опасения — быть уволенной в первую, а принятой на работу в последнюю очередь, — какие падают на долю женщин в развивающихся странах. Главное отличие развивающихся государств от развитых состоит в свойственной первым крайней степени безработицы и исключительно низких размерах выплат социальных пособий по безработице. Другое отличие заключается в том, что если в развитых странах женщины используются как резерв дополнительной рабочей силы, то в развивающихся государствах они, как правило, не имеют никаких иных источников дохода, кроме разве случайных нерегулярных заработков. Э. Нэш также доказывает, что межгосударственные различия в уровне занятости женщин нужно рассматривать не столько в ракурсе сопоставления развитых и развивающихся стран, сколько с точки зрения осуществления политики полной занятости в противовес свободному обращению труда как товара, который наряду с другими факторами производства подвержен колебаниям спроса.

Коренной вопрос, на который надлежит ответить обществу, заключается в том, возьмет ли оно на себя заботу о благосостоянии и образовании детей и юношества или же сами родители, прежде всего матери, должны будут в индивидуальном порядке разрешать проблемы, связанные с воспитанием нового поколения. Некоторые государства, включая СССР, преуспели в мобилизации женских трудовых ресурсов наряду с мужскими именно благодаря тому, что за государственный счет были созданы общественные службы профессионального обучения, ухода за детьми, здравоохранения, образования, организации досуга и отдыха. Но в большинстве стран женщинам предоставлено самостоятельно или же в кругу собственной семьи разрешать сложную дилемму своих двойственных обязанностей; остается лишь ожидать, удастся ли странам с иным политико-экономическим строем, чем в СССР, добиться того, чего достигла эта страна.

Сравнительный анализ для государств с различным уровнем индустриализации (см. табл. 1—6, приведенные выше) и благосостояния (измеренного, например, величиной валового национального продукта на душу населения) показал, что занятость женщин гораздо слабее связана со степенью экономического развития, чем уровень образования женщин или рождаемость. Лишь в сфере ус-

луг доля работающих женщин тем выше, чем выше экономический потенциал страны.

Роль и место женщины в обществе не могут быть объяснены с точки зрения только успехов хозяйственного развития, важное значение имеют также культурные и исторические традиции. Влияние политической системы отчетливо проявляется в гораздо более высокой экономической активности женщин социалистических стран Восточной Европы по сравнению с их сестрами в Западной Европе. По-видимому, статус женщин в определенной мере связан также с религиозными устоями. В целом регионы распространения исламской культуры характеризуются, как правило, низкими уровнями образования и женской занятости; африканские и азиатские страны (за исключением зон действия ислама) — низким образовательным уровнем при высоких показателях участия женщин в общественном труде; европейские страны — одновременно высокими уровнями образования и профессиональной активности, а страны Латинской Америки — высоким уровнем образования женщин, но низкой их занятостью.

СЕМЬЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА, РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И РОЛИ ЖЕНЩИН

Выше уже отмечался усиленный акцент на семейной сфере социальной жизни, присущий официальным документам Всемирной конференции ООН по народонаселению в Бухаресте, а также ссылки на важность семейной роли женщин, прозвучавшие на Конференции в Мехико в рамках Всемирного года женщин. На обоих форумах семейная структура населения находилась в центре внимания как главный объект предстоящих научных исследований. Этот акцент также явно присутствовал при обсуждении программы действий Фонда ООН для деятельности в области народонаселения.

Семья в различных ее формах является первичной ячейкой процесса воспроизводства населения, а на ранних ступенях аграрной экономики она выполняла также производственные функции. Таким образом, семья представляла собой социальный орган для разрешения проблемы использования и восполнения жизненных ресурсов, и вместе

с тем была постоянно действующим производителем материальных и человеческих ресурсов, что подтверждается рядом исторических исследований. В то же самое время семья являлась своеобразной призмой преломления общесоциальных ценностей в поведении личностей. Как отмечалось выше, именно семейные роли в качестве дочери, матери, супруги наиболее жестко регламентируют поведение женщин, мешая или, напротив, побуждая их к участию в общественном производстве, даруя или же отнимая у них равные права и обязанности по сравнению с мужьями и братьями.

Разделение труда

Феминисты безоговорочно придерживаются утверждения, что равенство между мужчинами и женщинами предполагает прежде всего ту ситуацию, когда мужчины наравне с женщинами возьмут на себя ответственность и заботы, связанные с рождением и воспитанием детей, а женщины в свою очередь разделят роль мужчин в экономической сфере. Так, выдвигается тезис, что общества, в которых нет глубокого противопоставления мужчин и женщин и где высоко ценятся супружеские взаимоотношения и совместное участие обоих супругов в домашнем хозяйстве, оказываются наибольшими поборниками равноправия полов. Ибо, как отмечается, если мужчина привлечен к домашнему труду, к уходу за детьми и приготовлению пищи, он не может сохранить за собой ореол недостижимого властелина. Мужчины лишь тогда смогут признать подлинное равенство женщин, когда сами станут помощниками в воспитании новых поколений и примут на себя часть домашних обязанностей.

Имеется множество данных, показывающих, что как в индустриальных, так и в аграрных странах женщины гораздо чаще мужчин несут на себе основное бремя забот по дому. Это несправедливое распределение домашних обязанностей не раз являлось предметом горячих дискуссий на конференциях и семинарах. Всемирная конференция в рамках Всемирного года женщин рекомендовала принятие ряда мер на национальном уровне, в том числе законодательное закрепление не только активной роли каждого из супругов в семейной жизни, но и совместного их участия в принятии внутрисемейных решений.

Новейшие попытки выявить типы брачно-семейных отношений в зависимости от того, какие семейные роли общепризнанно считаются женскими, по мнению мужей, родственников или других лиц, показали, что выступления в защиту прав женщин происходили там, где женщины более всего были лишены чьей бы то ни было поддержки и в то же время имели примерно равный с мужчинами уровень интеллектуального развития и материального обеспечения. Кроме того, получены доводы, которые указывают на неизбежность стрессов среди активных, образованных женщин, пытающихся придерживаться традиционного стиля экономического и демографического поведения, невзирая на те перемены социально-экономического характера, в результате которых рушатся прежние опоры высокой рождаемости.

Чувства и эмоции

Изучение уровня брачной плодовитости и его динамики в различных условиях, как правило, не касалось общечеловеческих аспектов, в частности взаимосвязи сексуального поведения и интенсивности деторождения с эмоциональной сферой. Несколько абстрактный характер большинства исследований плодовитости можно считать следствием преобладания в них экономического и демографического аспектов, а также того обстоятельства, что оба эти направления развивались в обществах, где разделение трудовой и семейной сфер было уже свершившимся фактом. В этих условиях роль семьи воспринималась как нечто туманное, а семейная жизнь, интимные отношения, любовь стали казаться совершенно обособленными от экономической сферы. Плодовитость перестала ассоциироваться с близкими ей общечеловеческими понятиями: любовью, нежностью, чувством ответственности за другого человека. Значительные различия доиндустриальных и индустриальных обществ во взглядах на положение мужчин и женщин и взаимоотношения между ними, включая любовь и половые отношения, в последние несколько десятилетий являлись предметом систематического изучения в рамках социальной антропологии. Тем не менее сделано все еще мало попыток исследовать взаимосвязь между сексуальными отношениями, эмоциональной сферой и частотой деторождений. Даже те исследования, которые

отличаются наиболее глубоким анализом сексуального поведения, все еще не подошли вплотную к изучению собственно плодovitости.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Краткий обзор лишь незначительной части соответствующей литературы, а также анализ доступного статистического материала помогли выделить те несколько важных аспектов изучаемой проблемы, которые впервые были отмечены в документах Всемирной конференции ООН по народонаселению и Конференции в рамках Всемирного года женщин. В их число входят: необходимость более упорядоченных исследований демографических процессов, присущих различным стадиям жизненного цикла семьи, а также межнациональных исследований структуры, функций семьи и изменений в отношении людей к вопросам пола, брака, частоты деторождений, прав и обязанностей родителей. Не менее важна разработка более адекватных и утонченных методов сбора, обработки и анализа информации о положении женщин в обществах разного типа.

На каждой ступени анализа подчеркивалась важность учета специфических факторов, присущих определенным культурам, а также потребность в общекультурных концепциях и моделях. Акцент на изучении культурных факторов поддерживает довод, что в текущем десятилетии, по видимому, должна возрасти роль социальной антропологии в исследовании проблем народонаселения, как и значение междисциплинарного синтеза.

Доказывалось, во-первых, что равенство женщин и мужчин не может быть достигнуто посредством отдельных реформ в образовательной, профессиональной или семейной сферах. Единственный путь к его достижению — коренные социальные преобразования. Во-вторых, утверждалось, что только глубокие социальные сдвиги в состоянии повлечь за собой такую перестройку системы установок, мотиваций и существующей шкалы семейных и социальных ценностей, которая приведет к изменению величины рождаемости. В-третьих, высказывалась та мысль, что успех демографической революции во многом зависит от радикальных изменений в личностных взаимоотношениях, прежде всего в семейных.

В числе наиболее острых вопросов текущего момента были названы наиболее проблемные распределения богатства, услуг, политической власти — всего того, что нередко обходится молчанием в теориях и программах социального развития. Понятно, что глубокие социальные преобразования, затрагивающие отношения между мужчинами и женщинами, а также между семьей и обществом, не могут обойтись без социальных конфликтов и ломки старого уклада. Эти преобразования повлекут за собой изменения в демографическом поведении населения, а также в экономической деятельности женщин, что сделает их более активными участниками общественного развития.

Уже начата разработка программ, в которых делается попытка рассмотреть в совокупности все сложные вопросы, связанные с формулировкой задач, определением круга исследований и системы мероприятий применительно к проблемам народонаселения. Так, например, были организованы семинары и комитеты, в которых женщины сами являются деятельными участниками, а не просто объектом изучения. Накапливаются проекты по сбору и анализу важнейшей информации по женскому вопросу, с тем чтобы точнее знать, как меняется положение женщин, и способствовать его улучшению. Наряду с этим растет количество междисциплинарных исследований, направленных на выяснение сложного механизма взаимодействия между положением женщин и ходом демографических процессов. В качестве руководящего принят принцип, согласно которому составлению программ действий должен предшествовать тщательный анализ социальных, культурных и экономических факторов общественного развития. Признано также, что демографические процессы обусловлены действием широкого спектра культурных, социальных и экономических факторов. Последовательное познание механизма функционирования этих факторов помогло бы сделать демографические программы и политику народонаселения более полно отвечающими потребностям человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gille Halvor. Recent Trends in International Population Assistance.— In: Inventory of Population Projects in Developing Countries Around in the World 1976—1977. New York: UNFPA, 1977.

2. Haavio-Mannila E. How Women Become Political Actors.— «Department of Sociology, University of Helsinki, Working Paper 6»; Changes in Sex Roles in Politics as an Indicator of Structural Change in Society.— «International Journal of Sociology», 1978, 8 (3), p. 56—85.

3. United Nations. *Human Rights: A Compilation of International Instruments of the United Nations*. New York: UN, 1973, article 26, p. 3; article 9, p. 4.

4. Boulding E. et al. *Handbook of International Data on Women*. New York: Wiley, 1976, p. 134—135.

5. UN, *Statistical Yearbook, 1976*. New York: UN, 1976, table 207.

6. Ahmed I. Technological Change and the Condition of Rural Women: A Preliminary Assessment.— In: *World Employment Program, Technology and Employment Working Paper*. Geneva: ILO, 1978.

7. UN, *Demographic Yearbook, 1976*. New York: UN, 1976.

8. *Monthers Too Soon*, Draper World Population Fund Report, № 1, Autumn 1975.

9. Giele. Women's Roles; Safilios-Rothschild Constantina. A Cross-Cultural Examination of Women's Marital, Educational and Occupational Options.— «Acta Sociologica», 1974, 14, p. 1—2.

10. Boserup Ester. *Women's Role in Economic Development*. New York: St. Martin's, 1970.

11. Nash June. *The Integration of Women*. Mexico City: International Women's Year, 1975.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
1. Р. Салас. Международное сотрудничество в области проблем народонаселения развивающихся стран и роль ООН (пер. Ю. А. Ярошевского)	25
2. Л. Таба. Рост населения и социально-экономическое развитие (пер. Г. П. Яковенко)	45
3. А. Митра. Вопросы комплексной стратегии экономического и демографического развития освободившихся от колониальной зависимости стран (пер. В. П. Яковлева)	65
4. П. Калатбари. Демографический переход и динамика народонаселения в развивающихся странах (пер. М. С. Любского)	98
5. Р. Анкер, Г. Фарук. Демография и социально-экономическое развитие (пер. С. Ф. Иванова)	119
6. Р. Э. Кастельон, П. В. Суарес. Некоторые проблемы народонаселения Латинской Америки (пер. А. С. Первушина)	133
7. К. Ийю, Т. Хирука, С. Като. Рост населения и продовольственная проблема в развивающихся странах Азии (пер. В. П. Яковлева)	152
8. Р. Г. Ридкер. Рост населения, экономическое развитие, ресурсы и окружающая среда (пер. В. П. Яковлева)	186
9. Б. Берельсон. Программы контроля над рождаемостью: содержание и перспективы (пер. И. А. Хрипунова)	217
10. К. Опнонг, Э. Хавио-Маннилла. Народонаселение, развитие и роль женщин (пер. О. Д. Комаровой)	251

Проблемы народонаселения

*Современная демографическая ситуация
в развивающихся странах*

ИБ № 10312

Редактор Л. Б. Бабинцева
Младший редактор А. И. Прокопенко
Художественный редактор А. Д. Суима
Технический редактор Е. Ф. Кольцова
Корректор Г. Н. Иванова

Сдано в набор 5.5.81 г. Подписано в печать 16.11.81 г.
Формат 84×108/32. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
Усл. печ. л. 14,70. Уч.-изд. л. 14,82. Тираж 5000.
Заказ 1633. Изд. № 33146. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва 119021, Zubovskiy bulvar, 17.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 113105, Nagatinskaya, 1.